

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
Н. С. ЛЪСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-биографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложениемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

INSTITUT

WARSZAWY LITERACKICH PAN

BIBLIOTEKA

00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 77

Тел. 26-88-83

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание А. Ф. МАРКСА.

1903.

<http://rcin.org.pl>

Артистическое заведение А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

24.124 / 31-33

ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ.

(ОТРЫВКИ ИЗЪ ЮНОШЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ).

Старинный характеръ и бибиковскія преобразования.—Нѣчто о Карасивнѣ и Пиднебесной и объ акадеистѣ «матери Кукурузѣ».—Печерскій Кесарь и его импровизаціи.—Стремленіе войска уйти въ походъ противъ Вылезарія.—Легенда о бибиковской тещѣ и о всепомогающемъ докторѣ.—Способъ обращать верхніе зубы въ нижніе.—Квартальный антикварій.—Навздъ Вишьёля.—Старецъ Малафей Нимычъ и отрокъ Гезій.—Порча отрока челоуѣчиной.—Открытие моста.—Аскоченскій въ поэтическомъ восторгѣ.—Альфредъ фонъ-Юнгъ—его печатни и его поэзія.—Анекдоты съ коннымъ вѣзцомъ и съ отцомъ Стрфокаміломъ.—Малафеево стояніе.—Неисполнившееся откровеніе.—Старцева смерть—отрокова женитьба.—Миръ въ тропарѣ.—Два дворянина.—Исключительный священникъ.—Тайна троицкой церкви.—Нѣчто о «Запечатлѣнномъ Ангелѣ».

«Мнѣ убо, возлюбленніи, желательно есть вспомнати доброе житіе крѣпкихъ мужей и предложити вашей любви слово нехитрорѣчивое, но истинною украшенное. Вамъ же любезно да будетъ слышати добрыя повѣсти о мужахъ благостныхъ».

Изъ предисловія къ повѣсти «объ отцахъ и страдающихъ».

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Разскажу нѣчто про кievскихъ оригиналовъ, которыхъ я зналъ въ дни моей ранней юности и которые, мнѣ кажется, стоить вниманія, какъ личности очень характерныя и любопытныя. Но, вначалѣ, да позволено мнѣ будетъ сказать два слова о себѣ. Они необходимы для того, чтобы показать, гдѣ и какъ я познакомился съ «печерскимъ Кесаремъ», съ котораго я долженъ начать мою кievскую галерею антиковъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Меня въ литературѣ считаютъ «орловцемъ», но въ Орлѣ я только родился и провелъ мои дѣтскіе годы, а затѣмъ въ 1849 г. переѣхалъ въ Кіевъ.

Кіевъ тогда сильно отличался отъ нынѣшняго, и разница эта заключалась не въ одной вышности города, но и въ нравахъ его обитателей. Вышность измѣнилась къ лучшему, т. е. городъ наполнился хорошими здаіями и, такъ сказать, *европеился*, но мнѣ лично жаль многого изъ стараго, изъ того, чтó сглажено и уничтожено, можетъ-быть, нѣсколько торопливою и во всякомъ случаѣ слишкомъ безцеремонною рукою Бибикова. Мнѣ жаль, напримѣръ, лишенаго жизни Печерска и облежавшихъ его урочищъ, которыя были застроены какъ попало, но очень живописно. Изъ нихъ нѣкоторыя имѣли также замѣчательно своеобразное и характерное населеніе, жившее неодобрительною и даже буйною жизнью въ стародавнемъ запорожскомъ духѣ. Таковыя были, напримѣръ, удалые Кресты и Ямки, гдѣ «мѣшкали безсормннн дѣвчата», составлявшія любопытное соединеніе городской, культурной проституціи съ казаческимъ простоплетствомъ и хлѣбосольствомъ. Къ этимъ дамамъ, носившимъ не европейскіе, а національные малороссійскіе уборы, или такъ называемое «простое платье», добрые люди хаживали въ гости съ своею «горілкою, съ ковбасами, съ саломъ и рыбицею», и «крестовскія дѣвчатки» изъ всей этой приносной провизіи искусно готовили смачный снѣди и проводили съ своими посѣтителями часы удовольствій «по-фамильному».

Были изъ нихъ даже по-своему благочестивыя: эти открывали свои радушныя хаты для пировъ только до «благодатной», т. е. до второго утренняго звона въ лаврѣ. А какъ только раздавался этотъ звонъ, казачка крестилась, громко произносила: «радуйся, благодатная, Господь съ тобою», и сейчасъ же всѣхъ гостей выгоняла, а огни гасила.

Это называлось «досидѣть до благодатной».

И гости,—резвые и пьяные,—этому подчинялись.

Теперь этого оригинальнаго типа непосредственной старожилой кіевской культуры съ запорожскою заправкою уже нѣтъ и слѣда. Онъ исчезъ, какъ въ Парижѣ исчезъ типъ

мюзаровской гризеты, съ которою у кievскихъ «крестовыхъ дівчатъ» было нѣчто сходственное въ ихъ простосердечіи.

Жаль мнѣ тоже живописныхъ надбережныхъ хатокъ, которыя лѣпились по обрывамъ надъ дѣвировскою кручей: онѣ придавали прекрасному кievскому пейзажу особенный теплый характеръ и служили жилищемъ для большого числа бѣдняковъ, которые хотя и получили какое-то вознагражденіе за свои «поломанные дома», но не могли за эти деньги построить себѣ новыхъ домовъ въ городѣ и слѣпили себѣ гнѣзда надъ кручею. А между тѣмъ эти живописныя хаточки никому и ничему не мѣшали. Ихъ потомъ опять разметала властная рука Бибикова. Жаль превосходнѣйшей аллеи рослыхъ и стройныхъ тополей, которая вырублена уже при Анненковѣ для устройства на ея мѣстѣ нынѣшняго увеселительнаго балагана, съ его дрянными развлеченіями. Но всего болѣе жаль тихихъ куртинъ верхняго сада, гдѣ у насъ былъ свой лицей. Тутъ мы, молодыми ребятами, бывало, проводили цѣлыя ночи до бѣла свѣта, слушая того, кто намъ казался умнѣе,—кто обладалъ большими противъ другихъ свѣдѣніями и могъ рассказать намъ о Кантѣ, о Гегелѣ, о «чувствахъ высокаго и прекраснаго», и о многомъ другомъ, о чемъ теперь совѣмъ и не слышать рѣчей въ садахъ нынѣшняго Кіева. Теперь, когда доводится бывать тамъ, все чаще слышишь только что-то о банкахъ и о томъ, кого во сколько надо цѣнить на деньги. Любопытно подумать, какъ это настроеніе отразится на нравахъ подрастающаго поколѣнія, когда настанетъ его время дѣйствовать...

Нравы, собственно говоря, измѣнились еще болѣе, чѣмъ зданія, и тоже, можетъ-быть, не во всѣхъ отношеніяхъ къ лучшему. Перебирать и критиковать этого не будемъ, ибо «всякой вещи свое время подъ солнцемъ», но пожалѣть о томъ, что было мило намъ въ нашей юности, надѣюсь, простительно, и кто, подобно мнѣ, уже пережилъ лучшіе годы жизни, тотъ, вѣроятно, не осудитъ меня за маленькое пристрастіе къ тому старенькому, сѣрому Кіеву, въ которомъ было еще очень много простоты, нынѣ совершенно исчезнувшей.

Я узналъ этотъ милый городъ въ его дореформенномъ видѣ съ изобиліемъ деревянныхъ домиковъ, на углахъ которыхъ тогда, впрочемъ, были уже вывѣшены такъ назы-

вавшіяся «бибиковскія доски». На каждой такой доскѣ была суровая надпись: «слопать въ такомъ-то году».

Этихъ несчастныхъ, обреченныхъ на сломку домиковъ было чрезвычайно много. Когда я прїѣхалъ въ Кіевъ и пошелъ его осматривать, то «бибиковскія доски» навели на меня неожиданную грусть и уныніе. Смотришь — чистенькія окошечки, на нихъ горшочки съ краснымъ перцемъ и бальзаминами; но сторонамъ пришилены бѣлыя «фиранки», на крышахъ воркуютъ голуби и въ глубинѣ двориковъ хлопотно кудахчуть куры, и вдругъ почему-то и зачѣмъ-то придуть сюда какіе-то сторонніе люди и все это разломають... Для чего это? И куда дѣнутся, куда тогда пойдутъ эти люди, которымъ, повидимому, довольно удобно и хорошо живется за ихъ бѣлыми «фиранками»? Можетъ статься, что все это было необходимо, но, тѣмъ не менѣе, отдавало какимъ-то неприятно-безцеремоннымъ и грубымъ самовластіемъ.

Бибиковъ, конечно, былъ человѣкъ твердаго характера и, можетъ быть, государственнаго ума, но, я думаю, если бы ему было дано при этомъ немнѣшко побольше сердца,—это не помѣшало бы ему войти въ исторію съ болѣе приятнымъ аттестатомъ.

Старый городъ и Печерскъ особенно щедро были украшены «бибиковскими досками», такъ какъ здѣсь должно было совершиться и въ весьма значительной степени и совершилось намѣченное Бибиковымъ капитальное «преобразование». А на Печерскѣ жилъ самый непосредственнѣйшій изъ кїевлянъ, про которыхъ я попробую здѣсь для начала рассказать, что удержала моя память.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Я съ прїѣзда поселился на Житомирской улицѣ, въ домѣ бывшаго секретаря комиссаріатской комиссіи Загорожскаго (тоже въ своемъ родѣ антика), но, совершенно одинокій и предоставленный самому себѣ, я постоянно тяготѣлъ къ Печерску, куда меня влекли Лавра и пещеры, а также и нѣкоторое еще въ Орлѣ образовавшееся знакомство.

Печерскіе знакомцы мои были молодые родственники нѣкогда чѣмъ-то знаменитаго въ Кіевѣ Николая Семеновича Шіянова.

Къ тому времени, когда я прїѣхалъ въ Кіевъ, старикъ

Шіяновъ уже не жилъ на свѣтѣ и даже о быломъ его значеніи ничего обстоятельнаго не говорили, такъ я собственно и до сихъ поръ не знаю, чѣмъ и въ какомъ родѣ былъ знаменитъ Шіяновъ; но что онъ былъ все-таки знаменитъ,—этому я всегда вѣрилъ такъ же православно, какъ пріялъ это въ Орлѣ отъ его родственниковъ, увлекшихъ меня оболъстительными разсказами о красотѣ Кіева и о поэтическихъ прелестяхъ малороссійской жизни.

Я остаюсь имъ за это всегда благодарнымъ *).

Наслѣдники Шіянова были тогда уже въ разбродѣ и въ захудалости. Когда-то значительные капиталы старика были ими торопливо прожиты или расхищены, о чемъ ходили интересныя сказанія въ духѣ французской исторіи наслѣдства Ренюпоновъ. Отъ всего богатства остались только дома.

Это были престранные дома,—большіе и малые, всѣ деревянные; они были настроены тутъ въ такомъ множествѣ, что образовали собою двѣ улицы: Большую Шіяновскую и Малую Шіяновскую.

Обѣ Шіяновскія улицы находились тамъ же, гдѣ, вѣроятно, находятся и теперь, т.-е. за печерскимъ базаромъ, и по всей справедливости имѣли право считаться самыми скверными улицами въ городѣ. Обѣ онѣ были немощеныя,—каковыми, кажется, остаются и до настоящаго времени, но, вѣроятно, теперь онѣ немножко выровнены и поправлены. Въ то же время, къ которому относятся мои воспоминанія, онѣ находились въ привилегированномъ положеніи, которое дѣ-

---

*) Со временемъ потомство, можетъ-статься, не въ силахъ будетъ составить себѣ ясное понятіе даже и о такихъ достопримѣчательныхъ личностяхъ Кіева, какъ, наприхѣръ, Карасивна и Идннебесная, за знаменитыми булками которыхъ бѣгаль на Подоль весь городъ. Все это происходитъ отъ арисстократизма нашихъ хроникеровъ и лѣтописцевъ. Впрочемъ, эти полезныя дѣятельницы, поминтся, названы въ одномъ изъ вариантовъ «акаонста матери Кукурузѣ», который былъ сложенъ студентами кіевской духовной академіи, какъ протестъ противъ дурного стола и ежедневнаго почти появленія на немъ кукурузы въ пору ея созрѣванія. Акаонствъ «Кукурузѣ» начинался такъ: «Бысть посланъ комиссаръ (помощникъ эконома) на базаръ рыбы кунити, узрѣвъ же ти кукурузу сушу, возопи гласомъ велимъ и рече: «Радуйся, кукурузо, пице презѣльная и пресладкая, радуйся, кукурузо, пице ядомая и николи же изыдаемая, радуйся, кукурузо, отцомъ ректоромъ николи же зримая, радуися, и инспекторомъ николи же ядомая» и т. д. Тамъ гдѣ-то было и о Карасивнѣ съ Идннебесною, послѣ которыхъ уже нѣтъ такихъ пекарокъ въ Кіевѣ.

лало ихъ во все влажное время года непроѣзжими. По какимъ-то геологическимъ причинамъ, онѣ были изменниче уровня базарной площади и служили просторнымъ вмѣстилищемъ для стока жидкой черноземной грязи, которая образовала здѣсь сплошное болото съ вонючими озерами. Въ этихъ озерахъ плавали «шіяновскіе» гуси и утки, которымъ было здѣсь очень привольно, хотя, впрочемъ, они часто сильно страдали отъ вползавшихъ имъ въ носъ дрянныхъ зеленыхъ пивокъ. Чтобы защитить птицъ отъ этого бѣдствія, имъ смазывали клювы «свяченой оливой», но и это вѣрное средство не всегда и не всемъ помогало. Утица и гусята отъ пивокъ дохли.

По вечерамъ здѣсь, выставивъ наружку голову, шли свои аптифоны очень крупныя и замѣчательно басистыя лягушки, а звонкоголосыя молодячки канонархали. Иногда онѣ все — молодыя и старыя всемъ соборомъ выходили на бережки и прыгали по бугорочкамъ. Это замѣняло барометрическое указаніе, пбо предвѣщало ясную погоду.

Словомъ, картина была самая буклическая, а между тѣмъ въ двухъ шагахъ отсюда былъ базаръ и притомъ базаръ очень завозный и дешевый. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, здѣшняя мѣстность представляла своего рода удобства особенно для людей небогатыхъ и неприхотливыхъ.

Впрочемъ, она также имѣла свои особенныя удобства для домохозяевъ еще въ отношеніи полицейскомъ, которое въ Киевѣ тогда смѣшивали съ политическимъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Большіе и малые дома Шіянова, со множествомъ надворныхъ флигельковъ и хаточекъ, приспособленныхъ кое-какъ къ житію изъ старинныхъ служебныхъ построекъ, давнѣе уже сдавались внаймы и, несмотря на свою ветхость, все были обитаемы.

Постройки все подь-рядъ были очень ветхи и стояли, повидимому, ардены вѣки. Доски съ надписями, которыми «строго воспрещалось» чинить эти дома и были указаны сроки ихъ сломкѣ, красовались на ихъ углахъ, но дома упорно избѣгали опредѣленной имъ злой участи, и нѣкоторые изъ нихъ едва ли не уцѣляли до настоящаго времени.

Во мнѣніи жителей шіяновскіе дома охраняла отъ «би-

Биковскаго разоренія» одна необычайная личность, создавшая себя въ то время героическую репутацію, которая, казалось бы, непременно должна перейти въ легенду. Быстрое забвеніе подобныхъ вещей заставляеть только поникнуть головою передъ непрочностію всякаго земнаго величія.

Легендарная личность былъ артиллеріи полковникъ Кесарь Степановичъ Берлинскій, на сестрѣ котораго, кажется Клавдіи Степановнѣ, былъ женатъ покойный Шияновъ.

Такихъ людей, какъ Кесарь Степановичъ, нѣтъ уже болѣе не только въ Кіевѣ, но, можетъ-быть, и во всей Россіи. Пусть въ ней никогда не переводятся и, вѣроятно, впередъ не переведутся антики, но «печерскій Кесарь» дважды повторить быть не можетъ.

Сказать, что Берлинскій «управлялъ» домами Шиянова, было бы, кажется, не точно, потому что управлялъ ими, по выраженію Берлинскаго, «самъ Господь Богъ и Николай угодникъ», а деньги съ квартирантовъ собирала какая-то лама, въ конторскую часть которой не вмѣшивались ни Господь Богъ, ни Его угодникъ и даже ни самъ Кесарь Степановичъ. Этотъ герой Печерска, какъ настоящій «Кесарь», только господствовалъ надъ мѣстностію и надъ всѣми, кто, живучи здѣсь, обязанъ былъ его знать. Кесарь Степановичъ нравственно командовалъ жильцами обѣихъ Шияновскихъ улицъ и вообще всею прилегающею областію за базаромъ. Всѣхъ онъ содержалъ въ реннектѣ и всѣмъ умѣлъ давать чувствовать свое авторитетное военное значеніе. Слово «моментъ», вполнѣдствіи основательно истасканное нашими военными ораторами, кажется, впервые было пущено Берлинскимъ, и съ его легкой руки сдѣлалось необходимымъ подспорьемъ русскаго военнаго краснорѣчія.

При случаѣ Берлинскій готовъ былъ оказать и иногда, дѣйствительно, оказывать нуждающимся свое милостивое отеческое заступленіе. Если за кого нужно было идти попросить какое-либо начальство, печерскій Кесарь надѣвалъ свой военный сюртукъ безъ эполетъ, бралъ въ руки толстую трость, которую носилъ на правахъ раненаго, и шелъ «хлопотать». Нерѣдко онъ что-нибудь и выпрашивалъ для своихъ protégé, дѣйствуя въ сихъ случаяхъ на однихъ ласкою, а на другихъ угрозою. Существовало убѣжденіе, что онъ можетъ всегда «писать къ государю», и этого мно-

гіе очень боялись. Младшихъ же «чиноваловъ», говорили, будто онъ иногда убѣждать даже при содѣйствіи своей трости, *per argumentum baculinum*. Последнее онъ допускалъ, впрочемъ, не по свирѣпости нрава, а «по долгу вѣрноподданничества», единственно для того, чтобы не часто беспокоить государя письмами.

На базарѣ Берлинскаго всѣ знали и всѣ ему повиновались, не только за страхъ, но и за совѣтъ, потому что молва громко прославляла «печерскаго Кесаря», и притомъ рисовала его весьма въ привлекательномъ наіодно-героическомъ жанрѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Берлинскій смолоду былъ молодець и писанный красавецъ въ тогдашнемъ гвардейскомъ родѣ; такимъ же онъ оставался до старости, а можетъ быть и до самой кончины, которая послѣдовала, если не ошибаюсь, въ 1864 или 1865 г. Въ жизнь свою онъ видѣлъ не одни красные дни, а перенесъ не мало нужды, горя и несправедливостей, но, обладая удивительною упругостью души, никогда не унывалъ и выворачивался изъ положеній самыхъ трудныхъ средствами самыми смѣлыми, и подчасъ даже невѣроятными и отчаянными.

Сердца Кесарь Степановичъ былъ, кажется, добраго и въ свою мѣру благороднаго, а также опъ былъ несомнѣно чувствителенъ къ чужому горю и даже пѣженъ къ несчастнымъ. Онъ не могъ видѣть равнодушно ничьего страданія, чтобы тотчасъ же не возмунцаться духомъ и не обнаруживать самыхъ горячихъ и искреннихъ порывовъ помочь страдающему. По мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія онъ это и дѣлалъ. Характеръ Берлинскій имѣлъ очень смѣлый, рѣшительный и откровенный, но нѣсколько съ хитринкой. Званіе его смолоду увѣряли, что ранѣе хитрости въ немъ будто не было, но потомъ, внослѣдствіи, несправедливость и разныя суровыя обстоятельства заставили его немножечку лукавить. Впрочемъ, въ его устахъ и во лбу свѣтило нѣкоторое природное лукавство. Берлинскій былъ самый большой фантазеръ, какого мнѣ удавалось видѣть, но фантазировалъ онъ теже не безъ расчета, иногда очень наивнаго и почти всегда безвреднаго для другихъ. Соображалъ онъ быстро и сочинялъ такія пестрыя фабулы, что если бы

онъ захотѣлъ заняться сочинительствомъ литературнымъ, то изъ него, конечно, вышелъ бы любопытный сочинитель. Вдобавокъ къ этому, все, что Кесарь разъ о себѣ сочинилъ, это становилось для самого его истинною, въ которую онъ глубоко и убѣжденно вѣрилъ. Вѣроятно, оттого анекдотическія импровизаціи «печерскаго Кесаря» производили на слушателей неотразимо сильное впечатлѣніе, подъ влияніемъ котораго тѣ досочиняли еще большее. Кесарь Степановичъ умѣлъ вдохновлять и умѣлъ поставить себя такъ, что во всѣхъ отношеніяхъ,—и чинномъ, и значеніемъ стоялъ во мнѣніи Печерска несравненно выше настоящаго.

По моему мнѣнію, онъ былъ только храбрый и, вѣроятно, въ свое время очень способный артиллерій полковникъ въ отставкѣ. По крайней мѣрѣ такимъ я его узналъ въ Орлѣ, черезъ который онъ «везъ къ государю» за разъ восемь или десять (а можетъ-быть и болѣе) сыновей. Тогда онъ былъ во всей красѣ мужественнаго воина, съ георгіевскимъ крестомъ, и поразилъ меня смѣлостію своихъ намѣреній. Онъ ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы «выставить» гдѣ-то всѣхъ своихъ ребятъ государю и сказать:

— Если хочешь, чтобы изъ нихъ тебѣ вѣрные слуги вышли, то бери ихъ и воспитай, а мнѣ ихъ кормить нечѣмъ.

Мы всѣ, т. е. я и его орловскіе племянники (сыновья его сестры Юліи Степановны) недоумѣнно спрашивали:

— Неужели вы такъ и скажете: *ты, государь?*

А онъ отвѣчалъ:

— Разумѣется, такъ и скажу, — и потомъ прибавилъ, будто это непременно такъ даже и слѣдуетъ говорить, и будто государь Николай Павловичъ «такъ любитъ».

Насъ это просто поражало.

Кормить дѣтей Берлинскому дѣйствительно было нечѣмъ. Онъ очень нуждался, какъ говорили, будто бы по причинѣ его какой-то отмѣнной честности, за которую онъ, по его собственнымъ рассказамъ, имѣлъ «кучу враговъ около государя». Но онъ не унывалъ, ибо онъ очень ужъ смѣло считывалъ на самого императора Николая Павловича. Смѣлость эта его и не постыдила: съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ, Кесарь Степановичъ опять прослѣдовалъ изъ Петербурга въ Кіевъ черезъ Орелъ уже совсѣмъ одинъ. Государь велѣлъ принять въ учебныя заведенія на казенный счетъ

«всю шеренгу» и увеличилъ будто бы пенсію самого Берлинскаго, а также велѣлъ дать ему не въ зачетъ какое-то очень значительное пособие. Кромѣ принятія дѣтей, все остальное было какъ-то въ туманѣ.

Въ разсказѣ объ упомянутомъ сейчасъ событіи я и познакомился впервые съ импровизаторствомъ этого необыкновеннаго человека, которое потомъ мнѣ доставляло много интересныхъ минутъ въ Кіевѣ.

Многое множество изъ его грандіозныхъ разсказовъ я позабылъ, но кое-что помню, хотя теперь, къ сожалѣнію, никакъ не могу разсортировать, что слышала непосредственно отъ него самого, и что отъ людей, ему близкихъ и имъ вдохновенныхъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

По словамъ Кесаря Степановича, которымъ я, впрочемъ, не смѣю никого обязывать вѣрить безъ критики, онъ встрѣтилъ государя гдѣ-то на почтовой станціи.

— Сейчасъ же, говоритъ, — я упросилъ графа Орлова дозволить мнѣ стоять съ дѣтьми на крылечкѣ, и сталъ. Ребята построилъ въ шеренгу малъ-мала-меньше, а самъ сталъ на концѣ въ правомъ флангѣ.

Государь, какъ вышелъ изъ коляски на крыльцо, замѣтилъ мой взводъ и говорить:

— Это что за ребята?

А я ему отвѣчаю:

— Это мои дѣти, а твои будущіе слуги, государь.

Тогда Николай Павловичъ взглянулъ будто на Берлинскаго и сейчасъ же его узналъ.

— А-а! говоритъ, — Берлинскій. Это ты, братецъ?

— Точно такъ, говорю, — ваше величество, это я.

— Очень радъ тебя видѣть. Какъ поживаешь?

— Благословляю Провидѣніе, что имѣю счастье видѣть ваше величество, а поживаніе мое очень плохо, если не будетъ ко мнѣ твоей милости.

Государь спросилъ:

— Отчего тебѣ плохо? Ты мнѣ хорошо служилъ.

— Овдовѣлъ, — отвѣчалъ Берлинскій: — и вотъ дѣтей у меня цѣлая куча; прикажи, государь, ихъ вскормить и выучить, а то мнѣ нечѣмъ, я бѣденъ, въ чужомъ домѣ живу и изъ того Бибииковъ выгоняеть.

Государь, говоритъ, сверкнувъ глазами и крикнулъ:

— Орловъ! опредѣлить всѣхъ дѣтей Берлинскаго на мой счетъ. Я его знаю: онъ храбрый офицеръ и честный.

А потомъ, будто, опять оборотился къ Кесарю Степановичу и добавилъ:

— За что тебя Бибииковъ выгоняетъ?

— Домъ, говорю, — гдѣ я живу, подъ крѣпость разломать хочеть.

Государь будто отвѣтилъ:

— Вздоръ; домъ, гдѣ живетъ такой мой слуга, какъ ты, долженъ быть сохраненъ въ крѣпости, а не разломанъ. Я тебя хорошо знаю и у меня, кромѣ тебя и Орлова, нѣтъ вѣрныхъ людей. А Бибиикову скажи отъ моего имени, чтобы онъ тебя ничѣмъ не смѣлъ беспокоить. Если же онъ тебя не послушается, то напиши мнѣ страховое письмо, — я за тебя заступлюсь, потому что я тебя съ дѣтства знаю.

Почему государь Николай Павловичъ могъ знать Берлинскаго «съ дѣтства», — этого я никогда не могъ дознаться; но выходило это у Кесаря Степановича какъ-то складно и статочно, а притомъ и имѣло любопытное продолженіе.

Когда государь самъ, будто, напомнилъ о столь давнемъ знакомствѣ «съ дѣтства», то Берлинскій этимъ сейчасъ же воспользовался и сказалъ:

— Да, ваше величество, это справедливо: вмѣстѣ съ вами играли, а съ тѣхъ поръ какая разница: вы вотъ какую отъѣдную карьеру изволили совершить, что теперь всѣмъ міромъ повелѣваете и всѣ васъ трепещутъ, а я во всемъ нуждаюсь.

А государь ему на это, будто, отвѣтилъ:

— Всякому, братецъ, свое назначеніе: мой перелетъ соколинный, а ты воробей не робѣй — приди ко мнѣ въ Петербургъ во дворецъ, я тебя хорошимъ пайкомъ устрою.

Берлинскій будто бы ходилъ во дворецъ и результатомъ этого былъ тотъ паекъ или «прибавокъ» къ пенсїи, которыми «печерскій Кесарь» всѣхъ сосѣдей обрадовалъ и самъ очень гордился. Однако, и съ прибавкою Берлинскій часто не могъ покрывать многихъ, самыхъ вопіющихъ нуждъ своей крайне скромной жизни на Печерскѣ. Но такъ какъ всѣ знали, что онъ «имѣетъ пенсїю съ прибавкомъ», то «Кесарь» не только никогда не жаловался на свои недостатки, а, напротивъ, скрывалъ ихъ съ большою трогательностію.

Порою, сказывали, дѣло доходило до того, что у него не бывало зимою дровъ, и онъ буквально стылъ въ своей холодной квартирѣ, но увѣрялъ, что это онъ «такъ любить для свѣжести головы».

Цифры своей пенсiи Берлинскiй какъ-то ни за что не объявлялъ, а говорилъ, что получаетъ «много», по можетъ получать и еще больше.

— Стоитъ мнѣ написать страховое письмо государю, — говорилъ онъ: — и государь сейчасъ же прикажетъ давать мнѣ, сколько я захочу, но я не прошу болѣе того, что пожаловано, потому что у государя другiя серьезныя надобности есть.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Если вѣрить сказанiямъ, то государь Николай Павловичъ, будто, очень грустилъ по разлукѣ съ Берлинскимъ и даже неутѣшно жалѣлъ, что не можетъ оставить его при себѣ въ Петербургѣ. Но, по рассказамъ судя, пребыванiе Берлинскаго въ столицѣ и дѣйствительно было совершенно неудобно: этому мѣшала слишкомъ большая и страстная привязанность, которую питали къ печерскому Кесарю «всѣ солдаты».

Они такъ его любили, что ему нигдѣ, будто, нельзя было показаться: какъ солдаты его увидятъ, сейчасъ перестаютъ слушать команду, и бѣгутъ за нимъ, и кричатъ:

— Пусть насъ ведетъ отецъ нашъ полковникъ Берлинскiй, — мы съ нимъ и Константинополь возьмемъ, и самого побѣдоноснаго полководца Вылезарiя на царскiй смотръ въ цѣлихъ приведемъ.

Доходило это, по рассказамъ, до такихъ ужасныхъ безпорядковъ, что нѣсколько человекъ за это были даже будто разстрѣляны, какъ нарушители дисциплины, и тогда Берлинскому самому уже не захотѣлось въ Петербургѣ оставаться, да и графъ Чернышевъ прямо, будто, сказалъ государю:

— Какъ вашему величеству угодно, а это невозможно есть: или пусть Берлинскiй въ Петербургѣ не живетъ, или надо отсюда всѣ войска вывезть.

Государь, будто, призвалъ Кесаря Степановича и сказалъ:

— Такъ и такъ, братецъ, мнѣ съ тобою очень жаль разстаться, но ты самъ видишь, что въ такомъ случаѣ можно сдѣлать. Я тобою очень дорожу, но безъ войскъ столицу

тоже оставить нельзя, а потому тебѣ жить здѣсь невозможно. Ступай въ Кіевъ и сиди тамъ до военныхъ обстоятельствъ. Въ то время я про тебя непременно вспомню и пошлю за тобой.

А «лысый Чернышевъ» такъ его торопилъ выѣздомъ, что только нѣсколько дней дозволилъ ему пробывать въ Петербургѣ, но и тутъ не обошлось безъ большихъ затрудненій, имѣвшихъ притомъ роковыя послѣдствія.

Это, по рассказамъ, было будто именно въ тотъ годъ, когда въ Петербургѣ, на Адмиралтейской площади, сгорѣлъ съ народомъ извѣстный балаганъ Лемана.

Балаганъ сгорѣлъ съ народомъ, стало-быть, во время представленія, но, по винѣ самого импровизатора или благоговѣстниковъ его славы, на сей разъ выходило что-то немножко нескладно: дѣло будто происходило *ночью*.

Берлинскій, будто, тогда стоялъ на квартирѣ въ Гороховой улицѣ, у одной нѣмочки, и дожидался бритвеннаго прибора, который заказалъ по своему рисунку одному англичанину. У нихъ въ родствѣ было много лицъ, отличавшихся необыкновеннымъ умомъ и изобрѣтательностью, и одинъ племянникъ Берлинскаго, будто, такія бритвы выдумалъ, что онѣ могли брить превосходно, а обрѣзаться ими никакъ нельзя.

Англичанинъ взялся эти бритвы исполнить, да не хорошо по рисунку сдѣлалъ, и опять сталъ переделывать. А лысый графъ Чернышевъ, которому неприятно было, что Берлинскій все еще въ Петербургѣ живетъ, ничего этого въ расчетъ взять не хотѣлъ. Онъ уже нѣсколько разъ присылалъ дежурнаго офицера узнать, скоро ли онъ выѣдетъ.

Берлинскій, разумѣется, дежурнаго не боялся и отвѣчалъ: «Пусть вашъ лысый графъ не безноконится и пусть, если умѣетъ, самъ Вылезарія въ плѣнъ беретъ, а я только моего особеннаго прибора ожидаю, и какъ англичанинъ мнѣ приборъ сдѣлаетъ, такъ я сейчасъ же выѣду, и буду, гдѣ государю угодно, вѣкъ доживать, да печерскихъ чудотворцевъ за него молить, чтобы ему ничего неприятнаго не было. А пока мои бритвы не готовы, я не поѣду. Такъ лысому отъ меня и скажите».

Чернышевъ не смѣлъ его насильно выслать, но опять прислалъ дежурнаго сказать, чтобы Берлинскій днемъ не могъ на улицѣ показываться, чтобы солдатъ не будоражить,

а выходилъ бы для прогулки на свѣжемъ воздухѣ только послѣ зари, когда изъ пушки выналятъ и всѣхъ солдатъ въ казармахъ запрутъ.

Берлинскій отвѣчалъ:

— Я службу такъ уважаю, что и лысому повинуюсь.

Послѣ этого онъ будто жилъ еще въ Петербургѣ нѣсколько дней, выходя подымать воздухомъ только ночью, когда войска были въ казармахъ, и ни одинъ солдатъ не могъ его увидѣть и за нимъ бѣгать. Все шло прекрасно, но тутъ вдругъ неожиданно и подвернулся роковой случай, послѣ котораго дальнѣйшее пребываніе Кесари въ столицѣ сдѣлалось уже рѣшительно невозможнымъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Идетъ одинъ разъ Кесарь Степановичъ, закрывъ лицо шинелью, отъ Краснаго моста къ Адмиралтейству, какъ вдругъ видитъ впереди себя на Адмиралтейской площади «огненное пламя». Берлинскій подумалъ: не Зимній ли дворецъ это горитъ и не угрожаетъ ли государю какая опасность... И тутъ, по весьма понятному чувству, забывъ все на свѣтѣ, Берлинскій бросился къ пожару.

Прибѣгаетъ онъ и видитъ, что до дворца, слава Богу, далеко, а горитъ Лемановъ балаганъ и внутри его страшный воилъ, а снаружи никого нѣтъ. Не было будто ни пожарныхъ, ни полиціи и ни одного человѣка. Словомъ, снаружи пустота, а внутри стоны и гибель, и только отъ дворца кто-то одинъ, видный, рослый человѣкъ, бѣжитъ и съ одышкою спотыкается.

Берлинскій воззрися въ бѣгущаго и узналъ, что это никто иной, какъ самъ государь Николай Павловичъ.

Скрываться было некогда, и Кесарь Степановичъ сталъ ему во фронтъ какъ слѣдуетъ.

Государь ему будто закричалъ:

— Ахъ, Берлинскій! тебя-то мнѣ и надобно. Полно вытягиваться, видишь—никого нѣтъ, бѣги за пожарными.

А Кесарь Степановичъ будто отвѣтилъ:

— Пожарные тутъ, ваше императорское величество, нигуда не годятся, а дозвольте скорѣе призвать артиллерію.

Государь изволилъ его спросить:

— Зачѣмъ артиллерію?

А онъ, будто, отвѣтилъ:

— Затѣмъ, что тутъ *надо схватить моментъ*. Деревяннаго балагана залить трубами нельзя, а надо артиллеріей въ *одинъ моментъ* стѣну развалить, и тогда сто или двѣсти человѣкъ убьемъ, а зато остальной весь народъ сразу высыпется (вотъ еще когда и при какомъ случаѣ, значить, говорено военнымъ человѣкомъ о значеніи *момента*).

Но государь его не послушался,—ужасно ему показалось сто человѣкъ убить; а потомъ, когда балаганъ сгорѣлъ, тогда изволили, будто, съ сожалѣніемъ сказать:

— А Берлинскій миѣ, однако, правду говорилъ: все дѣло было въ моментѣ и надо было его послушаться и артиллерію пустить. Но только все-таки лучше велѣть ему сейчасъ же выѣхать, а его бритвенный приборъ послать ему въ Кіевъ по почтѣ на казенный счетъ.

Сдѣлано это послѣднее распоряженіе было въ такомъ расчетѣ, что если бы при Берлинскомъ случился въ Петербургѣ другой подобный острый моментъ, то все равно нельзя было бы артиллерію вывезть потому, что всѣ солдаты и съ пушками за нимъ бы бросились, чтобы онъ велъ ихъ плѣнять Вылезарія.

Такъ этимъ и заключилась блестящая пора служебной карьеры Кесаря Стенановича въ столицѣ, и онъ не видѣлъ государя до той поры, когда послѣ выставилъ передъ его величествомъ «свою шеренгу», а потомъ вернулся въ Кіевъ съ пособіемъ и усиленно пенсією, настоящую цифру которой, какъ выше сказано, онъ постоянно скрывалъ отъ непосвященныхъ и говорилъ коротко, «что беретъ много», а можетъ взять еще больше.

— Стоитъ только государю страховое письмо написать.

Миѣ кажется, что онъ искренно вѣрилъ, что имѣеть дозволеніе вести съ государемъ переписку, и, Богъ его знаетъ, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ ему что-нибудь въ этомъ родѣ было сказано, если не лично государемъ, то кѣмъ-нибудь изъ лицъ, черезъ которыхъ Кесарь Стенановичъ устроилъ дѣтей и получилъ свою прибавку.

Во всякомъ случаѣ это куражило старика и давало ему силу переносить весьма тяжелыя лишения съ непоколебимымъ мужествомъ и внушающимъ достоинствомъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Такъ Берлинскій и старѣлся, отмынно преданный государю и вѣрный самому себѣ во всемъ и особенно въ импровизаторствѣ. А когда онъ сталъ очень старъ и во всѣхъ отношеніяхъ такъ посталъ отъ современности, что ему нечего было сочинять о себѣ, то онъ перенесъ задачи своей импровизаціи на своего племянника (моего школьнаго товарища) доктора, имя котораго было Николай, но такъ какъ онъ былъ очень знаменитъ, то этого имени ему было мало, и онъ назывался «*Николавра*». Здѣсь значеніе усиливалось звукомъ *лавра*. Николай это было простое имя, какъ бываетъ простой монастырь, а *Николавра*—это то же самое, что лавра среди простыхъ монастырей.

Кесарь Степановичъ разсказывалъ удивительнѣйшія вещи о необычайныхъ медицинскихъ знаніяхъ и талантахъ этого очень много учившагося, но замѣчательно несчастливаго врача и человѣка съ отмынно добрымъ и благороднымъ сердцемъ, но большого неудачника.

Опять и тутъ я не помню многого и, можетъ-быть, самаго замѣчательнаго, но, однако, могу записать одинъ анекдотъ, который объясняетъ, въ какомъ духѣ и родѣ были другіе, пущенные въ обращеніе для прославленія Николавра.

Шель одинъ разъ разговоръ о зубныхъ боляхъ,—объ ихъ жестокой неутолимости и о неизвѣстности такихъ медицинскихъ средствъ, которыя дѣйствовали бы въ этихъ боляхъ такъ же вѣрно, какъ, напримѣръ, хининъ въ лихорадкахъ или касторовое масло въ засореніяхъ желудка и кишокъ.

Въ обществѣ было нѣсколько молодыхъ, въ тогданнее время, врачей, и всѣ согласно утверждали, что такихъ универсальныхъ средствъ дѣйствительно нѣтъ,—что на одного больного дѣйствуетъ одно лѣкарство, на другого—другое, а есть такіе несчастные, на которыхъ ничто не дѣйствуетъ, «пока само пройдетъ».

Вопросъ очень спеціальный и не интересный для бесѣды людей непосвященныхъ, но чуть къ нему коснулся художественный гений Берлинскаго,—произошло чудо, напоминающее вмазѣ источеніе воды изъ камня въ пустынѣ. Крылатый Пегасъ-импровизаторъ ударилъ звонкимъ копытомъ и изъ сухой скудной матеріи полилась сага,—живая,

сочная и полная пренеприятныхъ положеній, падѣ которыми люди въ свое время задумывались, улыбались и даже, можетъ-быть, плакали, а во всякомъ случаѣ тѣхъ, кого это сказаніе касается, прославили.

Кесарь Степановичъ опротестовалъ медицинское мнѣніе и сказалъ будто, что универсальное средство противъ зубной боли есть и что оно изобрѣтено именно его племянникомъ, докторомъ Николавроу, и одному ему, Николаврѣ, только и извѣстно. Но средство это было такое капризное, что, несмотря на всю его полезность, оно могло быть употребляемо не всякимъ и не во всѣхъ случаяхъ. Медикаментъ этотъ, уголявшій будто всякую боль, можно было употреблять только въ размѣрѣ одной капли, которую нужно было очень осторожно капнуть на больной зубъ. Если же эта капля хоть крошечку стечетъ съ зуба и коснется щеки или десень, то въ то же самое время человѣкъ мгновенно умираетъ. Словомъ, опасность страшная! И выходило такъ, что нижніе зубы этимъ лѣкарствомъ можно было лѣчить, потому что на нижніе можно осторожно капнуть, но если заболѣли верхніе, на которые капнуть нельзя, то тогда уже это лѣкарство бесполезно.

Было ужасно слушать, что есть такое спасительное изобрѣтеніе и оно въ значительной долѣ случаевъ должно оставаться неприложимымъ. Но Кесарь Степановичъ, владѣя острымъ умомъ и рѣшительностью, нанеялъ, однако, средство, какъ преодолѣть это затрудненіе, и усвоилъ для медицинской науки «перевертошный способъ», которымъ до тѣхъ поръ зубоврачебная практика не пользовалась. Этотъ этюдъ былъ извѣстенъ между нами подъ названіемъ «Берлинскаго анекдота о Бибииковской тещѣ».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Жила-была, будто, «Бибииковская теща», дама «подлинная и преогромная», и пріѣхала она, будто, на лѣто къ себѣ въ деревню, гдѣ-то неподалеку отъ Кіева. Въ Кіевъ ей Бибииковъ въѣзжать не позволялъ «по своему характеру», потому что онъ «насчетъ женскаго сословія заблуждался и съ тещею не хотѣлъ объ этомъ разговаривать, чтобы она его не стала стыдить лѣтами, чиномъ и убожествомъ» (такъ какъ у него одна рука была отнята).

Несчастная «полная дама» такъ и жила, будто, въ де-

ревнѣ и пошла, будто, она одинъ разъ съ внучками въ лѣсъ гулять и нашла на кустѣ орѣшника орѣхъ-двойчатку и обрадовалась, что счастье удвоится, и захотѣла раскусить. Внучки говорятъ ей:

— Не кусай, бабушка, двойчатку,— у тебя зубки стары. А Бибиловская теща отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, раскушу, — мнѣ счастья удвоится.

Орѣхи она разгрызла, но только послѣ этого у нея сейчасъ же зубы заныли, и до того ее доняли, что она стала кричать: «лучше убейте меня, потому что это все удваивается и стало совсѣмъ невозможно вытерпѣть». А у нея былъ управитель очень лукавый, и онъ ей говоритъ: «чѣмъ если убивать — за что отвѣчать придется, то лучше дозволюте я вамъ изъ Кіева всепомогающаго лѣкаря привезу: онъ изъ извѣстной Шияновской родни — и всякую зубную боль въ одну минуту унять можетъ».

Бибиловская теща про Шияновыхъ много хорошаго слышала и отвѣчаетъ: «привези, но только какъ возможно скорѣй».

Управитель, чтобы не произошло никакой медленности, сейчасъ же собрался и даже не ѣвши уѣхалъ.

Вечеромъ онъ изъ имѣнія выѣхалъ, а рано на зарѣ стать уже въ Кіевѣ на дымящихся и вѣщественныхъ коняхъ посреди печерскаго базара, а дальше тутъ уже не зная, куда ѣхать: по Большой или по Малой Шияновской, и закричать во все горло:

— Гдѣ тутъ всепомогающій лѣкарь Николавра, который во всякой зубной боли вылѣчиваетъ?

(По причинѣ большой извѣстности этого доктора, фамилія его никогда не произносилась, а довольно было одного его имени «Николавра», которое было такъ же славно, какъ, напримѣръ, имя Абеляръ).

Чумаки, которые стали тутъ съ вечера и спали на своихъ возахъ съ пшеномъ и саломъ, и съ сухою таранью, сейчасъ отъ этого крика проснулись и показали управителю:

— Годи тебѣ кричать, говорятъ, — вотъ туточка сей лѣкарь живетъ, тильки що вінъ теперъ, якъ и усе христіянство, спочиває.

Управитель побѣжалъ по указанію и заколотилъ о запертые ставни.

Оттуда ему кричатъ:

— Кто се такіи и чога вамъ треба?

А онъ отвѣчаетъ:

— Отчиняйте скорѣй, або я всѣ окна побью, — мнѣ надо всепомогающаго лѣкаря Николавру, который всякую боль излѣчиваетъ. Здѣсь онъ, или нѣтъ, а то я долженъ дальше скакать его разыскивать.

Управителю говорятъ:

— Никуда вамъ скакать дальше не треба, потому что всепомогающій докторъ Николавра здѣсь живетъ, но онъ теперь, якъ и усе христіянство, спитъ. А вы майте собі трохи совѣсти и если въ Господа Бога вѣруете, то не колотайте такъ крѣпко, бо нашъ домъ старенькій, еще не за сихъ времянь, и шибки изъ оконъ повыскакують, а тутъ близко ни якого стекольника нѣтъ, а теперь зима лютая и съ малыми дѣтьми смерзти можно.

Разсказывалось именно такъ, что при этомъ переговорѣ было упоминаемо про «зиму» и про «холодъ», и читатель не долженъ смущаться, что дѣло происходило во время лѣтнаго наѣзда Бибииковской тещи въ свое имѣніе. Вскорѣ мы опять увидимъ, вмѣсто скучной и лютой зимы, веселое знойное лѣто.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Управитель Бибииковской тещи былъ человекъ горделивый, потому что, по необразованности своей, считалъ, какъ и другіе многіе, будто государь Бибиикову Кіевъ все равно какъ въ подарокъ подарить, и что потому всѣ, кто тутъ живетъ, ему, будто, принадлежатъ въ родѣ крѣпостныхъ и должны все дѣлать.

— Велика важность, говоритъ, — ваши окна! Я отъ Бибииковской тещи пріѣхалъ за лѣкаремъ и подавай мнѣ лѣкаря.

Ему отворили двери и привели его къ самому Николаврѣ.

Тотъ — лихой молодчина былъ и хотя такой ученый, что страшно все понималъ, но церемониться ни съ кѣмъ не любилъ.

Какъ ему сказали, что отъ Бибииковской тещи управитель пришелъ, онъ говоритъ:

— Приведите его ко мнѣ въ спальню. Если онъ во мнѣ надобность имѣеть, то можетъ меня и безъ панталонъ во всякомъ видѣ разсматривать.

Управитель пришелъ и разсказываетъ, а лѣкарь Нико-

лавра на него и вниманія не обращаетъ: лежитъ подь одѣяломъ да колѣнки себѣ чешетъ. А когда тотъ кончилъ, лѣкаръ только спросилъ:

— А въ какомъ строю у нея зубъ болитъ, въ верхнемъ или въ нижнемъ?

Управитель отвѣчаетъ:

— Я ей въ зубы не глядѣлъ, а полагаю, что, должно быть, болитъ въ строю въ *верхнемъ*, потому что у нея опухоль подь самымъ глазомъ.

Тогда Николавра завернулся къ стѣнѣ и говоритъ:

— Прощай и ступай вонъ.

— Что это значить?

— То значить, что если боль въ верхнемъ строю, то мнѣ тамъ дѣлать нечего: я верхнихъ зубовъ лѣчить не могу.

Управитель говоритъ:

— Да вамъ-то не все ли равно лѣчить, что верхній зубъ, что нижній? Все равно, говоритъ,—кость окостенѣлая, что тотъ, что этотъ, одно въ нихъ естество, одно поврежденіе и одно лѣкарство.

Но лѣкаръ на него посмотрѣлъ и говорить не сталъ.

Тотъ спрашиваетъ:

— Что же, отвѣчайте что-нибудь.

Тогда лѣкаръ далъ ему такой отвѣтъ:

— Я, говоритъ,—могу разговаривать съ равнымъ себѣ по наукѣ, а это не твоего дѣла ума, чтобы я съ тобою сталъ разговаривать. Ты управитель, и довольно съ тебя—имѣнемъ и управляй, а не въ свое дѣло не суйся. Людей лѣчить это не то, что навозъ запахивать. Медицину учатся. А тебѣ сказано, что я въ нижнемъ строю все могу вылѣчить, а до верха моимъ спасительнымъ лѣкарствомъ дотролуться нельзя.

— Но черезъ что же такое?—вопитъ управитель.

— А черезъ то, что она въ ту же минуту «окачурится» и мнѣ за нее отвѣчать придется; а я моею репутаціей дорожу, потому что я очень много учился.

Управитель какъ услыхалъ, что она можетъ «окачуриться», еще больше сталъ просить лѣкаря, чтобы непременно ѣхалъ, а тотъ разсердился, вскочилъ, вытолкалъ его въ шею и опять легъ почь досыпать.

Тутъ въ это дѣло и вступилъ вездѣ находчивый Кесарь Стенановичъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Увидаль онъ, что племянникъ, хотя, по его словамъ, и ументъ, и въ своемъ медицинскомъ дѣлѣ очень свѣдущъ, а недостасть ему еще настоящей тактики и практики, и молодой его разсудокъ еще не очень находчивъ, какъ себѣ большую славу сдѣлать.

Кесарь Степановичъ, прослушавъ весь ихъ разговоръ изъ своей комнаты, сейчасъ всталъ съ постели, надѣлъ туфли и тулупчикъ и съ трубкой вышелъ въ залу, по которой проходилъ изгнанный лѣкаремъ управитель. Увидаль онъ его и остановилъ,—говорить:

— Остановись, прохожій, никуда не гожій, и объясни мнѣ своей рожей, не выходявши изъ прихожей: на чемъ ты сюда пріѣхаль и есть ли тамъ третье сидѣніе, чтобы еще одного человѣка посадить.

Управляющій очень радъ, что съ нимъ такой извѣстный человѣкъ заговорилъ, и отвѣчаетъ, что у него есть четверомѣстная коляска, и онъ можетъ не одного, а даже двухъ людей помѣстить.

Кесарь Степановичъ далъ ему щелчка въ лобъ и говоритъ:

— Ты спасенъ и твое дѣло сдѣлано: я сейчасъ къ племяннику взойду и совѣтъ ему дамъ. Николавра меня послушается, и мы переговоримъ и, можетъ-быть, все вмѣстѣ поѣдемъ. Я ему одинъ способъ покажу, какъ можно верхніе зубы въ нижній рядъ поставить и тогда на нихъ чортъ знаетъ чѣмъ можно накапать.

— А ты, прибавляетъ,—только скажи мнѣ: очень ли она мучится?

Управитель отвѣчаетъ:

— Ужъ совсѣмъ замучилась и на весь домъ визжитъ.

— То-то,—говоритъ Кесарь Степановичъ:—мнѣ это знать надо, потому что моимъ способомъ съ ней круто придется обращаться—по-военному.

Управитель отвѣчаетъ:

— Она военныхъ даже очень уважаетъ и на все согласится, потому что у нея очень болитъ.

— Хорошо,—сказать Кесарь Степановичъ и пошелъ къ племяннику. Тамъ у нихъ вышелъ споръ, но Кесарь Степановичъ все кричалъ: «не твое дѣло, за всю опасность я отвѣчаю», и переспорилъ.

— Ты, говоритъ,—бери только свое спасительно лѣкарство и употребляй его по своей наукѣ, какъ слѣдуетъ, а остальное, чтобы верхніе зубы снизу стали—это мое дѣло. Лѣкаръ говоритъ:

— Вы забываете, какого она званія,—она обидится.

А Кесарь Степановичъ отвѣчаетъ:

— Ты молодъ, а я знаю, какъ съ дамами по-военному обращаться. Вѣрь мнѣ, мы ей на верхній зубъ камнемъ, и она намъ еще книксенъ присядеть. Бдемъ скорѣе, — она мучится.

Лѣкаръ было сталъ еще представлять, что капнуть на верхній зубъ нельзя, а она можетъ послѣ Бибикову жаловаться, но тутъ Кесарь Степановичъ его даже постыдилъ.

— Ты вѣдь, говоритъ,—кажется, не простой докторъ, а училъ двѣ науки по физикѣ и понять не можешь, что тутъ надо только *схватить моментъ*, и тогда все можно. Не безпокойся. Это не твое дѣло: ты до нея не будешь притрогиваться, а мнѣ Бибиковъ ничего сдѣлать не смѣетъ. Ты, кажется, мнѣ можешь вѣрять.

Племянникъ повѣрилъ дядѣ и говоритъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, при васъ я не боюсь, а между прочимъ мнѣ это впередъ для таковыхъ же случаевъ можетъ пригодиться.

Одѣлся, положилъ пузыречекъ со своимъ лѣкарствомъ въ жилетный карманъ, и безъ дальнихъ разсужденій всѣ они втроемъ покатили на верхній зубъ капать.

Управитель все фхаль и думаль: непремѣнно она у нихъ качаурится!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Скакали путники безъ отдыха цѣлый день, и зато вечеромъ, въ самое то время, когда стадо гонять, пріѣхали на господскій дворъ, а зубы если когда разболятся, то къ вечеру еще хуже болятъ.

Бибиковская теща ходитъ по комнатамъ, и сама преогромная, а плачетъ какъ маленькая.

— Мнѣ очень стыдно, говоритъ,—этакъ плагать, но не могу удержаться, потому что очень черезъ силу болить.

Кесарь Степановичъ сейчасъ же съ ней заговорилъ по-военному, но ласково.

— Это, говоритъ, — даже къ лучшему, что вамъ такъ

больно болить, потому что вы должны скорѣе на все рѣшиться.

А она отвѣчаетъ:

— Ахъ, Боже мой, я уже и рѣшилась. Что вы хотите, то и дѣлайте, только бы мнѣ выздоровѣть и въ Парижъ для развлечения уѣхать.

— Въ такомъ разѣ,—говоритъ Берлинскій:—мы должны кое-что сдѣлать... По-французски это называется «повертонъ». Послѣ черезъ пять минутъ можете въ Парижъ ѣхать.

Она удивилась и вскричала:

— Неужели черезъ пять минутъ!?

Берлинскій говоритъ: что мною сказано, то вѣрно.

— Въ такомъ разѣ, хоть не знаю, что такое «повертонъ», но я на все согласна.

— Хорошо,—говоритъ Берлинскій:—велите же мнѣ поскорѣе подать два чистые носовые платка и хорошую, крѣпкую пробку изъ сотерной бутылки.

Та приказала.

— И еще,—говоритъ Кесарь Степановичъ:—одно условіе: прикажите сейчасъ, чтобы всѣ, кто тутъ есть, ваши родные и слуги ваши, ни во что не смѣли вступаться, пока мы свое дѣло кончимъ.

— Все, говоритъ,—приказываю: мнѣ лучше умереть, чѣмъ такъ мучиться.

Словомъ, больная безусловно предалась въ ихъ энергическія руки, а тѣмъ временемъ Кесарю и Николаврѣ подали потребованные платки и пробку изъ сотерной бутылки.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Кесарь Степановичъ пробку осмотрѣлъ, погнулъ, подавить и сказалъ: «пробка хороша, а платки надо перемѣнить: батистовые, говоритъ,—не годятся, а надо самые плотные полотняные».

Ему такіе и подали. Онъ сложилъ ихъ оба съ угла на уголь, какъ складываютъ, чтобы зубы подвизывать, и положилъ на столикъ; а Бибииковской теицѣ говоритъ:

— Ну-те-ка, что-нибудь заговорите.

Она спрашиваетъ:

— Для чего это нужно?

А Берлинскій ей отвѣчаетъ:

— Для того, чтобы схватить первый моментъ.

А самъ ей въ эту самую секунду сотерную пробку въ ротъ и вставилъ. Такъ ловко вставилъ ее между зубами, что Бишкковской тещѣ ни кричать и ни одного слова выговорить нельзя при такой распоркѣ.

Удивилась она и испугалась, и глазами хлопаешь, а чѣмъ больше старается что-то спросить, тѣмъ только крѣпче зубами пробку напираетъ. А Кесарь Степановичъ, въ это же острое мгновеніе, улыбнулся и говоритъ ей:

— Вотъ только всего и нужно, а самъ ей однимъ платкомъ руки назадъ связалъ, а другимъ внизу платье вокругъ ногъ обвязалъ, какъ дѣлаютъ простонародныя дѣвушки, когда садится на качели качаться. А потомъ крикнулъ племяннику:

— Теперь лови второй моментъ!

И сейчасъ же ловко, по-военному, перевернулъ даму внизъ головою и поставилъ ее въ уголъ на подушку теменемъ. Отъ этого находчиваго оборота, разумѣется, вышло такъ, что у нея верхніе зубы стали нижними, а нижніе — верхними. Неприятно, конечно, было, но не надолго, — всего на одну секунду, потому что лѣкарь, какъ человекъ одной породы съ дядею — такой же какъ дядя ловкій и понятливый, сейчасъ же «схватилъ моментъ», — каннулъ каню дамѣ на верхній зубъ и сейчасъ же опять ее перевернулъ, и она стала на ногахъ такая здоровая, что сотерную пробку перекусила и говоритъ:

— Ахъ, мерси, — мнѣ все прошло; теперь блаженство! чѣмъ я могу васъ отблагодарить?

Кесарь Степановичъ отвѣчалъ:

— Я не врачъ, а военный, а военные во всѣхъ несчастіяхъ дамамъ такъ помогаютъ, а денегъ не берутъ.

Бишкковская теща разспросила о Кесарѣ Степановичѣ: кто онъ такой и на какомъ положеніи у государя, и когда узнала, что онъ отставной, но при военныхъ дѣлахъ будетъ опять призванъ, подарилъ ему необыкновеннаго верхового коня. Конь былъ что-то въ родѣ Самсона: необычайная сила и удалъ заключались у него въ необычайныхъ волосахъ, и для того онъ былъ съ удивительнымъ хвостомъ. Такой былъ огромный хвостъ, что если конь скакалъ, то онъ сзади разстился какъ облако, а если шагомъ пойдетъ, то концы его на двухъ маленькихъ колесцахъ укладывали и они ѣхали за конемъ, какъ шлейфъ за дамой.

Только удивительнаго коня этого нельзя было ввести въ Кіевъ, а надо было его гдѣ-то скрывать, потому что онъ былъ самый лучшій на всемъ Орловскомъ заводѣ и Библикову хотѣлось его имѣть, но благодарная теща сказала: «на что онъ ему? Какой онъ воинъ!» и подарила коня Берлинскому, съ однимъ честнымъ словомъ, чтобы его въ «Библиковское царство» не вводить, а содержать «на чужой сторонѣ».

Кесарь Степановичъ ногою шаркнулъ, «въ ручку поцѣловалъ» и коня принялъ, и честное слово свое сдержалъ.

Объ этомъ конѣ въ свое время было много протолковано на печерскомъ базарѣ. Собственными глазами никто это прекрасное животное никогда не видалъ, по всѣ знали, что онъ вороной безъ отмѣтинъ, а поздри-огненныя и можетъ скакать черезъ самыя широкія рѣки.

Теперь, когда пересказываешь это, такъ все кажется такимъ вздоромъ, какъ сказка, которой ни минуты нельзя вѣрить, а тогда какъ-то одни смѣялись, другіе вѣрили, и все было складно.

Печерскіе перекупки готовы были клясться, что этотъ конь жилъ въ таинственной глубокой пещерѣ въ броварскомъ бору, который тогда былъ до того густъ, что въ немъ еще водились дикіе кабаны. А стерегъ коня тамъ старый москаль, «хромой на одно око». Въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, потому что москаль приходилъ иногда на базаръ и продавалъ въ горшкѣ табакъ «прочухрай», отъ котораго, какъ понюхаешь, такъ и зачихаешь. Ввести же коня въ Кіевъ нельзя было «по причинѣ Библика».

Исцѣленіе тещи имѣло, однако, и свои невыгодныя послѣдствія, если не для Кесаря Степановича, то для всемогущаго врача, и виною тому была малообразованность публики. Когда дамы узнали объ этомъ исцѣленіи способомъ «повертона», такъ начали притворяться, что у нихъ верхній зубъ болитъ и стали осаждать доктора, чтобы и надъ ними былъ сдѣланъ «повертонъ». Онѣ готовы были злоупотреблять этимъ до чрезвычайности. Николавра имъ внушалъ, что это дѣло серьезное и научное, а не шутка, но онѣ все не отставали отъ него съ просьбами «перевернуть ихъ и вылѣчить». Происходило это болѣе оттого, что Николавра дамъ очень смѣшилъ, и онѣ въ него влюблялись

въ это время безъ памяти. А онъ, будучи очень честенъ, не хотѣлъ разстраивать семейную жизнь во всемъ городѣ и предпочелъ совсѣмъ оставить и Кіевъ, и медицинскую практику.

Такъ онъ и сдѣлалъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Разумѣется, вся «причина Бибика», о которой выше сказано, была чистѣйшій плодъ быстрой и сложной фантазіи самого печерскаго импровизатора или его восторженныхъ почитателей. На самомъ же дѣлѣ Бибиковъ не только не гналъ и ни за что не преслѣдовалъ занимательнаго полковника, но даже едва ли не благодѣтельствовалъ ему, насколько къ тому была склонна его жесткая и мало податливая на добро натура. Кажется, Бибиковъ былъ даже чѣмъ-то полезенъ Берлинскому въ устройствѣ его дѣтей и вообще никогда на него не нападалъ, хотя, по весьма странной любви къ сплетнямъ и наушничеству, онъ зналъ очень многое о томъ, что Берлинскій на его счетъ импровизовалъ. Вполнѣ возможно, что иногда скучавшій Бибиковъ имѣлъ даже немножко интересовался, конечно, только ради смѣха и потѣхи.

Въ Кіевѣ въ то время проживалъ академикъ с.-петербургской академіи художествъ, акварелистъ Михаилъ Макаровичъ Сажинъ. Онъ составлялъ для Дмитрія Гавриловича акварельный альбомъ открытыхъ при немъ кіевскихъ древностей, и не разъ, бывало, сказывалъ, что Бибиковъ шутилъ надъ своею зависимостью отъ Берлинскаго. Особенно его забавляло, какъ Берлинскій увѣрялъ, что «безрукій» мимо его домовъ даже *пѣдитъ боится*.

Бибиковъ въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, иногда не проѣзжалъ по Шияновскимъ улицамъ, но, разумѣется, не потому, чтобы ему былъ страшенъ Берлинскій, а потому, что тутъ невозможно было проѣхать, не затопувъ или, по крайней мѣрѣ, не измаравшись. Кесарь Стенановичъ или вдохновенные имъ почитатели давали этому свое толкованіе, которое имъ гораздо болѣе нравилось, а для Кесаря имѣло при томъ свои выгоды. Всѣ эти легенды и басни значительно возвышали авторитетъ «галицкаго воина», который никого не боится, между тѣмъ какъ его всѣ боятся и «даже самъ Бибикъ».

Такъ какъ независимые люди всегда рѣдки и всякому интересны, то Кесарь Степановичъ пользовался у многихъ особенною любовью, и это выражалось своеобразнымъ къ нему поклоненіемъ. Думали, что онъ очень много можетъ защитить; а это, въ свою очередь, благопріятно отражалось на дѣлахъ шіановскихъ развалинъ, которыя Бибиковъ, по словамъ Сажина, называлъ «шіановскими пужниками», но зато ихъ не трогалъ,—можетъ въ самомъ дѣлѣ изъ какого-нибудь добраго чувства къ Берлинскому. Людямъ робкимъ, равно какъ и людямъ оппозиціоннаго образа мыслей было лестно жить въ этихъ «пужникахъ» вмѣстѣ, или «въ одномъ кольцѣ» съ такимъ вдохновительнымъ героемъ, какъ Кесарь Степановичъ. А какъ притомъ къ чистотѣ и благоустройству обиталищъ у насъ относятся еще довольно нетребовательно, то эти дрянныя развалины были постоянно обитаемы. Между невзыскательными жильцами здѣшнихъ мѣстъ встрѣчалось не мало тогдашнихъ «нелегальныхъ», т. е. такихъ, у которыхъ были плохи паспортники. Они были увѣрены, что, будто, имѣютъ въ лицѣ Кесаря Степановича могущественнаго защитника. Думали, чуть, храни Богъ, встрѣтится какое-нибудь несчастіе или притѣсненіе отъ полиціи, то Кесарь Степановичъ заступится. А главное, что полиція сюда почему-то и дѣйствительно съ полицейскими цѣлями не ходила.

Вѣроятно не хотѣла, чтобы про нее было что-нибудь написано государю. Это обыкновенно имѣлось въ виду при наймѣ квартиръ, и нетребовательный жилецъ переѣзжалъ въ шіановскія развалины съ приятнымъ убѣжденіемъ, что здѣсь хоть и «худовато, да спокойно».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Дорожка «спокойностью», въ шіановскіе закутки лабиралась всякая нищета и мелкота, иногда очень характерная и интересная.

Аристократію составляли захудалое армейское офицерство и студенты-медики пятаго курса, которымъ надо было ходить въ клиники военнаго госпиталя. Эти были менѣе всѣхъ искательны насчетъ покровительства и протекціи, но Кесарь Степановичъ, впрочемъ, и имъ иногда сулилъ свои услуги.

— Люблю молодежь,—говорилъ онъ, и сейчасъ же, вздох-

пувъ, прибавлялъ: — но зато спасибо имъ, и они меня любятъ. Бѣдные ребятки понимаютъ, что безрукій совсѣмъ готовъ бы ихъ затѣснить, да не смѣеть,—боится...

Боялся онъ, разумѣется, страхового письма.

Студенты, впрочемъ, къ полковнику за содѣйствіемъ не обращались и даже слегка надъ нимъ подтрунивали, или просто его избѣгали.

Иногда встрѣчались такіе, которымъ и самъ Кесарь Степановичъ, и его защитительная предупредительность казались очень подозрительными. Думали, будто онъ можетъ служить Богу и мамону... Но «сѣрый жилецъ», т. е. публика изъ простолюдиновъ, и особенно старовѣры, которымъ въ тогдашнее сердитое время приходилось очень жутко, питали къ нему безграничное довѣріе.

Эти отношенія мнѣ представлялись тогда очень странными, и я никакъ не могъ понять, происходило ли это довѣріе къ Кесарю отъ большого практическаго ума или отъ недоразумѣнія. Но такъ или иначе, а репутація дома все-таки на этомъ выигрывала, и теперь это воспоминается мило и живо, какъ веселая старая сказка, подъ которую сквозь какую-то теплую дрему свѣжо и ласково улыбается сердце...

Люди нынѣшняго банковаго періода должны намъ простить романтическую чепуху нашего молодого времени.

Явнымъ противорѣчіемъ между словомъ и поступками Берлинскаго было то, что безпредѣльно храбрый въ своихъ импровизаціяхъ, онъ въ практическихъ дѣлахъ съ властями былъ очень предусмотрителенъ и, можетъ-быть, даже иска-теленъ. Такъ, напримѣръ, считая Бибикова не только не выше себя, но даже нѣсколько ниже, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что онъ могъ писать о немъ, что угодно, государю, Кесарь Степановичъ иногда надѣвалъ мундиръ и являлся въ «Липки» къ Бибикову. Политиканы, склонные къ обобщеніямъ, придавали этому большое значеніе и подозрительно истолковывали такіе визиты въ неблагопріятномъ смыслѣ; но всего вѣроятнѣе полковника заводила къ генераль-губернатору просто нужда, въ которой Бибиковъ ему, можетъ-быть, помогать изъ обширныхъ средствъ, находившихся въ его безотчетномъ распоряженіи. Простолюдины же толковали это совсѣмъ иначе и получали выводы прекрасные; они говорили:

— Нантъ-то, батюшка, вошь-то нантъ галиціій, Кесарій Степановичъ, опять пополозь ругать Бибика. Пущай его пробереть недобраго.

Сажикъ сказываль, что Бибиковъ даже и это зналь, и очень надъ этимъ смѣялся, а отношеній своихъ къ Берлинскому все-таки нимало не измѣняль и не отказывался быть ему полезнымъ.

Такимъ образомъ Берлинскій, позабытый или незамѣчаемый въ высшихъ сферахъ кievскаго общества, въ которомъ не было и нѣтъ дворянской знати, въ среднемъ слоѣ слыль чудакомъ, котораго потихоньку вышучивали, но зато въ низшихъ слояхъ былъ героемъ, съ феноменальною и грандіозною репутаціею, которая держалась чрезвычайно крѣпко и привлекла подъ шіяновскія текуція крыши два безподобнѣйшіе экземпляра самаго заматорѣлаго во тѣмъ «древляго благочестія», изъ разряда «опасныхъ немояковъ».

Впрочемъ, пока до нихъ, посмотримъ еще одно вводное лицо,—это кварталный-классикъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Была одна статья, которая, кажется, непременно должна бы бросить тѣнь на независимость и отвагу Кесаря, — это операція, имѣвшая цѣлю поддержаніе «шіяновскихъ нужниковъ».

Все набитые сбродомъ дома и домишки, хлѣвушки и закуточки Шіяновскихъ улицъ давно валялись, а починять ихъ строго запрещалось суревымъ Бибиковскимъ эдиктомъ о «преобразованіи». Но о Берлинскомъ говорили такъ, что онъ этихъ эдиктовъ не признаеть, и что Бибиковъ не смѣеть ему воспретить дѣлать необходимыя починки, ибо самъ государь желаль, чтобы домъ, гдѣ живетъ Кесарь Степановичъ, былъ сохраненъ въ крѣпости. Между тѣмъ, какъ думаль объ этомъ Бибиковъ, было неизвѣстно, а починки были крайне нужны, особенно въ крышахъ, которыя прогнили, проросли и текли по всемъ шивамъ. И что же? наперекоръ всемъ Бибиковскимъ запрещеніямъ, крыши эти чинились, но какъ? Этотъ способъ достоинъ занесенія его въ кievскую хронику.

Къ Кесарю Степановичу былъ вхожь и почему-то пользовался его расположеніемъ мѣстный кварталный, котораго, поминтея, какъ будто звали Діонисій Ивановичъ или

Иванъ Діонисовичъ. Онъ былъ полу-хохолъ, полу-полякъ, а по религіи «изъ тунейскаго исповѣданія». Это былъ чело-вѣкъ пожилой и очень неопрятный, а подчасъ и запивавшійся хмелемъ, но службистъ, законовѣдъ и разнаго мастерства художникъ. Притомъ, какъ чело-вѣкъ, получившій воспитаніе въ какихъ-то іезуитскихъ школахъ, онъ зналъ отлично по-латыни и говорилъ на этомъ языкѣ съ какимъ-то престарѣлымъ уніатскимъ попомъ, который проживалъ гдѣ-то на Рыбальской улицѣ за лужкою. Латынь служила имъ для объясненій на базарѣ по преимуществу о дороговизнѣ продуктовъ и о другихъ предметахъ, о которыхъ они, какъ чистые аристократы ума, не хотѣли разговаривать на низкомъ нарѣчій плебеевъ.

Въ служебномъ отношеніи, по части самовознагражденія классикъ придерживался старой доброй системы — натуральной повинности. Денежныхъ взятокъ классикъ не вымогалъ, а взималъ съ прибывающихъ на печерскій базаръ возовъ, «что кто привезъ съ того и по штучкѣ,—щобъ никому не було обиды». Если на возу дрова, то дровъ по полѣну, капуста — то по кочану капусты, зерна по пригоршнѣ и такъ все до мелочи, со всѣхъ поровну, «якъ отъ Бога показано».

Гдѣ именно было такое показаніе отъ Бога — это зналъ одинъ классикъ, въ памяти котораго жила огромная, но пристрастная текстуализація изъ «Божого писанія» и особенно изъ апостола Павла.

— Ось у писаніи правда сказано, що «хлопъ якъ бувъ собі дурень, такъ вінъ дурнемъ и подохне».

Мужикъ слушалъ и, можетъ-быть, вѣрилъ, что это о немъ писано. А въ другой разъ классикъ приводилъ уже другой текстъ:

— Тоже, видать, правда, що каже апостоль Павелъ: «бій хлопа по потылицѣ»,—и такъ какъ за этимъ слѣдовала сама потылица, то вѣры тому было еще болѣе.

Натуральную подать принималъ ходившій за классикомъ нарочито учрежденный *custos*. Онъ все бралъ и сносилъ на шіяновскій дворъ, гдѣ у квартального въ какомъ-то за-коулочкѣ была ветхая, но помѣстительная амбарушка. Тутъ все получаемое складывали и отходили за дальнѣйшимъ сборомъ, а потомъ въ свободное время все это сортировали и нѣчто пригодное для домашняго обихода брали домой, а

другое приготавливали къ промѣну на вещи болѣе подходящія. Словомъ, тутъ былъ свой маленькій мѣновой дворъ, или караванъ-сарай взяточныхъ продуктовъ, полученныхъ отъ хлопотъ, которыхъ апостоль Павелъ «казавъ битъ по потылицѣ»

Платилъ ли что Иванъ Діонисовичъ за этотъ караванъ-сарай — не знаю, но зато онъ дѣлалъ дому всякія льготы, значительно возвышавшія репутацію «покойности» здѣшнихъ, крайне плохихъ на взглядъ, но весьма богохранимыхъ жилищъ.

Тутъ не бывало никакихъ обысковъ, тутъ, по рассказамъ, жило не мало людей съ плохими паспортами кромскаго, нѣжинскаго и мѣстнаго кіевскаго приготовленія. Обыкновенные сорта фальшивыхъ паспортовъ приготавливались тогда по всему главному пути отъ Орла до Кіева, но самыми лучшими слыли тѣ, которые дѣлали въ Кромахъ и въ Дмитріевѣ на Свапѣ. Въ шіановскихъ домахъ, впрочемъ, можно было обходиться и вовсе безъ всякихъ паспортовъ, но главное, что тутъ можно было дѣлать на полной свободѣ,—это *молиться Богу, какъ хочешь*, т. е. какимъ хочешь обычаемъ.

Послѣднее обстоятельство и было причиною, что на этотъ дворъ, подъ команду полковника Берлинскаго, приснастился оригинальнѣйшій богомолецъ. Сей бѣ именемъ Малахія, старецъ, прибывшій въ Кіевъ для совершенія тайныхъ требъ у старовѣровъ, которые пришли строить каменный мостъ съ англичаниномъ Виньѣлемъ. Старецъ Малахія, въ просторѣчій Малафей Пимычъ, былъ привезенъ своими единовѣрцами «изъ невѣдомаго ключа» и «сокрытъ» въ шіановскихъ закоулкахъ «подъ тайностію». Все это въ надеждѣ на Кесаря—ибо имя его громко звучало по престолюдыю дальше Орла и Калуги.

При старцѣ былъ отрокъ лѣтъ двадцати трехъ, котораго звали Гіезій.

Было ли это его настоящее имя, или только шуточная кличка—теперь не знаю, а тогда не интересовался это разсѣловать.

Имени Гіезій въ православныхъ мѣсяцесловахъ нѣтъ, а былъ такой отрокъ при пророкѣ Елисеѣ. Можетъ быть, это оттуда и взято.

Какъ старецъ Малафей, такъ и его отрокъ были чудаки первой степені и поселены они были въ шіановской сло-

бодѣ въ расчетахъ на защиту «печерскаго Кесаря». Но прежде, чѣмъ говорить о старцѣ и его мужественномъ отроку, окончу объ Иванѣ Діонисовичѣ и о его художествахъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

У латыниста квартальнаго было два искусства, изъ коихъ однимъ онъ хвастался, а о другомъ умалчивалъ, хотя собственно второе въ общественномъ смыслѣ имѣло гораздо большее значеніе.

Иванъ Діонисовичъ хвалился тѣмъ, что онъ «самъ себя стригъ». Это, можетъ-быть, покажется кому-нибудь пустяками, но пусть кто угодно на себѣ это попробуетъ, и тогда всякъ легко убѣдится, что остричь самому себя очень трудно и требуетъ большой ловкости и таланта. Второе же дѣло, которое еще болѣе артистически исполнялъ, но о которомъ умалчивалъ квартальный, относилось къ антикварному роду: онъ зналъ секретъ, какъ «старить» новыя доски для того, чтобы ими подшивать ночью прогнившія крыши. И дѣлалъ онъ это такъ, что никакой глазъ не могъ отличать отъ стараго новыхъ заплатъ его мастерскаго приготовленія.

Въ томъ самомъ караванъ-сараѣ, гдѣ складывались натуральныя подати съ базарныхъ торговцевъ и производилась мѣновая торговля, тутъ же у Ивана Діонисовича была и антикварная мастерская. Здѣсь находились дрань, лубя и деготь или колесная смола, по-малороссійски «коломазь». Все это было набрано на базарѣ съ торговцевъ безданно, безошпинно и назначалось въ дѣло, которое, при тогдашнихъ строгостяхъ, заключало въ себѣ много тайности и не мало выгодъ. Химія производилась въ огромномъ старомъ корытѣ съ разведеннымъ въ немъ коровьимъ пометомъ и другими элементами, образывавшими новыя соединенія. Элементы все были простые: навозъ, песокъ, смола и зерна овса «для проросли». Въ этомъ корытѣ лежали приготавливаемые для антикварныхъ работъ лубы и драницы. Они подвергались довольно сложному процессу, за которымъ классикъ наблюдалъ не хуже любого техника, и новому материалу придавался видъ древности изумительно хорошо и скоро. Квартальный самъ дошелъ до того, какъ составлять этотъ античный колоритъ и пускать по нему эту веселую зелененькую проросль отъ разнѣженныхъ овсяныхъ зеренъ. Стоило приготовленную такимъ способомъ доску приколотить

на мѣсто и какъ «Бибики» около нея ни разъѣзжай, ничего онъ не отличить.

Дошелъ до этого производства Иванъ Діонисовичъ, вѣроятно, изъ тѣхъ побужденій, чтобы у него не пропадали такіе продукты, какъ лубя и коломазь, для которыхъ нельзя было найти особенно хорошаго сбыта въ ихъ простомъ видѣ.

Кажется, кварталный иногда самъ и приколачивалъ приготовленные имъ заплатки, а, впрочемъ, я достовѣрно этого не знаю. Знаю только, что онъ ихъ приготавливалъ и притомъ приготавливалъ въ совершенствѣ.

Способъ нанесенія этого матеріала на ветхія постройки былъ простъ: избиралась ночь потемнѣе, и къ утру дѣло было готово. На слѣдующій день Кесарь Степановичъ ходилъ, гулялъ, поглядывалъ и говорилъ, улыбаясь:

— Что? много взялъ, безрукій!

А ему отвѣчали:

— Что онъ противъ тебя можетъ!

Такъ и это все шло въ подтвержденіе, что Бибики ничего будто противъ «Кесаря» сдѣлать не можетъ, а тѣмъ временемъ пришла постройка моста и къ Виньелю притекла масса людей, изъ которыхъ много было раскольниковъ. Эти привезли съ собою образа и своихъ «молитвенниковъ», между которыми всѣхъ большей тайности и охранѣ подлежалъ уже разъ упомянутый старецъ Малафей. Онъ былъ «пилипонъ» (т. е. филипповецъ) и «немолякъ», т. е. такой сектантъ, который ни въ домашней, ни за общественной молитвой о царѣ не молился. Такіе сектанты, при тогдѣшнемъ маломъ знаніи и пониманіи духа русскаго раскола, почитались «опасными и особенно вредными».

Большинство людей, даже очень умныхъ, смотрѣли на этихъ наивныхъ буквоѣдовъ, какъ на политическихъ злоумышленниковъ и во всякомъ случаѣ «недруговъ царскихъ».

Этого не избѣгали наши старинные законоѣды и новѣйшіе тенденціозные фантазеры въ родѣ Шапова, который принесъ своими мечтательными изъясненіями старовѣрчества существенный вредъ нѣжно любимому имъ расколу.

Куда было дѣть въ Кіевѣ такого опаснаго старца, какъ Малахія? гдѣ его помѣстить такъ удобно, чтобы онъ самъ былъ цѣль и чтобы можно было у него «поначаться» и

вкусить съ нимъ сладость молитвеннаго общенія? Христолюбцамъ предлежала серьезная забота, «гдѣ сохранить старичка отъ Бибика».

Но гдѣ же лучше можно было устроить такого особливаго богослова, какъ не въ «шіяновскихъ нужникахъ». Сюда его и привела подъ крыло печерскаго «Кесаря» громкая слава дѣлъ этого независимаго и безстрашнаго человѣка.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Старца Малафея съ его губатымъ отрокомъ въ шіяновскихъ палестинахъ водворили два какіе-то каменщика. Эти люди приходили осматривать помѣщеніе съ большими предосторожностями. О цѣнѣ помѣщенія для старца они говорили съ барышней, которая вѣдала домовые счеты, а потомъ бесѣдовали съ Кесаремъ Степановичемъ о чемъ-то гораздо болѣе важномъ.

Это тогда заинтересовало всѣхъ близкихъ людей.

Каменщики были люди вида очень степеннаго и внушительнаго, притомъ со всѣми признаками самаго высокопробнаго русскаго благочестія: чолочки на лобикахъ у нихъ были подстрижены, а на маковкахъ въ честь Господню гуменца пробриты; говоръ тихій, а взглядъ умѣренный и «поникновенный».

О деньгахъ за квартиру для старца и его отрока раскольники не спорили. Очевидно, это было для нихъ послѣднимъ дѣломъ, а главное было то, о чемъ говорено съ Кесаремъ Степановичемъ.

Онъ ихъ «исповѣдывалъ во всѣхъ догматахъ» ихъ вѣры и — надо ему отдать честь — пришелъ къ заключеніямъ весьма правильнымъ и для этихъ добрыхъ людей благоприятнымъ.

На наши разспросы: что это за необыкновенные люди, онъ намъ чисто съ военною краткостію отвѣчалъ:

— Люди прекрасные и дураки.

Результатомъ такого быстраго, но правильнаго опредѣленія было то, что злосчастные раскольники получили разрѣшеніе устраиваться въ подлежащемъ отдѣленіи «шіяновскихъ нужниковъ», а квартальный-классикъ въ слѣдующую же ночь произвелъ надъ крышею отданнаго имъ помѣщенія надлежащія антикварныя поправки.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Подъ старца была занята довольно обширная, но весьма убогая хоромина, — впрочемъ, въ самомъ излюбленномъ раскольничьемъ вкусѣ. Это была низенькая, полудеревянная, полумазанная, совершенно отдѣльная хибара. Она стояла гдѣ-то на задворкѣ и была ни откуда не видима. Точно она здѣсь нарочно построена въ такомъ сокрытїи, чтобы прavitъ въ ней нелегальныя богомольства.

Чтобы добраться до этого, буквально сказать, молитвеннаго хлѣва, надо было пройти одинъ дворъ, потомъ другою, потомъ завернуть еще во дворикъ, потомъ пролѣзть въ закоулочекъ и оттуда пройти черезъ дверь съ бочкомъ въ дровяную закуточку. Въ этой закуточкѣ былъ сквозной ходъ еще на особый маленькій дворикъ, весь закрытый пупомъ поднявшеюся высокою навозною кучею, за которою по сторонамъ ничего не видно. Куча была такъ высока, что закрывала торчавшую изъ ея середины высокую шелковицу или рябину почти по самыя вѣтви.

Хатина имѣла три окна и всѣ они въ рядъ выходили на упомянутую навозную кучу, или, лучше сказать, навозный холмъ. При хатѣ имѣлись дощатые сѣни, надъ дверями которыхъ новые наемщики тотчасъ же по водворенїи водрузили небольшой мѣдный литой крестъ изъ тѣхъ, что называютъ «корсунчиками».

Съ другой стороны на кучу выходило еще одно маленькое окно. Это принадлежало другому, тоже секретному помещенїю, въ которое входили со второго двора. Тутъ жили двѣ или три «старички», къ которымъ ходили молиться раскольники иного согласія — «тропарники», т. е. пѣвшіе тропарь: «Спаси, Господи, люди Твоя». Я въ тогдашнее время плохо понималъ о расколѣ и не интересовался имъ, но какъ теперь соображаю, то это, должно быть, были поморцы, которые издавна уже «къ тропарю склонялись».

Молитвенная хата, занятая подъ старца Малафея, до настоящего найма имѣла другія назначенїя: она была когда-то банею, потомъ птичною, «индѣчной разводкою», т. е. въ ней сиживали на гнѣздахъ индѣйки-насѣдки, а теперь, наконецъ, въ ней поселился святой мужъ и учредилась «моленна», въ знакъ чего надъ притолками ея дощатыхъ сѣней и утверждены были мѣдный «корсунчикъ».

Въ противоположность большинству всѣхъ помѣщеній шяновскаго подворья, эта хата была необыкновенно теплая.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Старца Малахію каменщики привезли позднимъ вечеромъ на парныхъ деревенскихъ саняхъ и прямо привели его во храмину и заключили тамъ на безысходное житье.

Убранства хатѣ никакого не полагалось, а что было необходимо, то сами же прихожане устроили безъ всякой посторонней помощи.

Мы ее однажды осматривали черезъ окно, при посредствѣ отрока Гіезія, въ тѣ часы, когда Малафей Пимычъ, утомясь въ жаркій день, «держалъ опочивъ» въ сѣнничкахъ. По одной стѣнѣ горенки тянулись въ два тябла старинныя иконы, передъ которыми стоялъ аналой съ поклонною «рогозинкою», въ углѣ простой деревянный столъ и предъ нимъ скамья, а въ другомъ углѣ двѣ скамьи, поставленныя рядомъ. Въ одномъ концѣ этихъ скамеекъ былъ положень толстый березовый обрубокъ, покрытый обрывками старой крестьянской свиты.

Это была постель старца, который почивалъ по правиламъ доблаго житія, «не имѣя возглавицы мягкія».

Для отрока Гіезія совсѣмъ не полагалось никакой ни утвари, ни мебелировки. Онъ велъ житіе не только иноческое, но прямо спартанское: пилъ онъ изъ берестяного сверточка, а спалъ лѣто и зиму на печкѣ.

Старецъ «подилъ», т. е. полагалъ «началъ» чтенію и пѣнію, исповѣдалъ и крестилъ у своихъ раскольниковъ, а Гіезій состоялъ при немъ частію въ качествѣ дьячка, т. е. «амниль» и читалъ, а частію въ родѣ слуги и послушника. Послушаніе его было самое тяжкое, но онъ несъ его безропотно и съ терпѣніемъ неимовѣрнымъ. Старецъ его нигуда почти не выпускалъ, «кромѣ торговой нужды», то есть хожденія за покунками; томилъ его самымъ суровымъ постомъ и притомъ еще часто «началилъ». За малыя прегрѣшенія «началенье» производилось ременною лѣстовидею, а за болѣе крупныя грѣхи — концомъ веревки, на которой бѣдный Гіезій самъ же таскалъ для старца воду изъ колодца. Если же вина была «особливая», тогда веревка еще нарочно смачивалась и оттого удары, ею наносимые спинѣ отрока, были больнѣе.

Старца Малахію мы никогда вблизи не видали, кромѣ того единственнаго случая, о которомъ наступить рассказъ. Извѣстно было только одно общее очертаніе его облика, схваченное при одномъ рѣдкомъ случаѣ, когда онъ появился какой-то нужды ради передъ окномъ. Онъ былъ роста огромнаго, сѣдъ и бѣлобородъ и даже съ празеленью: очи имѣлъ монурья и почти совсѣмъ невидныя за густыми, длинными и тяжело нависшими бровями. Лѣтъ старцу, по каружности судя, было близко къ восьмидесяти; онъ былъ сильно сутулъ и даже согбенъ, но плотенъ и несомнѣнно еще очень силенъ. Волосы на его головѣ были острижены не въ русскій кружокъ, а какими-то клоками; можетъ-быть, «постризло» на нихъ уже и «не восходило», а они сами не росли отъ старости. Одѣтъ онъ былъ всегда въ черный мухояръ и черезъ плечи его на грудь висѣла длинная связка какихъ-то шаровъ, похожихъ на толстые баранки. Связка эта спускалась до самаго пуша и на пупъ приходился крестъ, верхка въ три величину. Это были четки.

Голось старца былъ яко кимваль бряцающій, хотя мы сподоблены были слышать въ его произношеніи только одно слово: «парень». Это случалось, когда старецъ кликалъ изъ двери Гіезія, выходившаго иногда посидѣть на гнонцѣ у шелковицы или рябины.

Болѣе старецъ былъ не видимъ и не слышанъ, и судить о немъ было чрезвычайно трудно; но Кесарь Степановичъ и его характеризовалъ краткимъ опредѣленіемъ:

— Дуракъ присноблаженный.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Гіезія мы знали несравненно ближе, потому что этотъ, по молодости своей, самъ къ намъ бился, и, несмотря на то, что «дѣдушка» содержалъ его въ безмѣрной строгости и часто «началилъ» то лѣстовницей, то мокрой веревкой, отрокъ все-таки находилъ возможность убѣгать къ намъ, и вель себя въ нашемъ растлѣнномъ кругѣ не совсѣмъ одобрительно. Зато, какъ ниже увидитъ читатель, съ нимъ однажды и воспослѣдовало такое бѣдствіе, какое навѣрное ни съ кѣмъ другимъ не случалось: онъ былъ окормленъ *человѣчьимъ мясомъ*... Или, точнѣе сказать, онъ имѣлъ несчастіе думать, будто надъ нимъ было совершено такое

коварство «учеными», въ которыхъ онъ видѣлъ прирожденныхъ враговъ душевнаго спасенія.

Впередъ объ этомъ ужасномъ случаѣ будетъ разсказано обстоятельно.

Отроку, какъ я выше сказалъ, было двадцать два года. «Отрокъ», по примѣненію къ нему, не выражало поры его возраста, а это было его званіе, или, лучше сказать, его санъ духовный. Онъ былъ широкоорожаго великорусскаго обличья, мордаты и губасты, съ русыми волосами и голубыми глазами, имѣвшими странное, пытливое и въ то же время совершенно глупое выраженіе. Румянецъ пробивался на его лицѣ гдѣ только могъ, но нигдѣ просторно не распространялся, а проступалъ пятнами и отъ того молодое, едва опушавшееся мягкою бородкою, лицо отрока имѣло видъ и здоровый, и въ то же время нездоровый. Бываютъ такія собаки, которыя «въ щенкахъ заморены». Видно, что породиста, да отъ заморы во всю свою природу не достигаетъ.

По уму и многимъ свойствамъ своего характера, Пезій былъ наисовершеннѣйшимъ выразителемъ того русскаго типа, который мѣтко и сильно рисуетъ въ своей превосходнѣйшей книгѣ профессоръ Ключевскій, т. е. «заматорѣлость въ преданіяхъ и никакой идеи». Сдѣлать что-нибудь иначе, какъ это заведено и какъ дѣлается, Пезію никогда не приходило въ голову: это помогало ему и въ его отроческомъ служеніи, въ которое онъ, по его собственнымъ словамъ, «вданъ былъ родительницею до рожденія по оброку».

Это разъяснялось такъ, что у его матери была несносная болѣзнь, которую она, со словъ какихъ-то врачей, называла «азіятикъ»; болѣзнь эта происходила отъ какихъ-то происковъ злого духа. Бѣдная женщина долго мучилась и долго лѣчилась, но «азіятикъ» не проходитъ. Тогда она дала обѣтъ балыкинской Божіей Матери (въ Орлѣ), что если только «азіятикъ» пройдетъ и послѣ исцѣленія родится дитя мужескаго пола, то «вдасть его въ услуженіе святому мужу, въ мѣру возраста Христова», т. е. до тридцати трехъ лѣтъ.

Послѣ такого обѣта больная, заступленіемъ балыкинской Божіей Матери, выздоровѣла и имѣла вторую радость—родила Пезія, который съ восьми лѣтъ и началъ исполнять материнъ обѣтъ, проходя «отроческое послушаніе». А до 33 лѣтъ ему еще было далеко.

Старецъ на долю отрока Гіезія выпалъ, можетъ-быть, и весьма святой, и благочестивый, но очень суровый и, по словамъ Гіезія, «столько объ него мокрыхъ веревокъ обначалилъ, что можно бы по нимъ уже десяти человѣкамъ до неба взойти».

Но ученіе правиламъ благочестія Гіезію давалось плохо и не памятно. Несмотря на свое рожденіе по священному обѣту, онъ, по собственному сознанию, былъ, «отъ природы блудливъ». То онъ сны нехорошіе видѣлъ, то кошкамъ хвосты щемилъ, то мирцилъ съ никоніанами, или «со иновѣрными спорилъ». А бѣсъ, всегда неравнодушный ко спасенію людей, стремительно восходящихъ на небо, безпрестанно подставлялъ Гіезію искушенія и тѣмъ опять подводилъ его подъ мокрую веревку.

На шіановскомъ дворѣ, который былъ удаленъ отъ всякаго шума, Гіезій прежде всего впалъ въ распри съ тѣми поморами, окно которыхъ выходило на ихъ совмѣстную навозную кучу, раздѣлявшую «ихъ согласія».

Какъ поморы, бывало, начнутъ пѣть и молиться, Гіезій залѣзаетъ на рябину и дразнить ихъ оттуда, крича:

— Тропари—мытари.

А тѣ не выдержать и отвѣчаютъ:

— Немоляки—раскоряки.

Такъ обѣ вѣры были взаимно порицаемы, а послѣдствіемъ этого выходили стычки и «камнеметаніе», заканчивавшіяся иногда разбитіемъ оконъ съ обѣихъ сторонъ. Въ заключеніе же всей этой духовной распри, Гіезій, какъ непосредственный виновникъ столкновеній, былъ «началенъ» веревкою и иногда ходилъ дня по три согнувшись.

Затѣмъ, разумѣется, и Богъ, и старецъ его прощали, но онъ скоро впадалъ еще въ большія искушенія. Одно изъ таковыхъ ему едва не стоило потери разсудка и даже самой жизни.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

При полномъ типическомъ отсутствіи идей, у Гіезія была пытливость и притомъ самая странная. Онъ любилъ задавать такіе неожиданные вопросы, которые въ общемъ напоминали вопросы дѣтей.

Прибѣжить, бывало, подъ окно и спрашиваетъ:

— Отчего у льва грива растетъ?

Ему отвѣчаютъ:

— Пошелъ ты прочь — почему я знаю, отчего у льва грива растетъ?

— А какъ же, говорятъ, въ чемъ составляется наука свѣтская?

Его прогоняютъ, а онъ при случаѣ опять пристаеъ съ чѣмъ-нибудь подобнымъ, и это безъ всякой задней мысли или ироніи, — а такъ какой-то рефлексъ его толкнетъ, онъ и спрашиваетъ:

— Отчего рябина супротивъ крыжовника горче?

Но больше всего его занимали вещи таинственныя, для которыхъ онъ искалъ разъясненія въ природѣ. Напримѣръ, ему хотѣлось знать: «какое бываетъ сердце у грѣшника», и вотъ это-то любопытство его чуть не погубило.

Такъ какъ въ домѣ жило нѣсколько медицинскихъ студентовъ, между которыми бывали ребята веселые и шаловливые, то одинъ изъ нихъ пообѣщавъ разъ Гіезію «показать сердце грѣшника».

Для этого требовалось придти въ анатомическій театръ, который тогда былъ во временномъ помѣщеніи, на нынѣшней Владимірской улицѣ, въ домѣ Беретти.

Гіезій долго не рѣшался на такой рискованный шагъ, но страстное желаніе посмотрѣть сердце грѣшника его преодолѣло, онъ пришелъ разъ къ студентамъ и говоритъ:

— Есть теперь у васъ мертвый грѣшникъ?

— Есть, говорятъ, — да еще самый залихватскій.

— А что онъ сдѣлалъ?

— Отца продалъ, мать заложилъ и въ томъ руку приложилъ, а потомъ галку съѣлъ и зарѣзался.

Гіезій заинтересовался.

— Меня завтра дѣдушка къ Батухину въ лавку за оливой къ лампадамъ пошлетъ, а я къ вамъ въ анатомію прибѣгу, покажите мнѣ сердце грѣшничке.

— Приходи, — отвѣчаютъ, — покажемъ.

Онъ сдержалъ свое слово и явился блѣдный и смущенный, весь дрожа въ страхѣ несказанномъ.

Ему дали выпить мензулку препаративнаго спирта для храбрости, подъ видомъ «осмѣлительныхъ капель», сказавъ притомъ, что безъ этого нельзя увидать сердце.

Онъ выпилъ и оналѣлъ, сердце онъ нашелъ совсѣмъ неудовлетворительнымъ и вовсе не похожимъ на то, какъ

его себѣ представлялъ, судя по извѣстному лубочному листу: «сердце грѣшника — жилище сатаны». Чтобы увидѣть сатану въ сердцѣ, его уговорили выпить еще вторую мензулку, и онъ выпилъ и потомъ что-то ѣлъ. А когда съѣлъ, то студенты ему сказали:

— Знаешь ли, что ты съѣлъ?

Онъ отвѣчалъ:

— Не знаю.

— А это ты, братецъ, съѣлъ котлету изъ человѣческаго мяса.

Гіезій поблѣднѣлъ и заматался: съ нимъ совершенно неожиданно сдѣлался настоящій обморокъ.

Его насилу привели въ себя и ободрили, увѣряя, что котлета сжарена изъ мяса человѣка зарѣзавшагося, но отъ этого съ Гіезіемъ чуть не сдѣлался второй обморокъ и начались рвоты, такъ что его насилу привели въ порядокъ, и на этотъ разъ уже стали разувѣрять, что это было сказано въ шутку и что онъ ѣлъ мясо говаяжье; но никакія слова на него уже не дѣйствовали. Онъ бѣгомъ побѣжалъ на Печерскъ къ своему старцу и самъ просилъ «сильно его поначалить», какъ слѣдуетъ отъ страшнаго прегрѣшенія.

Старецъ исполнилъ просьбу отрока.

И дорого это обошлось здоровью бѣднаго парня: дней десять послѣ этого происшествія мы его вовсе не видали, а потомъ, когда онъ показался съ ведромъ за плечами, то имѣлъ видъ человѣка, перенесшаго страшныя муки. Онъ былъ худъ, блѣденъ и самъ на себя не похожъ, а, вдобавокъ, долго ни за что ни съ кѣмъ не хотѣлъ говорить и не отвѣчалъ ни на одинъ вопросъ.

Послѣ, по особому къ одному изъ насъ довѣрію, онъ открылъ, что дѣдушка его «вдвойнѣ началилъ», т. е. призывалъ къ сему дѣланію еще другого случившагося тутъ благовѣрнаго христіанина, и оба имѣли въ рукахъ концы веревки, «свитые во двое», и держали «ихъ оборучь». И начали Гіезія въ уголъ въ сѣняхъ, уложивъ «мордою въ войлокъ, даже до той совершенной степени, что у него отъ визгу ротъ трубкой загостенѣлъ, и онъ всей памяти лишился».

Но на дѣдушку отрокъ все-таки нимало не ропталъ, ибо сознавалъ, что «бить былъ во славу Божию», и надѣялся черезъ это болѣе «съ мірскими не суетить и исправиться».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Кажется, это и въ самомъ дѣлѣ произвело въ немъ такой сильный переломъ, къ какому только была способна его живая и увлекающаяся натура. Онъ рѣже показывался и вообще уже не заводилъ ни разговоровъ съ нами, ни пререканій съ благоневѣрными поморами, которые «на тропарѣ повисли».

Къ тому же, обстоятельства понзмѣнились и поразмели нашу компанію въ разныя стороны, и старецъ съ отрокомъ на время вышли изъ вида.

Между тѣмъ, мостъ былъ оконченъ и къ открытію его въ Кіевѣ ожидали государя Николая Павловича. Наконецъ и государь прибылъ, и на другой день было назначено открытіе моста.

Теперь ничего такъ не торжествуютъ, какъ тогда торжествовали. Вечеръ наканунѣ былъ оживленный и веселый: всѣ ходили, гуляли, толковали, но были люди, которые проводили эти часы и иначе.

На темномъ задворкѣ шіяновскихъ закутокъ и поморы, и филипоны молились, одни съ тропаремъ, другіе безъ тропаря. Тѣ и другіе ждали необычайной для себя радости, которая ихъ благочестію была «возвѣщена во Псалтырѣ».

Около полуночи мнѣ довелось проводить одну дѣвицу, которая жила далеко за шіяновскимъ домомъ, а на возвратномъ пути у калитки я увидѣлъ темную фигуру, въ которой узналъ антропофага Гіезія.

— Что это, — говорю, — вы въ такую позднюю пору на улицѣ?

— Такъ, — отвѣчаетъ, — все равно, ночью надо не спать.

— Отчего надо не спать?

Гіезій промолчалъ.

— А какъ это васъ дѣдушка такъ поздно отпустилъ на улицу?

— Дѣдушка самъ выслалъ. Мы вѣдь до самаго сего часа молились, — почитай сію минуту только зааминили. Дѣдушка говоритъ: «повыдь посмотри, что дѣется».

— Чего же смотрѣть?

— Како, — говоритъ, — «суетятъ никоніаны и чего для себя ожидаютъ».

— Да что такое, — спрашиваю, — случилось и чего особеннаго ожидаете?

Гіезій опять замялся, а я снова повторилъ мой вопросъ.

— Дѣдушка, говоритъ,—много ждуть. Имъ, дѣдушкѣ, вѣдь все изъ Цсалтыри открыто.

— Что ему открыто?

— Съ завтрашняго числа одна вѣра будетъ.

— Ну-у!

— Увидите сами, — до завтра это втайнѣ, а завтра всѣмъ царь объявить. И упротивные (т. е. поморы) тоже ждуть.

— Тоже объединенія вѣры?

— Да-съ; должно быть того же самаго. У насъ съ ними нынче, когда наши на сѣдальняхъ на дворикъ вышли, межъ окно опять легкая война произошла.

— Изъ-за чего?

— Опять о тропарѣ заспорили. Наши имъ правильно говорили: «подождать бы вамъ тропарь-то голосить въ особину; завтра разомъ всѣ вообще запоемъ; столпомъ воздымемъ до самаго до неба». А тѣ несогласны и отвѣчаютъ: «мы давно на тропарѣ основались и съ своего не снидемъ». Слово по слову и въ окно плеваться стали.

Я любопытствовалъ, какъ именно это было.

— Очень просто,—говоритъ Гіезій:—наши имъ въ окно кукиши казать стали, а тѣ оттуда плюнули, и наши не уступили,—имъ то самое, наоборотъ. Хотѣли войну сдѣлать, да полковникъ увидѣлъ и закричалъ: «Цыть! всѣхъ изрублю». Перестали плеваться и опять заплѣли, и всю службу до конца доправили и разошлись. А теперь дѣдушка одинъ остался и страсть какъ внѣ себя ходитъ. Онъ вѣдь завтра выходъ сдѣлаетъ.

— Неужели,—говорю,—дѣдъ наружу выльзетъ?

— Какъ-же-съ,—дѣдушка завтра на улицу пойдетъ, чтобъ на государи смотрѣть. Скоро сорокъ лѣтъ, говорятъ, будетъ, какъ онъ по улицамъ не ходилъ, а завтра пойдетъ. Ему ужъ наши и шляпу принесли; онъ въ шляпѣ и съ костылемъ идти будетъ. Я его поведу.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ я и простился съ Гіезіемъ, совсѣмъ не понявъ тѣхъ многозначительнѣйшихъ намековъ, которые заключались въ его малосвязномъ, но таинственномъ разказѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

День открытія «новаго моста», который нынче въ Кіевѣ называютъ уже «старымъ», былъ ясный, погожій и превосходный по впечатлѣніямъ.

Всѣ мы тогда чувствовали себя необыкновенно веселыми и счастливыми, Богъ вѣсть отчего и почему. Никому и въ голову не приходило сомнѣваться въ силѣ и могуществовѣ родины, историческій горизонтъ которой казался чистъ и ясенъ, какъ покрывавшее насъ безоблачное небо съ ярко горящимъ солнцемъ. Всѣ какъ-то смахивали тогда на воровьевъ послѣдняго тургеневскаго разсказа: прыгали, чиликали, наскакивали, и никому въ голову не приходило поглядѣть, не рѣветъ ли гдѣ поверху ястребъ, а только бойчились и чирикали:

— Мы еще повоюемъ, чортъ возьми!

Воевать тогда многимъ ужасно хотѣлось. Начитанные люди съ патріотическою гордостью повторяли фразу, что «Россія — *государство военное*», и военные люди были въ большой модѣ и пользовались этимъ не всегда великодушно. Но главное — тогда мы были очень молоды и каждый изъ насъ провожалъ кого-нибудь изъ существъ, заставлявшихъ скорѣе биться его сердце. Волокитство и ухаживанья тогда входили въ «росписаніе часовъ дня» благопристойнаго россиянина, чему и можетъ служить наилучшимъ выраженіемъ «дневникъ Виктора Аскоченскаго», напечатанный въ 1882 г. въ «Историческомъ Вѣстникѣ». И самъ авторъ этого «дневника», тогда еще молодцоватый и задорный, былъ среди насъ и даже, можетъ быть, служилъ для многимъ образцомъ въ тонкой наукѣ волокитства, которую онъ практиковалъ, впрочемъ, преимущественно «по купечеству». У женщинъ настоящаго свѣтскаго воспитанія онъ никакого успѣха не имѣлъ и даже не получалъ къ нимъ доступа. Аскоченскій одѣвался щеголемъ, но безъ вкуса, и не имѣлъ ни мягкости, ни воспитанности: онъ былъ дерзокъ и грубъ въ разговорѣ, очень непріятенъ въ манерахъ.

По словамъ одного изъ его кіевскихъ современниковъ, впослѣдствіи профессора казанскаго университета, А. О. Яновича, онъ всегда напоминалъ «переодѣвагося архіерея». Въ сіяющій день открытія моста Аскоченскій ходилъ въ панталонахъ рококо и въ свѣтлой шляпѣ на своей крутой го-

ловѣ, а на каждой изъ его двухъ рукъ висѣло по одной подольской барышнѣ. Онъ велъ дѣвицу и металъ встрѣчнымъ знакомымъ свои тупыя семинарскія остроты. Въ этотъ же день онъ, останавливаясь надъ кручею, декламировалъ:

... Вотъ онъ—Днѣпръ,
Тотъ самый Днѣпръ, гдѣ вся Русь крестилась
И, по милости судьбы, гдѣ она омылась.

За этими стихами слѣдовало его командирское слово:

На молитву же, друзья:
Кіевъ передъ вами!

Послѣ все это вошло въ какое-то большое его призывное стихотвореніе, по обыкновенію, съ тяжелою версификаціею и съ массою неглагольных рифмъ. Его муза, подъ пару ему самому, была своенравна и очень неуклюжа.

О немъ хочется сказать еще два слова: «дневникъ» этого довольно любопытнаго человѣка напечатанъ, но, по-моему, онъ не только не выяснилъ, но даже точно закуталь эту личность. По-моему, дневникъ этотъ, который я прочелъ *весь* въ подлинникѣ, имѣетъ характеръ сочиненности. Тамъ даже есть *пятна слезъ*, оросившія страницы, гдѣ говорится о подольскихъ купеческихъ барышняхъ. Или есть такія замѣтки: «я пьянъ и не могу держать пера въ рукахъ», а между тѣмъ, это написано совершенно трезвою и твердою рукою...

Вообще надо жалѣть, что никто изъ знавшихъ Аскоченскаго кіевлянъ не напишетъ хорошей безпристрастной замѣтки о тревоженной жизни и трудахъ этого человѣка съ замѣчательными способностями, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ едва ли не самое худшее употребленіе, какое только могъ бы ему выбрать его злѣйшій врагъ. Праху его миръ и покой, но его жизненные невзгоды и карьерная игра характерны и поучительны. Кромѣ Виктора Ипатьича, тогда въ Кіевѣ водились еще и другіе поэты, въ плоской части доживалъ свой маститый вѣкъ Подолинскій, а по городу ходили одна молодая дѣвица и одинъ молодой кавалеръ. Дѣвица, подражая польской импровизаторшѣ Деотымѣ, написала много маленькихъ и очень плохихъ стихотвореній, которыя были ею изданы въ одной книжечкѣ подъ заглавіемъ: «Чувства патріотки». Складъ изданія находился въ

«аптекѣ для души», т. е. въ подольской библиотекѣ Павла Петровича Должикова. Стихотворенія совсѣмъ не шли, и Должиковъ иногда очень грубо издѣвался надъ этою книгою, предлагая всѣмъ «вмѣсто хлѣба и водки—чувства патриотки». Въ день открытія моста стихотворенія эти раздавались безденежно. На чей счетъ было такое угощеніе—не знаю. Подолинскій, кажется, еще жилъ, но не написалъ ничего, да про него тогда и позабыли, а Альфредъ фонъ-Юнгъ что-то пустилъ съ своего Олимпа, но чтѣ именно такое—не помню. Невозможно тоже не вспомнить объ этомъ добрѣйшемъ парнѣ, совершенно безграмотномъ и лишенномъ малѣйшей тѣни дарованія, но имѣвшемъ неодолимую и весьма разорительную страсть къ литературѣ. И онъ, мнѣ кажется, достоинъ благодарнаго воспоминанія отъ кievлянъ, если не какъ поэтъ, то какъ самоотверженнѣйшій пионеръ—периодическаго издательства въ Кіевѣ. До Юнга въ Кіевѣ не было газеты, и предпринять ее тогда значило навѣрное разориться. Юнга это не остановило: онъ завелъ газету и вмѣсто благодарности встрѣчалъ отовсюду страшныя насмѣйки. По правдѣ сказать, «Телеграфъ» юнговскаго изданія представлялъ собою не мало смѣшного, но все-таки онъ есть *дядушка* кievскихъ газетъ. Денегъ у Юнга на изданіе долго не было, и чтобы начать газету, онъ прежде пошелъ (во время Крымской войны) «командовать волами», т. е. погонщикомъ. Тутъ онъ сдѣлалъ какія-то сбереженія и потомъ все это самоотверженно повергъ и сожегъ на алтарѣ литературы. Это былъ настоящій литературный маньякъ, котораго не могло остановить ничто; онъ все издавалъ, пока совсѣмъ не на что стало издавать. Литературная неспособность его была образцовая, но, кромѣ того, его и преслѣдовала какая-то злая судьба. Такъ, напримѣръ, съ «Телеграфомъ» на первыхъ порахъ случались такіе анекдоты, которымъ, пожалуй, трудно и повѣрить; напримѣръ, газету эту цензоръ Лазовъ считалъ полезнымъ запретить «за невозможныя опечатки». Поправки же Юнгу иногда стоили дороже самыхъ ошибокъ: разъ, напримѣръ, у него появилась поправка, въ которой значилось дословно слѣдующее: «во вчерашнемъ №, на столбцѣ такомъ-то, у насъ напечатано: *пуовица*», читай: *Богородица*». Юнгъ былъ въ ужасѣ больше отъ того, что цензоръ ему выговаривалъ: «зачѣмъ-де поправлялся!»

— Какъ же не поправиться?—вопросаль Юнгъ, и въ самомъ дѣлѣ надо было поправиться.

Но едва это сошло съ рукъ, какъ Юнгъ опять ходилъ по городу въ еще большемъ горѣ: онъ останавливалъ знакомыхъ и, вынимая изъ жилетнаго кармана маленькую бумажку, говорилъ:

— Посмотрите, пожалуйста, — хорошъ цензоръ! Что онъ со мною дѣлаетъ!—онъ мнѣ не разрѣшаетъ поправить вчерашнюю ошибку.

Поправка гласила слѣдующее: «вчера у насъ напечатано: кievляне преимущественно всѣ *онанисты*, — читай *оптимисты*».

— Каково положеніе!—восклицалъ Юнгъ.

Черезъ нѣкоторое время Алексѣй Алексѣевичъ Лазовъ, однако, кажется, разрѣшилъ эту, въ самомъ дѣлѣ, необходимую поправку. Но былъ и такой случай цензорскаго произвола, когда поправка не была дозволена. Случилось разъ, что въ статьѣ было сказано: «неудивительно, что при такомъ воспитаніи вырастаютъ *недоблуды*». Лазовъ удивился, что это за слово? Ему объяснили, что хотѣли сказать «лизоблуды»; но когда вечеромъ принесли сводку номера, то тамъ стояло: «по ошибкѣ напечатано: *недоблуды*, — должно читать: *переблуды*». Цензоръ пришелъ въ отчаяніе и совсѣмъ вычеркнулъ поправку, опасаясь, чтобы не напечатали чего еще худшаго.

Пора, однако, возвратиться отъ литераторовъ къ старцу Малахii, который украсилъ этотъ торжественный день своимъ появленіемъ въ поднесенной ему необыкновенной шляпѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Густыя толпы людей покрывали все огромное пространство городского берега, откуда былъ виденъ мостъ, соединившій Кіевъ съ черниговскою стороною Днѣпра. Только болѣе страстные до зрѣлищъ или особенно патрониремые кѣмъ-нибудь изъ властныхъ нашли возможность протѣсниться «за войска», расположенныя внизу у вѣзда на мостъ и, наконецъ, шпалерами вдоль самаго моста. Но такихъ счастливицевъ было немного, сравнительно съ огромными массами, покрывшими надбережные холмы, начиная отъ выдубицкаго монастыря и Аскольдовой могилы до террасъ, прилегающихъ къ монастырю Михайловскому. Кажется, безъ ошибки можно

сказать, что въ этотъ день вышло изъ домовъ все кievское населеніе, чѣмъ тогда и объясняли множество благоусиѣнно сдѣланныхъ въ этотъ день кражъ. И, несмотря на всю длину этой страшно растянутой береговой линіи, трудно было найти удобное мѣсто. Были люди, которые пришли сюда спозаранка съ провизіей въ карманахъ и крѣпко заняли всѣ наилучшія позиціи. Оттого зрителямъ, которые пришли позже, нужно было перемѣнять множество мѣстъ, пока удавалось стать такъ, что была видна «церемонія».

Были люди, которые взлѣзли на деревья, были и такіе смѣльчаки, которые прилѣпились къ песчанымъ выступамъ обрывовъ и иногда скатывались внизъ вмѣстѣ съ своимъ утлымъ подножьемъ. Случайности въ подобномъ родѣ вызывали веселый хохотъ и шутливыя замѣчанія. Было довольно неудовольствій по поводу обиднаго обращенія господъ военныхъ съ цивическимъ элементомъ, но все это до судовъ не доходило, военные люди тогда свободно угнетали «аршинниковъ, хамовъ и штафировъ». Духовенство тоже претерпѣвало отъ этого заурядъ съ мірянами и тоже не жаловалось. Это было въ порядкѣ вещей. Военные, повторяю, чувствовали себя тогда въ большомъ авантажѣ и, по современному выраженію, «сильно форсировали». Они имѣли страннѣйшій успѣхъ въ кievскомъ обществѣ и часто позволяли себѣ много совершенно неприличнаго. Особенно одно время (именно то, котораго я касаюсь) среди офицеровъ ожесточенно свирѣствовало поголовное притворство въ остроуміи. Они осчастливили своимъ знакомствомъ и купеческіе дома, и здѣсь вели себя такъ развязно, что передъ ними спасовать даже самъ Аскоченскій.

Изъ военныхъ шутокъ при открытіи моста я помню двѣ: у самой ограды бывшаго зданія минеральныхъ водъ появился какой-то нѣмецъ верхомъ на рыжей лошади, которая безпрестанно махала хвостомъ. Его просили отъѣхать, но онъ не соглашался и отвѣчалъ: «не понимаю». Тогда какой-то рослый офицеръ сдернулъ его за ногу на землю, а лошадь его уоѣжала. Нѣмецъ былъ въ отчаяніи и побѣждалъ за конемъ, а публика смѣялась и кричала вслѣдъ:

— Что, братъ, понялъ, какъ по-военному!

Офицеръ прослушалъ это нѣсколько разъ и потомъ крикнулъ:

— Перестать, дураки!

Они и перестали.

Должно-быть, не любить лести.

Это, впрочемъ, была болѣе отвага, чѣмъ остроуміе; настоящее же остроуміе случалось на мѣстѣ болѣе скрытомъ и тихомъ, именно за оградю монастыря Малаго Николая.

На неширокой, но сорной и сильно вытоптанной площадкѣ здѣсь мѣстилось всякое печерское разночинство и нѣсколько человѣкъ монашествующей братіи.

Были маститые иноки съ внушительными сѣдинами и легкомысленные слимаки съ ихъ дѣвственными гривами въ разметъ на какую угодно сторону.

Одинъ изъ иноковъ, повидимому, изъ почетныхъ, сидѣлъ въ креслѣ, обитомъ просаленною черною кожею и похожемъ по фасону своему не на обыкновенное кресло, а на госпитальное судно.

Къ этому иноку подходили простолюдины: онъ всѣхъ ихъ благословлялъ и каждого спрашивалъ буквально одно и то же:

— Чьи вы и изъ какой губерніи?

Получивъ отвѣтъ, инокъ поднималъ руку и говорилъ: «Богу въ пріемъ», а потомъ, какъ бы чувствуя нѣкую силу, изъ себя исшедшую, зѣвалъ, жмурилъ глаза и преклонялъ голову. Замѣтно было, что общее оживленіе его какъ будто совсѣмъ не захватывало и ему, можетъ-быть, лучше было бы идти спать.

На него долго любовались и пересмѣивались два молодыхъ офицера, а потомъ они оба вдругъ снялись съ мѣста, подошли къ иноку и довольно низко ему поклонились:

Онъ поднялъ голову и сейчасъ же спросилъ ихъ:

— Чьи вы и какой губерніи?

— Изъ Чревоматерняго,—отвѣчали офицеры.

— Богу въ пріемъ,—произнесъ инокъ и, преподавъ благословеніе, снова зажмурился. Но офицеры его не хотѣли такъ скоро оставить.

— Позвольте, батюшка, побезпокоить васъ однимъ вопросомъ,—заговорили они.

— А что такое? какой будетъ вашъ вопросъ?

— Намъ очень хотѣлось бы отыскать здѣсь одного нашего земляка іеромонаха.

— А какой онъ такой и какъ его звать?

— Отецъ Строфокамилъ.

— Строфокамиль? не знаю. У насъ, кажется, такого нѣтъ. А впрочемъ, спросите братію.

Нѣсколько человекъ подвинулись къ офицерамъ, которые, не теряя ни малѣйшей тѣни серьезности, повторили свой вопросъ братіи, но никто изъ иноковъ тоже не зналъ «отца Строфокамилы». Одинъ только сообразилъ, что онъ вѣрно грекъ и посоветовалъ разыскивать его въ греческомъ монастырѣ на Подолѣ.

Кадетскіе корпуса тогда въ изобиліи пекли и выпускали въ свѣтъ такихъ и симъ подобныхъ остроумцевъ, изъ которыхъ потомъ, однако, выходили «севастопольскіе герои» и не менѣе знаменитые и воспрославленные «крымскіе воры», и «полковые морельщики».

До чего заносчиво тогда, передъ Крымскою войною, было офицерство и какія они себѣ позволяли иногда выходки, достойно вспомнить. Вскорѣ этому, вѣроятно, уже не будутъ вѣрить.

Разъ пріѣхалъ, напримѣръ, въ Кіевъ офицеръ Р. (впоследствии весьма извѣстный человекъ) и вдругъ сдѣлалъ себѣ блестящую репутацію тѣмъ, «что умѣлъ говорить дерзости». Это многихъ очень интересовало и офицера нарасхватъ зазывали на всѣ балки и вечеринки. Онъ ошалѣлъ отъ успѣховъ и дошелъ до наглости невѣроятной. Одинъ разъ въ домѣ нѣкоего г. Г—ва онъ самымъ безцеремоннымъ образомъ обругалъ цѣлое собрание. Г. собралъ къ себѣ на вечеринку друзей и пригласилъ Ра—цкаго. Тотъ ошачтливилъ, пріѣхалъ, но поздно и, не входя въ гостиную, остановился въ дверяхъ, оглянулъ всѣхъ въ лорнетъ, произнесъ: «какая, однако, сволочь!» и уѣхалъ... никѣмъ не побитый! Последнимъ финаломъ его пошлыхъ наглостей было то, что однажды въ Книнь-Грусти, стоя въ парѣ въ горѣлакахъ съ извѣстною въ свое время г-жею П—саревою, онъ не тронулся съ мѣста, когда его дама побѣжала; ту это смутило и она спросила его: «почему же вы не бѣжите?» Ра—цкій отвѣчалъ: «потому, что я боюсь упасть, какъ вы». Тогда его выпроводили, но только по особому вниманію Вибикова, который былъ особенно предупредителенъ къ этой дамѣ. Другой бѣдовый вопель былъ артиллеристъ Кле—аль. Этотъ больше всего поражалъ тѣмъ, что весьма просто душно являлся «въ лучшіе дома» на балы совершенно пьяный, хотя, впрочемъ, онъ и трезвый стоялъ пьянаго.

До чего онъ могъ довести свою безцеремонность, свидѣтельствуемъ слѣдующій случай: разъ, танцую въ домѣ Я. И. Пе—на, Кле—аль полетѣлъ вмѣстѣ съ своею дамою подъ столъ. Его оттуда достали и начали оправлять. Хозяинъ былъ смущенъ и замѣтилъ офицеру, что онъ уже слишкомъ веселъ, но тотъ не сконфузился.—«Да, отвѣчалъ Кле—аль,—я бѣсѣль. Это моя сфера. Впрочемъ, здѣсь такъ и слѣдуетъ»,—и сію же минуту, не ожидая возраженія, онъ добавилъ:

— Скажите, пожалуйста, мнѣ говорили, будто тутъ есть какой-то г. Бе—ти — всѣ говорятъ, что онъ, будто, ужасный дуракъ, но отлично, каналья, кормить. Вотъ я очень хотѣлъ бы сдѣлать ему честь у него поужинать.

Хозяинъ смѣшался, потому что Бе—ти стоялъ тутъ же возлѣ, но самъ Бе—ти сейчасъ же пригласилъ этого шалуна на свои вечера, и это служило къ ихъ оживленію. — Третій припоминается мнѣ офицеръ расформированнаго нынче жандармскаго полка, К—ій, котораго одна, очень юная и милая, подольская барышня имѣла неосторожность полюбить, а полюбя, поцѣловала и при какомъ-то случаѣ подарила ему свой бѣлокурый локонъ. Офицеръ сохранилъ эту галантерейщину и не отказывался отъ поцѣлуевъ, но съ предложеніемъ женитьбы медлилъ. Родители же дѣвушки находили это несоотвѣтственнымъ, и дѣвушка была помолвлена за другого. Ни барышня, ни женихъ ни въ чемъ не были виноваты, но г. К—ій пришелъ къ нимъ въ домъ на именинное собраніе и съ грубымъ ругательствомъ бросилъ *невѣстѣ въ лицо* ея локонъ, а жениха ударилъ. Многимъ и этотъ, надѣлавшій шуму, поступокъ казался своего рода развеселымъ, но довольно позволительнымъ фарсомъ, и когда покойный чиновникъ генераль-губернатора Друкартъ, производя объ этомъ слѣдствіе, не поблажалъ К—му, то Друкарта осуждали за «грубость» къ интересному герою.

Впрочемъ, подобное ожесточенное свирѣпство милитеровъ тогда было повсемѣстно въ Россіи, а не въ одномъ Кіевѣ. Въ Орлѣ бывший елисаветградскій гусарскій полкъ развѣшивалъ на окнахъ вмѣсто шторъ похабныя картины; въ Пензѣ, въ городскомъ скверѣ, взрослымъ барышнямъ завязывали надъ головами низы платьевъ, а въ самомъ Петербургѣ рвали снизу до верха шинели несчастныхъ «штафинокъ». Успокоила этихъ сорванцовъ одна изнанка Крым-

ской войны. Но оставимъ ихъ будущему историку культуры русскаго общества и поспѣшимъ къ тѣмъ, непосредственность которыхъ гораздо интереснѣе.

Въ ту же минуту, какъ изъ глазъ моихъ скрылись офицеры, разспрашивавшіе монаховъ объ отцѣ Строфокамитѣ, я замѣтилъ недалеко одного моего товарища, который такъ же, какъ я, зналъ Берлинскаго, Малахію и Гіезія.

Пріятель меня спрашиваетъ:

— Видѣлъ ли ты морское чучело?

— Какое? говорю.

— А старца Малахая (онъ имѣлъ привычку звать его Малахаемъ).

— А гдѣ онъ?

— Да вотъ сейчасъ, говорить,—недалеко здѣсь налѣво, за инженерскимъ домомъ на кирпичахъ стоитъ. Иди, смотри его,—онъ восхитителенъ!

— Неужели, говорю,—въ самомъ дѣлѣ хорошъ?

— Описать нельзя, и самъ хорошъ, и притомъ обставленъ удивительно! Вокругъ него всѣ столпы древяго благочестія «вообщ» и нашъ губошлennyй Гіезька, весь, подлець, деревяннымъ масломъ промасленъ... А на самого Малахая, увидишь, какую шляпу наложили.

— А что въ ней такого замѣчательнаго?

— Антикъ,—другой такой нѣтъ. Говорятъ, изъ Москвы, изъ Грановитой палаты выписали на поддержаніе,—еще самъ царь Горохъ носилъ.

Я не заставлялъ себя болѣе убѣждать и поспѣшилъ разыскивать старца.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Надо вспомнить, что между монастыремъ Малаго Николая и крѣпостною башнею, подъ которой нынѣ проходятъ Никольскія ворота, былъ только одинъ старый, но преудобный домъ съ дворомъ, окруженнымъ тополями. Въ этомъ домѣ съ нѣкоторыхъ поръ жили кто-то изъ начальствующихъ инженеровъ. За это его, кажется, и не разломали. Стоило обойти усадьбу этого очень просторно расположеннаго дома и сейчасъ же надо было упереться въ отгороженный временнымъ заборчикомъ задворочекъ, который приютился между башнею и садомъ инженернаго дома. На этомъ задворочкѣ были свалены разные строительные остат-

ки — доски, бревна, нѣсколько кулей съ известкой и нѣсколько кладокъ бѣлаго кievскаго кирпича. Тутъ же стояла и маленькая, тоже временная, хатка, въ которой жилъ сторожъ. У воротъ этого загражденія была и надпись, объявлявшая, что «постороннимъ лицамъ сюда входить строго воспрещается». Въ день открытiя моста запрещенiе слабо дѣйствовало и дало сторожу возможность открыть сюда входъ за деньги. Сторожъ, рыжій унтеръ, съ серьгою въ ухѣ и вишневымъ пятномъ на щекѣ, стоялъ у этой двери и самъ приглашалъ благонадежныхъ лицъ изъ публики вступить въ запрещенное мѣсто. По его словамъ, оттуда было «все видно», а плату за входъ онъ бралъ умѣренную, по «злотовкѣ», т. е. по 15 коп. съ персоны.

Взнеся входную цѣну и переступивъ за дощатую фортку, я увидалъ передъ собою такой «пейзажъ природы», который нельзя было принять иначе, какъ за символическое видѣнiе.

Мусоръ всѣхъ сортовъ и названiй, обломки всего, что можетъ значиться въ смѣтѣ матеріаловъ, нужныхъ для возведенiя зданiя съ подземнаго бута до кровли: доски, бревна, известковыя носилки и тачки, согнутые и проржавленные листы стараго кровельнаго желѣза, цѣлый ворохъ обломковъ водосточныхъ трубъ, а посреди всего этого хлама, надъ самымъ берегомъ шесть или семь штабелей запаснаго кирпича. Сложены они были столбиками неравной высоты, одни — пониже, другiе немного повыше, и наконецъ, на самомъ высокомъ мѣстѣ зрѣлося человѣчище прекрупное, вельми древнее и дебелое. Это стоялъ Малахiя. Одѣянъ онъ былъ благочестивымъ предковскимъ обычаемъ, въ синей широкой суконной чуйкѣ, сшитой совѣмъ, какъ старинный охабень, и отороченной по рукавамъ, по вороту и по правой полѣ какимъ-то дряннымъ подлѣзлымъ мѣхомъ. Одеждѣ отвѣчала и обувь: на ногахъ у старца были сапоги рыжіе съ мягкой козловою холявою, а въ рукахъ долгiй крашеный костыль; но что у него было на головѣ посажено, тому, дѣйствительно, и описанiя не сдѣлаешь. Это была шляпа, но кто ее дѣлалъ и откуда она могла быть въ нашъ вѣкъ добыта, того никакой многобывалый человѣкъ опредѣлить бы не могъ. Историческая полнота свѣдѣнiй требуетъ, однако, сказать, что штука эта была добыта почтателями старца Малахiи въ Кiевѣ, а до того сохранилась

въ тайникахъ магазина Козловскаго, гдѣ и обрѣтена была случайно приказчикомъ его Скрипченкомъ при перевозѣ рѣдкостей моды съ Печерска на Крещатику.

Шляпа представляла собою превысокій плюшевый цилиндръ, съ самымъ смѣлымъ перехватомъ на серединѣ и съ широкими, совершенно ровными полями, безъ малѣйшаго загиба ни на бокахъ, ни сзади, ни спереди. Сидѣла она на головѣ словно рожонъ, точно, какъ-будто, она не хотѣла имѣть ни съ чѣмъ ничего общаго.

Величественная фигура Малафея Пимыча утвердилась здѣсь, вѣроятно, раньше всѣхъ, потому что позиція его была всѣхъ выгоднѣе: занимая самую высокую кладку кирпича, старецъ могъ видѣть дальше всѣхъ и самъ былъ всѣмъ виденъ.

Рядомъ съ Пимычемъ на кладкѣ, которая была немножко пониже, помѣщался Гіезій. Онъ былъ въ бутылочномъ азымчикѣ съ тремя христіанскими сборами на кострецахъ и въ суконномъ шлычкѣ безъ козырька. Онъ безпрестанно перемѣнялъ ноги и въ его покосившейся на одно плечо фигурѣ чулась несносная скука, лѣнь и томительное желаніе шевельнуть затекшими ногами и брызнуть въ ходъ.

Вокругъ нихъ было еще не мало людей, пропущенныхъ крѣпостнымъ заказникомъ, но эти, по своей безцвѣтности, не останавливали на себѣ особеннаго вниманія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Часто возвращавшійся по сторонамъ Гіезій замѣтилъ мое желаніе поближе полюбоваться его дѣдушкой и показалъ глазами, что можетъ потѣсниться и дать мнѣ мѣсто возлѣ себя.

У штабеля стоялъ опрокинутый известковый ящикъ, по которому я могъ подняться на такую высоту, что Гіезій подаль мнѣ свою руку и поставилъ меня съ собою рядомъ.

Малафей Пимычъ не обратилъ на наше размѣщеніе никакого вниманія; онъ былъ похожъ на матерого волка, который на утрѣ вышелъ походить по насту; сѣрые глаза его горѣли дикимъ фанатическимъ огнемъ, но самъ онъ не шевелился. Онъ устремилъ взоры на мостъ, который отсюда виденъ былъ, какъ на ладони, и не смаргивалъ оттуда ни на мгновеніе. Но я забылъ и мостъ, и Днѣпръ, «гдѣ *вся Русь* крестилась», и даже всю церемошю, которая должна

сейчас начаться: всѣмъ моимъ чувствомъ овладѣть одинъ Пимычъ. Несмотря на свой чудной уборъ, онъ былъ не только поразительно и вдохновительно красивъ, но, если только простительно немного святотатственное слово, онъ былъ въ своемъ родѣ божественъ и притомъ характерно божественъ. Это не Юпитеръ и не Лаокоонъ, не Уллисъ и не Вейнелайненъ, вообще не герой какой бы то ни было саги, а это стоялъ олицетворяемый *символъ древяно благочестія*.

Если я долженъ его съ кѣмъ-нибудь сравнить, что всегда имѣеть своего рода удобство для читателя, то я предпочелъ бы всему другому указать на извѣстную картину, изображающую урокъ стрѣльбы изъ орудія, даваемый Петру Лефортомъ. Отрокъ Петръ, горя восторгомъ, наводитъ пушечный прицѣлъ... Вся его огневая фигура выражаетъ страстное уносящее стремленіе. Лефортъ въ своемъ огромномъ парикѣ тихо любитъ царственнымъ ученикомъ. Нѣсколько молодыхъ русскихъ лицъ смотрять съ сочувствіемъ, но вмѣстѣ и съ недоумѣніемъ. На нихъ, однако, видно, что они желаютъ царю «попасть въ цѣль». Но тутъ есть фигура, которая въ своемъ родѣ не менѣе образна, типична и характерна. Это сѣдой старикъ въ старорусскомъ охабнѣ съ высокимъ воротомъ и въ высокой собольей шапкѣ. Онъ одинъ изъ всѣхъ не на ногахъ, а *сидитъ*—и сидитъ крѣпко; въ правой рукѣ онъ держитъ костыль, а лѣвою оперся въ ногу и смотритъ на упражненія царя вкось, черезъ свой локоть. Въ его глазахъ нѣтъ ненависти къ Петру, но тѣмъ удачнѣе дѣлаетъ юноша то, за что взялся, тѣмъ рѣшительнѣе символическій старецъ не встанетъ съ мѣста. Заго, если Петръ не попадетъ и отвернется отъ Лефорта, тогда... старичокъ встанетъ, скажетъ: «плюнь на нихъ, батюшка: они всѣ дураки», и, опираясь на свой старый костыль, уведетъ его, «своего прирочоннаго» *домой*—мыться въ банѣ и молиться московскимъ угодникамъ, «одолѣвшимъ и повгородскихъ, и владимірскихъ».

Этотъ старикъ, по мысли художника, представляетъ собою на картинѣ *старую Русь*, и Малафей Пимычъ теперь на живой картинѣ кievскаго торжества изображалъ то же самое. Моментъ, когда передъ нами является Пимычъ, въ его сознаниі имѣлъ тоже историческое значеніе. Старикъ, Богъ вѣсть почему, ждалъ въ этотъ день какого-то великаго событія, которое сдѣлаетъ поворотъ во всемъ.

Такія торжественныя настроенія, безъ удобопонятныхъ причинъ, нерѣдко являються у аскетовъ, подобныхъ Пимчу, когда они, сидя въ спертой задухѣ своихъ прозмглыхъ закутъ, начинаютъ считать себя центромъ вниманія Творца вселенной.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Могучая мысль, вызвавшая Малахію, побудила его явиться суетному міру во всеоружіи всей его изувѣрной святости и глупости. Сообразно обстоятельствамъ, онъ такъ приубрался, что отъ него даже на всемъ просторѣ открытаго нагорнаго воздуха струился запахъ ладана и кипариса, а когда вѣтерокъ раскрывалъ его законный охабень съ звѣриной опушкой, то внизу виденъ былъ новый мухояровой «рабскій азиячпкъ» и во всю грудь черезъ шею висѣвшая нить крупныхъ деревянныхъ шаровъ. Связка, по обыкновенію, кончалась у нупа большимъ восьмиконечнымъ крестомъ изъ красноватаго рога.

Стоялъ онъ, какъ сказано, точно изваяніе — совершенно неподвижно, и такъ же неподвиженъ былъ его взглядъ, устремленный на мость, только желтобѣлые усы его изрѣдка шевелились; очевидно, отъ истомы и жажды онъ овлаждалъ свои засохшія уста.

— Съ шестого часа тутъ стоимъ,— шепнулъ мнѣ Гіезій.

— Зачѣмъ такъ рано?

— Дѣдушка еще раньше хотѣлъ, никакъ стерпѣти не могли до утра. Все говорилъ: опоздаемъ, пропустимъ—царь раньше выѣдетъ на мость, потому этакое дѣло надо на тцо сдѣлать.

— Да какое такое дѣло? О чемъ вы это толкуете?

Гіезій промолчалъ и покосилъ въ сторону дѣдушки глазами: дескать, нельзя говорить.

Вмѣсто отвѣта онъ, вздохнувъ, молвилъ:

— Булычку бы надо сбѣгать купить.

— Зачѣмъ же дѣло стало? сбѣгайте.

— Разсердится. Три дня уже такъ говѣино живемъ. Самъ-то даже и капли всѣ дни не принималъ. Тоже вѣдь и государю это не легко будетъ. Зато какъ нонѣ при всѣхъ едиными устами тропарь за царя запоемъ, тогда и ѣсть будемъ.

— Отчего же нынѣ едиными «устаами» запоеете?

Гіезій скосилъ глаза на старца и, закрывъ ладонью ротъ, сталъ шептать мнѣ на ухо:

— Государь черезъ мостъ пѣшодъ пойдетъ...

— Ну!

— Только вѣдь до середины рѣки идти будетъ прямо.

— Ну, и что же такое? Что же дальше?

— А тутъ, гдѣ крещенная струя отъ Владиміра князя пошла, онъ тутъ станеть.

— Такъ что же изъ этого?

— Тутъ онъ свое исповѣданіе объявить.

— Какое исповѣданіе? Развѣ неизвѣстно его исповѣданіе?

— Да, то извѣстное-то извѣстно, а намъ онъ покажетъ истинное.

Я и теперъ еще ничего въявь не понялъ, но чувствовалъ уже, что въ нихъ дѣдушкою внушены какія-то чрезвычайныя надежды, которымъ, очевидно, никакъ невозможно сбыться. И все это сейчасъ же, или даже сію минуту придетъ къ концу, потому что въ это самое мгновеніе открытіе началось.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

По мосту между шпалерами пѣхоты тронулась артиллерія. Пушки, отчищенныя съ неумолимою тщательностью, которою отличалось тогдашнее время, такъ ярко блестя на солнцѣ, что надо было зажмуриться; потомъ двигалось еще что-то (теперь хорошенько не помню), и, наконецъ, вдругъ выдался просторный интервалъ, и въ немъ на свободномъ просвѣтѣ показалась довольно большая и блестящая группа. Здѣсь все были лица, въ изобиліи украшенныя крестами и лентами, и впереди всѣхъ ихъ шелъ самъ императоръ Николай. По его специально военной походкѣ его можно было узнать очень издали: голова прямо, грудь впередъ, шагъ маршевой, крупный и съ наддачею, лѣвая рука пригнута и держитъ пальцемъ за пуговицей мундира, а правая или указываетъ что-нибудь повелительнымъ жестомъ, или тихо, мѣрнымъ движеніемъ обозначаетъ тактъ, соотвѣтственно шагу ноги.

И теперъ государь шелъ этою же самою своею отчетливою военною походкою, мѣрно, но такъ скоро подаваясь впередъ, что многіе изъ слѣдовавшихъ за нимъ въ свитѣ едва

поси́вали за нимъ въ-притруску. Когда старенькій генераль съ опереніемъ на головѣ бѣжить, и опереніе это прыгаетъ, выходитъ забавно: точно какъ будто его кто встряхиваетъ и изъ него что-то сыплется.

Шествіе направлялось отъ городского гористаго берега кіевскаго къ пологому черниговскому, гдѣ тогда тотчасъ же у окончанія моста были «виньёлевскія постройки»: дома, службы и проч. Гораздо далѣе была слободка, а потомъ извѣстный «броварской лѣсъ», который тогда еще не былъ вырубленъ и разворованъ, а въ немъ еще охотились на кабановъ и на козъ.

Въ свитѣ государя издали можно было узнать только старика Виньеля и одного его, необыкновенно красиваго, сына, и то потому, что оба они были въ своихъ яркихъ англійскихъ мундирахъ.

Разумѣется, взоры всѣхъ устремились на эту группу: всѣ слѣдили за государемъ, какъ онъ перейдетъ мостъ и куда потомъ направится. Думали: «не зайдетъ ли къ англичанамъ *спасибо* сказать», но вышло не такъ, какъ думали и гадали всѣ, а такъ, какъ открыто было благочестивому старцу Малахіи.

Да, какъ разъ на самой серединѣ моста государь вдругъ остановился, и это моментально отозвалось въ нашемъ пунктѣ разнообразными, но сильными отраженіями: во-первыхъ, Гіезій, совсѣмъ позабывъ себя, громко воскликнулъ: «сбывается!» а во-вторыхъ, всѣхъ насъ всколебало чѣмъ-то въ родѣ землетрясенія; такъ сильно встряхнуло кирпичи, на которыхъ мы стояли, что мы поневолѣ схватились другъ за друга. Пожелавъ найти этому объясненіе, я оглянулся и увидалъ, что это палъ на колѣни старецъ Малафей Пимычъ...

Съ этой поры я уже не зналъ, куда глядѣть, гдѣ ловить болѣе замѣчательное—тамъ ли, на обширномъ мосту, или тутъ у насъ, на сорномъ задворкѣ. Взоръ и вниманіе поневолѣ двоялись и рвались то туда, то сюда.

Между тѣмъ государь, остановясь «противъ крещебной струи», которую старецъ проводилъ по самой серединѣ Днѣпра, повернулся на минуту лицомъ къ городу, а потомъ взялъ правое плечо впередъ и пошелъ съ середины моста къ периламъ верхней стороны. Тутъ у насъ опять произошло свое дѣйство; Малахіа крикнулъ:

— Гляди!

А Гіезій подхватилъ:

— Видимъ, дѣдушка, видимъ!

Государь пошелъ съ середины влѣво, то-есть къ той сторонѣ, откуда идетъ Дибиръ и гдѣ волны его встрѣчаютъ упоръ ледорѣзовъ, т. е. со стороны Подола. Вѣроятно, онъ захотѣлъ здѣсь взглянуть на то, какъ выведены эти ледорѣзы и въ какомъ отношеніи находятся они къ главному теченію воды.

Государя, въ этомъ отклоненіи отъ прямого хода къ периламъ моста, сопровождалъ Виннѣль и еще кто-то, одинъ или два человѣка, изъ свиты. Теперь я этого въ точности вспомнить не могу и о-сю пору изумляюсь, какъ я еще могъ тогда наблюдать, что происходило и тутъ, и тамъ. Впрочемъ, съ того мгновенія, какъ государь остановился на серединѣ моста «противъ крещебной струи»,—тамъ я видѣлъ очень мало. Помню только одинъ моментъ, какъ публика, стоявшая за войсками у перилъ, увидя подходившаго государя, смѣшалась и жалась вмѣсто того, чтобы разступиться и открыть видъ на воду. Государь подошелъ и самъ собственной рукою раздвинулъ двухъ человѣкъ, какъ бы приклеившихся къ периламъ.

Эти два человѣка оба были мои знакомые, очень скромные дворяне, но съ этого событія они вдругъ получили всеобщій интересъ, такъ какъ по городу пролетѣла вѣсть, что государь ихъ не только тронулъ рукою, но и что-то сказалъ имъ. Объ этомъ будетъ ниже. Съ того мгновенія, какъ государь отстранилъ двухъ оторопѣвшихъ дворянъ и сталъ лицомъ къ открытой рѣкѣ, вниманіе мое уже не разрывалось на-двое, а все было охвачено Пимычемъ.

Первое, что отылекло меня отъ торжественной сцены на мосту—было паденіе внизъ какого-то черного предмета. Точно будто черный Фаустовъ пудель вырвался изъ-подъ кирпичей, на которыхъ мы стояли, и быстро запрыгалъ огромными скачками книзу.

Если это былъ звѣрь, то онъ, очевидно, кого-то преслѣдовалъ или отъ кого-то удиралъ. Разобрать этого я не могъ, такъ какъ черный предметъ скатился внизъ и совершенно неожиданно нырнулъ и исчезъ гдѣ-то подъ берегомъ. Но отрокъ Гіезій былъ глазастье меня и воскликнулъ:

— Ай, пропала дѣдушкина шляпа!

Я посмотрѣлъ на Пимыча и увидѣлъ, что онъ стоитъ на колѣняхъ и съ непокрытою головою. Онъ буквально былъ внѣ себя: «огонь горѣлъ въ его очахъ и шерсть на немъ щетиной зрилась». Правая рука его съ крѣпко стиснутымъ двуперстнымъ крестомъ была прямо поднята вверхъ надъ головою, и онъ кричалъ (да, не говоритъ, а во всю мочь громко *кричалъ*):

— Такъ, батюшка, такъ! Вотъ этакъ-вотъ, родненькій, совершай! Сложи, какъ надо, два пальчика! Дай всей землѣ одно небесное исповѣданіе.

И въ это время, какъ онъ кричалъ, горячія слезы обильными ручьями лились по его покрытымъ сѣдымъ мохомъ щекамъ и прятались въ бороду... Волненіе старца было такъ сильно, что онъ не выстоялъ на ногахъ, голосъ его оборвался, онъ занатался и рухнулъ на лицо свое и замеръ... Можно бы подумать, что онъ даже умеръ, но тому мѣшала его правая рука, которую онъ все-таки выправилъ, поднялъ кверху и все махалъ ею государю двуперстнымъ сложеніемъ... Бѣднякъ, очевидно, опасался, чтобы государь не ошибся, какъ надо показать «небесное исповѣданіе».

Я не могу передать, какъ это выходило трогательно!.. Во всю мою жизнь послѣ этого я не видалъ серьезнаго и сильнаго духомъ человѣка въ положеніи болѣе трагическомъ, восторженномъ и въ то же время жалкомъ.

Я былъ до глубины души потрясенъ душевнымъ напряженіемъ этого алкателя единыя вѣры и не могъ себя представить, какъ онъ выйдетъ изъ своего затрудненія. Одно спасеніе, думалось: государь отъ насъ такъ далеко, что нѣтъ возможности увидѣть, двумя или тремя перстами онъ перекрестится, и, стало-быть, дѣдушку Пимыча можно будетъ обмануть, можно будетъ пустить ему «ложь во спасеніе». Но я мелко и недостойно понималъ о высокомъ старцѣ: онъ такъ окинулъ прозорливымъ окомъ ума своего всю вселенную, что не могло быть никого, кто бы могъ обмануть его въ двѣ вѣры.

И вотъ наступилъ, наконецъ, мигъ, рѣшительный и жесточайшій мигъ.

Шествіе на мосту, вѣроятно, кончилось, вокругъ насъ почувствовалось какое-то нервное движеніе, люди какъ бы хотѣли перемѣнять мѣста и, наконецъ, зашумѣли: значитъ, кончено. Стали расходиться.

Гіезій позваў два раза: «дѣдушка! дѣдушка!»

У Пимыча шевельнулася спина, и онъ сталъ приподниматься. Гіезій подхватилъ его подъ руки.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Старець поднимался медленно и тяжело, какъ поднимается осенью коченѣющей шмель съ тѣмъ, чтобы переползти немножко и околѣть.

Гіезій изнемогалъ, вспирая старика вверхъ за оба локтя.

Я захотѣлъ ему помочь, и мы взялись одинъ за одну руку, а другой за другую и поставили старца на колеблющіяся ноги.

Онъ дрожалъ и имѣлъ видъ человѣка смертельно раненаго въ самое сердце. Ротъ у него былъ широко открытъ, глаза въ остолбенѣніи и съ тусклымъ остеклѣніемъ.

Столь недавній живой фанатическій блескъ ихъ исчезъ безъ слѣда.

Гіезій, если не понялъ, то почувствовалъ положеніе старца и съ робкимъ участіемъ сказалъ:

— Пойдемъ домой, дѣдушка!

Малахія не отвѣчалъ. Медленно, тяжелымъ, сердитымъ взглядомъ повелъ онъ по небу, вздохнулъ, словно послѣ сна, и остановилъ взоръ на Гіезіи.

Тотъ еще съ бѣльшимъ участіемъ произнесъ:

— Довольно, дѣдушка; нечего ждать, пойдемъ; государь уже познаменовался.

Но при этомъ словѣ старика всего словно прожгло, и онъ вдругъ отвердѣлъ и закричалъ:

— Врешь, анаема! Врешь, не знаменовался государь двумя персты. Вижу я, еще не въ постыженіи остаются отступники никоніаны. И за то, что ты солгалъ, Господь будетъ бить тебя по устамъ.

Съ этимъ онъ замахнулся и наотмашъ такъ сильно ударилъ Гіезію по лицу, что уста отрока въ то же мгновеніе оросились кровью.

Кто-то вздумалъ было за него заступиться и заговорилъ: «какъ это можно?»—но Гіезій попросилъ участливаго человѣка ихъ оставить.

— Мы свои,—сказалъ онъ:—это мой дѣдушка,—и началъ бережно сводить перестоявавшегося старца съ кирпича подъ руки.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Малахін было видѣніе, мечта, фантазія, назовите какъ хотите, что государь станетъ среди моста «лицомъ противъ крещебной струи» и передъ всѣми людьми перекрестится древнимъ двуерстіемъ.

А тогда, разумѣется, настанетъ для Малахіи и иже съ нимъ торжество, а митрополитамъ и епископамъ, и всему чину церковному со всѣми нечестивыми никоніанами—посрамленіе до черноты лицъ ихъ. А тѣхъ, кои не покорятся, «Господь рукою вѣрныхъ своихъ будетъ бить по устамъ», и всѣ они окровенятся, какъ Гіезій. «Старая вѣра побѣтъ новую». Вотъ чего желалъ и о чемъ, можетъ-быть, всю жизнь свою молился опасный немольякъ за власти.

Но не сбылося по его вѣрѣ и унованію и погибли вмигъ всѣ его радости. Старецъ былъ посрамленъ.

Я помню и никогда не забуду, какъ онъ шелъ. Это была грустная картина: тяжело и медленно передвигалъ онъ какъ будто не свои оstarѣлыя ноги по мягкой пыли Никольской улицы. Руки его были опущены и растопырены; смотрѣлъ онъ безпомощно и даже повиновался Гіезію, который одною рукою обтиралъ кровь на своемъ лицѣ, а другою подвигалъ старца ладонью въ спину и, плача о немъ, умолялъ:

— Иди же, мой дѣдушка, Христа ради, иди... Ты безъ шляпы... на тебя всѣ смѣяться будутъ.

Старецъ понялъ это слово и прохрипѣлъ:

— Пусть смѣются.

Это было послѣдній разъ, что я видѣлъ Малахію, но зато онъ удостоилъ меня вспомнить. На другой день, по отъѣздѣ государя изъ Кіева, старецъ присылалъ ко мнѣ своего отрока съ просьбою сходить «къ боярамъ» и узнать: «чтѣ царь двумъ господіямъ на мосту молвилъ, конхъ своими руками развелъ».

— Дѣдушка, — говорилъ Гіезій: — сомнѣваются насчетъ того: кія словеса рекъ государь. Нѣтъ ли чего отъ насъ утаеннаго?

Я могъ послать старцу отвѣтъ самый полный, безъ всякаго утаенія. Два господина, остолбенѣвшіе у перилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ захотѣлъ взглянуть на Днѣпръ императоръ Николай Павловичъ, какъ я сказалъ, были мнѣ извѣстны. Это были звенигородскіе помѣщики, братья Про-

топоповы. Они мпѣ даже приходились въ отдаленномъ свойствѣ по теткѣ Натальѣ Ивановнѣ Азферьевой, которая была замужемъ за Михаиломъ Протопоповымъ. А потому мы въ тотъ же день узнали, что такое сказалъ имъ государь. Онъ отстранилъ ихъ рукою и проговорилъ только два слова:

— Пошли прочь!

Впрочемъ, и въ кружкѣ знакомыхъ всѣ интересовались, что было сказано, и вечеромъ въ этотъ день въ квартирѣ Протопоповыхъ на Бульварѣ перебивало множество знакомыхъ, и всѣ приступали къ виновнику событія съ разспросами.

— Правда ли, что съ вами государь разговаривалъ?

— Да-съ, разговаривалъ,—отвѣчалъ Протопоповъ.

— А о чемъ разговоръ былъ?

Протопоповъ съ удивительною терпѣливостію и точностію начиналъ излагать все по порядку: гдѣ они стояли и какъ государь къ нимъ подошелъ, «раздвинулъ» ихъ и сказалъ: «пошли прочь».

— Ну, и вы отошли?

— Какъ же,—сію же минуту отошли.

Всѣ находили, что братья поступили именно такъ, какъ слѣдовало, и съ этимъ, конечно, всякій долженъ согласиться, но ни къ старой, ни къ новой вѣрѣ это нимало не относилось, и чтобы не дать повода къ какимъ-нибудь толкованіямъ, я просто сказалъ Гіезію, что государь съ «госнодіями» ничего не говорилъ.

Гіезій вздохнулъ и молвилъ:

— Плохо наше дѣло.

— Чѣмъ и отчего плохо?—полюбопытствовалъ я.

— Да, видите... дѣлушкѣ и всѣмъ намъ ужъ очень хочется троцарь пѣть, а невозможно!..

Среди безчисленныхъ и пошлыхъ клеветъ, которымъ я одновременно подвергался въ литературѣ за мою неспособность и нехотѣніе рабствовать презрѣнному и отвратительному деспотизму партій, меня сурово укоряли также за то, что я не раздѣлялъ неосновательныхъ мнѣній Афанасія Прокофьевича Щапова, который ѓ-ту пору прослылъ въ Петербургѣ историкомъ и, вращаясь среди неповинныхъ въ знаніяхъ церковной исторіи литераторовъ, вѣщалъ о *политическихъ* задачахъ, которыя скрытно содержитъ будто

наль русскій расколъ. Шаповъ стоялъ горой за то, что расколъ имѣеть политическія задачи, и благоуспѣшно увѣрилъ въ этомъ Герцена, который потомъ уже не умѣлъ разобратъ представившихся ему Ив. Ив. Шебаева и бывшего старовѣрскаго архіерея, умнаго и очень ловкаго человѣка, Пафнутія. Я тогда напечаталъ письмо о «людяхъ древняго благочестія», гдѣ старался снять съ несчастныхъ старовѣровъ вредный и глупый поклепъ на нихъ въ революціонерствѣ. Меня за это ужасно порицали. Писали, что я дѣла не знаю и умышленно его извращаю. — что меня растлило въ этомъ отношеніи вредное вліяніе Павла Ив. Мельникова (Печерскаго), что я даже просто «подкупленъ правительствомъ». Дошло до того, что петербургскому профессору Ив. О. Нильскому печатно поставили въ непростительную вину: какъ онъ смѣлъ гдѣ-то сослаться на мои наблюденія надъ нравами раскола и давать словамъ моимъ вѣру... А — увы и ахъ — вышло, что я правду говорилъ: раскольникамъ до политики дѣла нѣтъ и «тропарь» они не поютъ не за политку, которую хотѣли навязать имъ представители «крайней лѣвой фракціи». Г-нъ Нильскій давалъ писателямъ «лѣвой фракціи» отвѣды, гдѣ говорили что-то въ пользу моихъ наблюденій. Въ самомъ же дѣлѣ, хороши они или дурны, но они есть *наблюденія* того, что существовало и было, а не выдумка, не тенденціозное фантазерство фракціонистовъ, которымъ чуть не удалось оклеветать добрыхъ и спокойныхъ людей. Твердое и неизмѣнное убѣжденіе, что русскій расколъ не имѣеть противоправительственныхъ «политическихъ» идей, получено мною не изъ книгъ и даже не отъ Павла Ив. Мельникова (знанія котораго я, конечно, высоко цѣню), а я пришелъ къ этому убѣжденію прямо путемъ личныхъ наблюденій, которымъ вѣрю болѣе, чѣмъ тенденціознымъ натяжкамъ Шапова и всякимъ инымъ ухищреніямъ теоретиковъ «крайней лѣвой фракціи», которые нынѣ «предложились въ сердцахъ своихъ» и заскакали на правый флангъ крайнѣе самаго правофланговаго...

Вѣрю имъ нынче столько же, сколько вѣрилъ тогда...

Во всякомъ случаѣ то, что я рассказалъ здѣсь о старцѣ Малахінѣ, было для меня едва ли не первымъ урокомъ въ изученіи характера не сочиненнаго, а живого раскольника. Я не могу, да и не обязанъ забыть, какъ этому суровому

«немоляку за имя царево» хотѣлось «погнѣти трошаря», и вся остановка была только за тѣмъ, чтобы императоръ «двумя персты» перекрестился. А тогда бы они позанечатлѣли всѣхъ не-раскольниковъ въ томъ самомъ родѣ, какъ старецъ запечатлѣлъ Гезьку, и горячѣе всѣхъ, пожалуй, приложили бы свои благочестивыя руки къ «крайней лѣвой фракціи».

Вотъ и вся раскольникья политика. А между тѣмъ было время, когда требовалось имѣть не малую отвагу, чтобы рѣшиться дать приютъ въ домѣ такому опасному сектанту, какъ старецъ Малахія... И это смѣшное и слѣпое время было не очень давно, а между тѣмъ оно уже такъ хорошо позабыто, что теперь «крайняя правая фракція» дружится, чтобы Волга-магушка вспять побѣжала, а они бы могли начать лгать сначала. Раки, которые «перешепчутся», приходятъ въ «пустотѣль», а люди, которые хотятъ пятиться, какъ раки, придутъ къ пустомыслию.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Отрока Гезія я видѣлъ еще одинъ разъ въ жизни. Это было много лѣтъ спустя въ Курскѣ, вскорѣ послѣ постройки кievской желѣзной дороги.

Я ѣхалъ въ Кіевъ повидаться съ родными. Поѣзда ходили тогда еще не совсѣмъ аккуратно, и въ Курскѣ приходилась довольно долгая остановка. Я когда-то ѣзжалъ изъ Орла въ Курскъ, и теперь мнѣ хотѣлось посмотрѣть на этотъ городъ, гдѣ сидятъ «мой-то-те куряне, вѣдомые кмети», которые до того доцивилизовались, что потеряли цѣлую рощу.

Я прошелъ черезъ вокзалъ, чтобы съ задняго крыльца посмотрѣть на соборъ и на прочее, что можно разглядѣть отсюда.

Дѣло было утромъ, погода прекрасная. Курскъ въ такомъ раннемъ освѣщеніи очень весело смотреть съ своихъ горокъ, изъ-за своей сонной Тускарн. Онъ напоминаетъ собою Кіевъ, разумеется въ миниатюрѣ и en laid. Но только теперь, въ ту минуту, когда я хотѣлъ любоваться, весь видъ или, лучше сказать, все поле зрѣнія застлалось какими-то, во множествѣ летающими и безъ толку мечущимися въ воздухѣ безголовыми птичками... Престранное видѣніе въ іезекілевскомъ жанрѣ: на одной какой-то точкѣ

бьютъ фонтаномъ и носятся какими-то незаконченными, трепетными взмахами въ воздухѣ одни крылья; они описываютъ какіе-то незаконченные круги и зигзаги, и вдругъ падаютъ, упадутъ, встрепенутся, и опять взлетятъ снова, и опять посерединѣ подъема ослабѣютъ и снова упадутъ въ пыль...

Это что-то какъ будто апокалипсическое.

Въ довершеніе сходства характера, тутъ были и «жены»; онѣ подбираютъ обезглавленныхъ птишекъ и суютъ ихъ себѣ куда-то въ пѣдра или, по-просту говоря, за пазухи. Тамъ тепло.

Заинтересовало меня: что это такое?

Вотъ съ одной, пронесшейся надъ моею головою безголовой птички что-то капнуло... Тяжелое... точно она на меня зерно гороху уронила, и притомъ попало это мнѣ прямо на руку...

Это была кровь и притомъ совершенно свѣжая, даже теплая.

Что за странность?

Оглядываюсь — на противоположной сторонѣ площадки, такъ же какъ и я, глазѣютъ на безголовыхъ летуновъ чело­вѣкъ шесть городскихъ извозчиковъ и нѣсколько ребятшекъ...

Вотъ одна безголовая птишка со всего размаха цепнулась о желѣзную крышу какой-то надворной постройки.

Летѣла — казалось птичка, а упала — словно стаяла.

Остаюсь только самое маленькое пятнышко, которое надо было съ усиліемъ не потерять изъ глазъ, — до того стало оно ничтожно.

Зато теперь можно было рассмотреть, что это такое.

Я опустилъ руку въ дорожную сумку, гдѣ у меня былъ маленькій бинокль, и только-что сталъ наводить его на крышу, какъ кто-то сбрызнулъ рукавомъ закрылъ мнѣ «поле зрѣнія».

У меня въ Курскѣ не могло быть знакомыхъ, которые бы имѣли право допустить такую короткую фамиллярность, но прежде чѣмъ я успѣлъ отнять отъ глазъ бинокль, сбрызнулъ завѣса уже сваялась, и я увидалъ ворону, которая уносила въ клювъ обезглавленную птичку.

Послышался хохотъ, свистъ; въ ворону съ добычею, безъ вреда для нихъ, полетѣли щены и палки, и потомъ опять пошелъ фонтаномъ взлетъ обезглавленныхъ птишекъ.

Я захотѣлъ видѣть источникъ этого необычайнаго явленія, и оно объяснилось: тутъ же за угломъ стояла низкая крестьянская телѣга, запряженная заморенною лохматою лошадею. Лошадь ѣла сѣнцо, которое было привязано къ запрягу ея оглобли; а на телѣгѣ стоялъ большой лубочный коробъ, по верху котораго зашнурована нитяная сѣтка. Надъ коробомъ, окорячивъ его ногами, упертыми въ телѣжныя грядки, сидѣлъ рослый поваръ въ бѣлыхъ панталонахъ, въ бѣлой курткѣ и въ бѣломъ колпакѣ, а передъ нимъ на землѣ стоялъ, среднихъ лѣтъ, торговый крестьянинъ и держалъ въ рукахъ большое рѣшето, въ которое поваръ что-то сбрасывалъ, точно какъ будто орѣшки.

Прежде опустить руку въ коробъ, потомъ вынуть ее точно чѣмъ-то обросшую, встряхнуть ею и сей же моментъ всюду по воздуху полетятъ безголовыя птички; а онъ сброситъ въ рѣшето горсточку орѣшковъ. И все такъ далѣе.

Спросилъ, что это дѣлаютъ, и получилъ короткое объясненіе:

— Перешелокъ рвутъ.

— Какъ,—говорю,—странно.

— Отчего странно?—отвѣчаетъ продавецъ:—это у насъ всегда такъ. Они теперь жирныя; какъ заберешь ихъ въ руку, между пальчиками по головешкѣ, и встряхнешь, у нихъ сейчасъ всѣ шейки мылымъ дѣломъ и оборвутся. Полетаетъ безъ головки—изъ нее кровочка скаплетъ, и скусъ тоньше. А по головешкамъ, кои въ рѣшетѣ сбросаны, считать очень способно. Сколько головешекъ, за столько штукъ и плата.

«Ахъ, вы,—думаю,—«вѣдомые кмети»! Съ такимъ ли способнымъ народомъ не спрятать безъ слѣдовъ монастырскую рощу!»

Но мнѣ интереснѣе всего былъ самъ продавецъ, ибо—коротко сказать—это былъ не кто иной, какъ оный давній отрокъ Гіезій. Онъ обородатѣлъ и постарѣлъ, но видъ имѣлъ очень болѣзненный.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Какъ только я назвалъ себя, Гіезій узналъ меня сразу и подавъ свою уваленную пичьимъ пухомъ руку. А между тѣмъ и перепелиная каша была кончена; поваръ соскочилъ на землю и пошелъ къ бочкѣ съ водою мыть руки, а мы

съ старымъ знакомцемъ отправились пить чай. Съли уютненько, рѣшето съ птичьими головками подъ столъ спрятали и разговорились.

Гезіі сообщилъ мнѣ, что онъ давно отбылъ годы обѣтованнаго отрочества и уже «живетъ со второю хозяйкою», т. е. женатъ на второй женѣ, имѣетъ дѣтей, а живетъ промысломъ — торгуетъ то косами и серпами, то пенькою и шпеномъ, иногда же, между дѣломъ, и живностію.

Спрашиваю: «счастливо ли живете?»

— Ничего бы, — отвѣчаетъ, — если бы не ракъ.

— Какой ракъ?

— А какъ же, — говоритъ, — вѣдь у меня ракъ въ желудкѣ; я скоро умру.

— Да почему вы знаете, что у васъ ракъ?

— Много докторовъ видѣли, — всѣ одно сказали: ракъ. Да я и самъ вижу. Почти никакой пищи принять не могу, отъ всего извергаетъ.

— Чѣмъ же вы лѣчитесь?

— Прежде лѣчился, а нынѣ бросилъ, одинъ морковный сокъ натошакъ нью. Все равно, пользы никакой быть не можетъ.

— Отчего вы такъ печально думаете?

— Помилуйте, развѣ я дитя, что не понимаю. Тридцать вѣдь, сударь, лѣтъ и три года этакое тиранство я соблюдалъ при дѣдушкѣ Малахін! Вѣдь это вспомнать страшно становится. Онъ говѣлъ въ лѣтѣхъ своихъ замоторѣлыхъ, а я одно и такое же мученіе съ нимъ претерпѣвалъ въ цвѣтущей моей младости.

— И кромѣ того онъ васъ, помнится, очень билъ.

— Да, разумѣется, «началилъ», да это ничего, безъ того и невозможно. А вотъ голодъ — это ужасно. Бывало, въ госпожинѣ постъ и оскребки изъ деревянной чашки всѣ со щепой переѣшь и, что въ землѣ случаемъ ногами втоптано, вездѣ выковыряешь, да проглотишь, а теперь вотъ черезъ это старовѣрское злое безуміе и умирай безъ времени, а дѣтей пусти по-міру.

— Вы, — говорю, — постъ называете безуміемъ?

— Да-съ. А что такое? Впрочемъ, не осудите, съ досады иной разъ, какъ о ребятишкахъ вздумаешь, очень что-нибудь скажешь. Дѣтей жалко.

— А какъ теперь ваши религіозныя убѣжденія?

Онъ махнулъ рукою.

— Тропарь по старому не поете?

Гіезій улыкнулся и отвѣчалъ:

— Что вспомнили!—нѣтъ да уже и позабылъ.

— Какъ позабыли?

— Ну, Господи мой, вѣдь я же вамъ говорю, какая у меня страшная боль въ животѣ. Ракъ! Я теперь даже не токмо что среду или пятокъ, а даже и великіи постъ не могу никакой говѣиности соблюдать, потому меня отъ всего постнаго сейчасъ вытоннить. Сплошь теперь, какъ молотокъ, мясное и зачищаю, точно баринъ. При вѣрной церкви уже это нельзя, я и примазался...

— Къ единовѣрческой?

— Нѣтъ, чего! Тамъ тоже еще есть жизни правила, я къ простой, къ греко-россійской.

— Значить, даже тремя перстами креститесь?

— Все равно. Да и какое уже больному челоуѣку крещеніе. Почитай и о молитвѣ забылъ. Только бы пожить для ребятъ хочется. Для того и присталъ къ церковной вѣрѣ, что можно жить слабже.

— А прочіе ваши собратія?

— Они тогда, какъ въ Кіевѣ дѣдушку схоронили, сейчасъ съ сосѣдями тропарь пѣть замотался, да такъ на тропарѣ и повисли. Правится имъ, чтобъ «побѣды и одолѣнія», да и отчего не пѣть?—заключилъ онъ:—если у кого силы живота постоянныя, то вѣдь можно какъ угодно вѣрить; но съ такимъ желудкомъ, какъ мой, какая ужъ тутъ вѣра! Тутъ одно искушеніе!

Съ тѣмъ мы и разстались.

Обѣтованный отрокъ, не читая энциклопедистовъ и другихъ проклятыхъ писателей, своимъ умомъ дошелъ до теоріи Дидро и поставилъ вѣру въ зависимость отъ физиологін.

Епископъ Амвросій Ключаревъ въ своихъ публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ Москвѣ, напрасно порѣшили, что писателямъ «лучше бы не родиться». Тотъ, Кто призвалъ всякую тварь къ жизни, конечно, лучше почтеннаго архипастыря зналъ, кому лучше родиться, а кому не родиться, но случай съ Гіезіемъ не показываетъ ли, что простого челоуѣка иногда удаляютъ отъ вѣры не писатели, которыхъ простой народъ еще не знаетъ и не читаетъ, а тѣ, кто «возлагаетъ на челоуѣки бремена тяжкія и неудобносімыя».

Но мы смиренно вѣримъ, что въ большомъ хозяйствѣ Владыки вселенной даже и этотъ ассортиментъ людей пока еще на что-то нуженъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Теперь еще хочется упомянуть объ одномъ кievскомъ событіи, которое прекрасно и трогательно само по себѣ и въ которомъ вырисовалась одна странная личность съ очень сложнымъ характеромъ. Я хочу сказать о священникѣ Евфиміи Ботвиновскомъ, котораго всѣ въ Кіевѣ знали просто подъ именемъ «попа Ефима», или даже «Юхвима».

Усопшій епископъ рижскій Филаретъ Филаретовъ, въ бытность его ректоромъ духовной академіи въ Кіевѣ, 28 декабря 1873 г. писалъ мнѣ: «спрашиваете о Евфимѣ,— Евфимъ, другъ нашъ, умре 19 сентября. Оставилъ семейство изъ шести душъ, трехъ женскихъ и трехъ мужескихъ. Но, видно, Евфимъ при слабостяхъ своихъ имѣлъ въ себѣ много добраго. При его погребеніи было большое стеченіе народа, провожавшаго его *съ большимъ плачемъ*. Дѣти остались на чужомъ дворѣ, безъ гроша и безъ куска хлѣба; но добрыми людьми они обезпечены теперь такъ, что едва ли бы и при отцѣ могли имѣть то, что устроила для нихъ попечительность людская».

Съ тѣхъ поръ, когда мнѣ случалось быть въ Кіевѣ, я никогда и ни отъ кого не могъ получить никакихъ извѣстій о дѣтяхъ отца Евфима; но, что всего страннѣе, и о немъ самомъ память какъ будто совершенно исчезла, а если начнешь усиленно будить ее, то услышишь развѣ только что-то о его «слабостяхъ». Въ письмѣ своемъ пр. Филаретъ говоритъ: «не дивитесь сему — банковое направленіе все зашло. Въ Кіевѣ ничѣмъ не интересуются, кромѣ *картъ и денегъ*».

Не знаю, совершенно ли это такъ, но думается, что довольно близко къ истинѣ.

Чтобы не вызывать недомолвками ложныхъ толкованій, лучше сказать, что «слабости» о. Евфима составляли просто *кутежи*, которые тогда были въ большой модѣ въ Кіевѣ. Отецъ Евфимъ оказался большимъ консерваторомъ и переносилъ эту моду немножко дольше, чѣмъ было можно. Отецъ Евфимъ любилъ хорошее вино, компанію и охоту. Онъ былъ лучшей бильярдный игрокъ *послѣ Курдюмова* и отлично

стрѣлять; притомъ онъ, по слабости своего характера, не могъ воздержаться отъ удовольствія поохотиться, когда попадалъ въ кругъ друзей изъ дворянъ. Тутъ о. Евфимъ переодѣвался въ егерскій костюмъ, хорошо приспособленный къ тому, чтобы сирятать его «гриву», и «полевалъ» по преимуществу съ гончими. Права Юхвимаъ былъ веселаго, даже дѣтски шаловливаго и увлекающагося до крайностей, иногда непозволительныхъ; но это былъ такой человѣкъ, какихъ родится немного и которыхъ грѣшно и стыдно забывать въ одно десятилѣтїе.

Какое Юхвимаъ былъ какъ священникъ, — этого я разбираться не стану, да и думаю, что это извѣстно одному Богу, Которому служилъ онъ, какъ могъ и какъ умѣлъ. Вышнимъ образомъ священнодѣйствовать Юхвимаъ былъ большой мастеръ, но «лѣновать», и потому служилъ рѣдко — больше содержалъ у себя для служенія какихъ-то «приблудныхъ батюшекъ», которые всегда проживали у него же въ домѣ. Отецъ Юхвимаъ прекрасно читалъ и иногда, читая величественные каноны, неудержимо плакалъ, а потомъ самъ надъ собою шутилъ, говоря:

— Стѣлько я, ледачій пѣпъ, нагрѣшивъ, що Богъ вже змиловався надо мною и давъ мені слезы, що-бъ плакати дѣл монхъ горько. Не можу служити, не плачучи.

Разберите и разсудите хоть по этому, что это былъ за человѣкъ *по отношенію къ вѣрѣ*? По моему мнѣнію, онъ былъ человѣкъ богопочтительный, но его кичучая, художественная и общительная натура, при умѣ живомъ, но крайне легкомъ и не серьезномъ, постоянно увлекала его то туда, то сюда, такъ что онъ могъ бы и совершенно извертѣться, если бы не было одного магнита, который направлялъ его блужданія къ опредѣленной точкѣ. Магнитомъ этимъ, дѣйствовавшимъ на Юхвима съ страшною всеодолювательною *органическою* силою, была его громадная, прирожденная *любовь къ добру и состраданію*.

Когда я зазналъ отца Евфима, онъ былъ очень юнымъ священникомъ маленькой деревянной церковки Іоанна Златоуста противъ нынѣшней старокіевской части. Приходъ у него былъ самый бѣдливѣйшій, и отцу Евфиму совершенно нечѣмъ было бы питаться, если бы семья его Господь не послалъ «врана».

Этотъ «питающій вранъ» былъ *разумившійся враномъ*

дьячокъ Константинъ, или Котинъ, длинный, худой, съ сломаннымъ и согнутымъ на сторону носомъ, за что и прозывался «Ломоносовымъ».

Онъ самъ о себѣ говаривалъ:

— Я вже часто не здужаю, бо ставъ старый; але що маю подіяти, якъ робити треба.

«Треба» была именно потому, что Ломоносовъ имѣлъ «на своемъ воспитаніи» молодую, но быстро нараставшую семью своего молодого и совершенно беззаботнаго священника.

Дьячокъ Котинъ служилъ при его отцѣ, Егорѣ Ботвинковскомъ, зналъ Евфима дитятею, а потомъ студентомъ академіи, и теперь, види его крайнюю безпечность обо всѣхъ домашнихъ нуждахъ, принялъ домъ священника «на свое воспитаніе».

Трудъ Ломоносова состоялъ въ томъ, что все лѣтнее время, пока Кіевъ посѣщается богомольцами или, по произношенію Котина, «богомудами», онъ вставалъ до зари, садился у церковной оградочки съ деревяннымъ ящичкомъ, съ прорѣзкою въ крышкѣ, и «стеречь богомудовъ».

Дѣло это очень заботное и требовало не малой сообразительности и остроты разума, а также смѣлости и такта, ибо, собственно говоря, Ломоносовъ «воспитывалъ семейство» на счетъ другихъ приходовъ и преимущественно на счетъ духовенства церковей Десятинной, Андреевской и всѣхъ вкупѣ святынь Подола.

Константинъ отпиралъ церковь, зажигалъ лампадочку и садился у дверей на маленькой скамеечкѣ; передъ собою онъ ставилъ мѣдную чашку съ водою и крошило, рядомъ ящичекъ или «карнавку», а въ руки бралъ шерстяной пагленокъ. Онъ занимался надвизываніемъ чулокъ.

— Бо духовному лицу треба бути въ трудѣхъ бденныхъ.

Какъ большинство обстоятельныхъ и сильно озабоченныхъ людей, Котинъ былъ порядочный резонеръ и уважалъ декорумъ и благопристойность.

«Богомудъ» (въ собирательномъ смыслѣ) идетъ по Кіеву опредѣленнымъ путемъ, какъ сельдь у береговъ Шотландіи, такъ что прежде «напоклоняется усімъ святымъ печерскимъ, потімъ того до Варвары, а потімъ Макарію софійскому, а потімъ вже геть просто *мимо Ивана* до Андрея и Десятинного и на Подоль».

Маршрутъ этотъ освященъ вѣками и до такой степени

традиціонеръ, что его никто и не думалъ бы измѣнять. Церковь Іоанна Златоуста, или, въ просторѣчїи, кратко «*Иванъ*», была все равно, что пунктъ водораздѣла, откуда «богомудъ» принимаетъ наклонное направленіе, «*мимо Івана*».

Къ «*Ивану*» заходить было не принято, потому что Иванъ самъ по себѣ ничѣмъ не блестялъ, хотя и отворялъ радушно свои двери съ самыхъ снозаранокъ. Но нужда, изоцряющая таланты, сдѣлала умъ Котина столь острымъ, что онъ изъ этого мимоходнаго положенія своего храма извлекалъ сугубую выгоду. Онъ сидѣлъ здѣсь на водораздѣлѣ теченія и «перелавливалъ богомудовъ», такъ что они не могли попадать къ святынямъ Десятинной и Подола, пока Котинъ ихъ «трохи не вытрусить». Дѣлалъ онъ это съ превеликою простотою, тактомъ и съ такою отвагою, которую даже самъ хвалился:

— Тиі богомуды, що у лавру до святихъ поприходили,— говорилъ онъ: — тихъ я до себе затягти не можу, не про те, що мій храмъ такіи малесенькій, а про те, що лавра на такімъ пути, що її скрізь видно. Одъ нихъ вже нехай лаврикєві торгують. А що до подольскихъ, або до Десятинного, то сїи вже нехай собі пальци поссуть, якъ я имъ дамъ що уторгувати и необібранихъ богомудівъ спущу имъ.

Онъ «обиралъ» богомудовъ вотъ какимъ образомъ: имѣя подлѣ себя «карнавку», Котинъ, чуть завидитъ или слышитъ двигающихся тяжелыми ногами «богомудовъ», начиналъ «трясти грошъ» въ ящичкѣ и приговаривать:

— Богомули! богомули! Куды це вы? Жертвуйте, жертвуйте до церковці Івана Золотоустого!

И чуть мужички приостанавливались, чтобы достать и положить по грошу, Котинъ вдругъ опутывалъ ихъ ласкою. То онъ спрашивалъ: «звіткїля се вы?», то «якъ у васъ сей годъ житечко зародило?», то предложитъ иному «ужитъ табакї», т. е. понюхать изъ его тавлинки, а затѣмъ и прямо звалъ въ церковь.

— Идїть-же, идїть до храму святого... усходьте... я вамъ одну таку святиньку покажу, що нїде її не побачите.

Мужички просились:

— Мы, выбачайте, на Подоль їдемо, та до князя Владимїра.

Но Котинъ уже не выпускалъ «богомудла».

— Ну, та що тамъ таке у святого Владимира?—начиналъ онъ съ неодолимою смѣлостію ученаго критика.—Богъ зна, чи що тамъ есть, чи чого нема. Вінъ собі бувъ ничего, добрый князь; але, якъ усі чоловіки, мавъ жінку, да ще не одну. Заходьте до мене, я вамъ свячену штучку покажу, що святить той митрополитъ Евгеній, що підъ софійскимъ підъ поломъ лежить... Евгеній, то, бачите, бувъ еній (Котинъ почему-то не говорилъ *геній*).

А во время такого убѣдительнаго разговора онъ уже волокъ мужика или бабу, которая ему казалась вліятельнае прочихъ въ группѣ, за руку и вводилъ всѣхъ въ церковь и подводилъ ихъ къ столу, гдѣ оная была другая чаша съ водою, крестъ, кропило и блюдо, а самъ шелъ въ алтарь и выносилъ оттуда старенькій парчевый воздухъ и начиналъ всѣхъ обильно кропить водою и стирать этимъ перепачканнымъ воздухомъ, приговаривая:

— Боже благослови, Боже благослови!.. Умыхся еси, отерся еси... Вотъ такъ: умыхся и отерся... И сей умыхся... Якъ тебя звать?

«Богомуль» отвѣчаетъ: «Петро» или «Михалъ».

— Ну, вотъ и добре, — и Петро умыхся, отерся... То нашъ еній Евгеній сей воздухъ святить... цілуйте его, христіяне, собі на здоровье... души во спасеніе... во очищеніе очесъ... костей укрѣпленіе...

И потомъ вдругъ приглашалъ прилечь отдохнуть на травкѣ около церкви, или же идти «впрость — до батюшки, до господы», т. е. на дворъ къ отцу Евфиму, который былъ тутъ же рядомъ.

Котину почти ежедневно удавалось заманить нѣсколькихъ «богомудовъ» на батюшкинъ дворъ, гдѣ имъ давали огурцовъ, квасу и хлѣба и мѣсто подъ сараемъ, а они «жертвовали» кто что можетъ.

Выходило это такъ, что и «богомудамъ» было безобидно, и «дома» хозяину выгодно. Каждый день былъ «свѣжій грошъ», а на другое утро «богомуды шли опустошени», и Котинъ ихъ самъ напугивалъ:

— Идѣть теперички, христіяне, куди собі хочете, — хоть и до святого Владимира.

Перехожая пошлаина съ нихъ у Ивана была уже взята.

Таковъ былъ простодушный, но усердный печальникъ о ссѣбѣ безпечальнаго отца Евфима въ первое время; но, по-

томъ, когда Евфима перевели на мѣсто усопшаго брата его Петра, въ Троицкую церковь, его начали знать белѣе видные люди и стали доброхотствовать его семьѣ, о которой самъ Евфимъ всегда заботился мало.

— Нашъ батюшка,—говорилъ Когниъ:—завжди въ росході, бо ёго люди дуже люблять.

Это была и правда. Ни семейная радость, ни горе не обходилась безъ «Юхвима». Ему давали «за руки» спорныя деньги, его выбирали душеприказчикомъ, и онъ всё *чужія дѣла* исполнялъ превосходно. Но о своихъ не заботился нимало и довелъ это до того, что «самъ себя изнищилъ».

Вотъ событіе, которымъ онъ одно время удивилъ Кіевъ и далъ многимъ хорошій поводъ оклеветать его за добро самими черными клеветами.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Былъ въ Кіевѣ уѣздный казначей Осипъ Семеновичъ Ту—скій, котораго привезъ съ собою изъ Житомира предсѣдатель казенной палаты Ключаревъ. Мы этого чиновника знали мало, а отецъ Евфимъ *нисколько*. Вдругъ при одной повѣркѣ казначейства новымъ предсѣдателемъ Кобылинымъ оказался прочетъ въ казенныхъ суммахъ, кажется, около 20,000 рублей, а можетъ быть и нѣсколько меньше. Казначей былъ извѣстенъ своею честностью и аккуратностію. Какъ образовался этотъ прочетъ,—я думаю, никто навѣрно не знаетъ, потому что дѣло было замято; не ранѣе того семьѣ казначей угрожала гибель. Объ этомъ много говорили и очень сожалѣли маленькихъ дѣтей казначей.

Дошло это дѣло до Евфима и ужасно его тронуло. Онъ задумался, потомъ вдругъ заплакалъ и воскликнулъ:

— Тутъ надо помочь!

— Какъ же помочь? надо заплатить деньги.

— Да, конечно, надо заплатить.

— А кто ихъ заплатить?

— А вотъ попробуемъ.

Отецъ Евфимъ велѣлъ «запрячь игумена» (такъ называлъ онъ своего караго коня, купленнаго у какого-то игумена) и поѣхалъ къ Кобылину съ просьбою поддержать дѣло въ секретѣ два-три дня, пока онъ «попробуетъ»

Предсѣдателю такое предложеніе, разумѣется, было во

Всѣхъ отношеніяхъ выгодно, и онъ согласился ожидать, а Евфимъ пошелъ гонять своего «игумена». объѣздивъ онъ всѣхъ друзей и пріятелей и у всѣхъ, у кого только могъ, просилъ пособить — «спасти семейство». Собралъ онъ не мало, помнится, будто тысячь около четырехъ, что-то далъ и Кобылинъ; но доставало все-таки много. Не помню теперь, сколько именно, но много что-то доставало, кажется, тысячь двѣнадцать, или даже болѣе.

У насъ были совѣты и рѣшено было «собранное собречье для семьи», а казначея предоставить его участи. Но предобрѣйшему Евфиму это не нравилось.

— Что тамъ за участь дѣтямъ безъ отца!—проговорилъ онъ, и на другой же день *взнесъ все деньми*, сколько ихъ слѣдовало.

Откуда же онъ ихъ взял?

Онъ *разорилъ свое собственное семейство*: онъ заложилъ домъ свой и домъ тещи своей, вдовы протоіерея Лободовскаго, надавалъ векселей и сколотилъ сумму, чтобы выручить челоуѣка, котораго, опять повторяю, онъ не зналъ, а узналъ только о постигшемъ его бѣдствіи...

Разсудительнымъ или безразсуднымъ кому покажется этотъ поступокъ, но во всякомъ случаѣ онъ столь великодушень, что о немъ стоить вспомнить, и если слова епископа Филарета справедливы, что дѣти Ботвиновскаго прирѣчны, то поневолѣ приходится повторить съ псалмопѣвцемъ: «не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмени его просяща хлѣба».

Другого такого поступка, совершеннаго съ полнѣйшею простотою сверхъ силъ и по одному порыву великодушія, я не видалъ ни отъ кого, и когда при мнѣ говорятъ о пресловутой «поповской жадности», я всегда вспоминаю, что самый, до безразсудности, безкорыстный челоуѣкъ, какого я видѣлъ,—это *былъ попъ*.

Поступокъ Евфима не только не былъ оцѣненъ, но даже былъ осмѣянъ и послужилъ поводомъ къ разнообразнымъ клеветамъ, имѣвшимъ дурное вліяніе на его расположеніе и положеніе.

Съ этихъ поръ онъ началъ снова захудѣвать, и все въ его дѣлахъ пошло въ разстройство: домъ его былъ проданъ, долгъ тещѣ его тяготилъ и мучилъ; онъ переѣхалъ къ своей, перенесенной на Новое Строеніе, Троицкой церкви и, вдо-

бавокъ, овдовѣлъ, а во вдовствѣ такой человѣкъ, какъ Евфимъ, былъ совершенно невозможенъ.

Жена его была прекрасная и даже очень миленькая женщина, веселаго и добраго нрава, терпѣливая, прощающая и тоже беззаботная. Лучшей пары о. Евфиму и на заказъ нельзя было подобрать, но когда въ дѣлахъ ихъ пошелъ упадокъ и она стала прихварывать, ей стало скучно, что мужа никогда почти не было дома. Она умерла какъ-то особенно тихо и грустно, и это обстоятельство вызвало въ о. Евфимѣ еще одинъ необыкновенный порывъ въ собственномъ ему малоразсудительномъ, но весьма оригинальномъ родѣ. Мало удосуживаясь видѣть жену свою при ея жизни, онъ *не могъ* разстаться съ нею съ мертвою, и это побудило его рѣшиться на одинъ крайне рискованный поступокъ, еще разъ говорящій о его причудливой натурѣ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Троицкая церковь, къ которой перешелъ о. Евфимъ послѣ смерти своего брата, находилась въ Старомъ Кіевѣ, противъ зданія присутственныхъ мѣстъ, гдѣ нынѣ начинается скверъ отъ стороны софійскаго собора. Церковь эта была маленькая, деревянная и, вдобавокъ, ветхая, какъ и церковь Иоанна Златоуста, находившаяся по другую сторону присутственныхъ мѣстъ, и съ постройкою этихъ послѣднихъ ее рѣшено было перенести на Новое Строеііе, гдѣ, конечно, надо было строить церковь вновь, сохранивши названіе прежней. О. Евфимъ самъ распорядился постройкою церкви и осуществилъ при этомъ нѣкоторыя свои фантазіи. Такъ, напримѣръ, въ бытность его въ Петербургѣ, онъ мнѣ рассказывалъ, что устроилъ гдѣ-то въ боковой части алтаря маленькую «комору подъ землею»,—чтобы тамъ лѣтомъ, въ жары, хорошо было отъ мухъ отдыхать.

Я не видѣлъ этой «коморы» и не знаю, какъ она была устроена, но знаю несомнѣнно, что она есть и что въ ней скрывается теперь ни для кого уже непроницаемая тайна.

— Гдѣ схоронена покойная Елена Семеновна?—спросилъ я о. Евфима, рассказывавшаго мнѣ тяжесть своего вдоваго положенія.

— А у меня подъ церковью,—отвѣчалъ онъ.

Я удивился.

— Какъ, говорю, — подь церковью? Какъ же вы это могли выхлопотать? Кто вамъ разрѣшилъ?

— Ну, вотъ, говорить, — «разрѣшилъ»! Чтѣ я за дуракъ, чтобы сталъ объ этомъ кого-нибудь спрашивать? Разумѣется, никто бы мнѣ этого не разрѣшилъ. А я такъ, чтобы она, моя голубонька, со мною не разставалась, — *я самъ ее закопалъ подь поломъ въ коморѣ*, и хожу туда и плачу надъ нею.

Это мнѣ казалось невѣроятнымъ, и я безъ стѣсненія сказалъ о. Евфиму, что ему не вѣрю, но онъ заботился и рассказалъ исторію погребенія покойницы подь церковью въ подробностяхъ и съ такою обстоятельностью, что основаніе къ недовѣрію исчезло.

По словамъ о. Евфима, какъ только Елена Семеновна скончалась, онъ и два преданные ему друга (а у него ихъ было много) разобрали въ нижней «коморѣ» полъ и сейчасъ же стали *своими руками* копать могилу. Къ отиѣванію покойной въ церкви — могила была готова. Приготовлялась ли тоже, какъ слѣдовало, могила на кладбищѣ, — я не спросилъ. Затѣмъ покойную отиѣли въ большомъ собраніи духовенства и, кажется, въ предстояніи покойнаго Филарета Филаретова, который тогда былъ еще архимандритомъ и ректоромъ кievской академіи. По отиѣваніи и замечательнн гроба, *выносъ былъ отложенъ* до завтра, будто за неготовностью могильнаго склепа. Затѣмъ, когда отиѣвавшее духовенство удалилось, о. Евфимъ съ преданными ему двумя друзьями (которыхъ онъ называлъ) пришли ночью въ церковь и *похоронили покойницу въ могилу, выкопанной въ коморѣ подь алтаремъ*. (Одинъ изъ друзей-гробоконателей былъ знаменитый въ свое время въ Кіевѣ уголовный слѣдователь, чиновникъ особыхъ порученій генералъ-губернатора Андрей Ивановичъ Друкартъ, впоследствии вице-губернаторъ въ Сѣдлецѣ, гдѣ и скончался. Потомъ полъ опять застлали и слѣдъ погребенія исчезъ навсегда. «до радостнаго утра» *).

Покойный епископъ Филаретъ Филаретовъ, кажется, зналъ

---

*) Собранныя мною по поводу предложеннаго разсказа свѣдѣнія подтвердили вполне его достовѣрность: никто изъ людей, знавшихъ супруговъ Ботвиновскихъ, не помнитъ факта прохода на кладбище тѣла умершей жены о. Евфима, а помнитъ только фактъ совершеннаго надъ нею торжественнаго отиѣванія и предложенной затѣмъ избыточной помпальной трапезы.

объ этомъ. По крайней мѣрѣ, когда я его спрашивалъ: «гдѣ погребена Елена Семеновна?»—онъ, улыбаясь, махалъ рукою и отвѣчалъ:

— Богъ его знаетъ, гдѣ онъ ее похоронилъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Какъ же относились къ такому священнику люди?

Моралисты и фарисеи его порицали, но простецы и «мытари» любили «предобраго Евфима» и, какъ писалъ мнѣ преосвященный Филаретъ, «провожали его съ большимъ плачемъ».

Не каждого такъ проводятъ даже и изъ тѣхъ, кои «посягли всѣ книги кожаны» и соблюли всѣ посты и «субботы».

И какъ было не плакать о такомъ простякѣ, который являлъ собою живое воплощеніе добра! Конечно, онъ не то, что пасторъ Оберлинъ; но онъ нашъ, простой русскій помѣ, человекъ, можетъ-быть, и безалаберный, и грѣшный, но всепрощающій и безкорыстнѣйшій. А много ли такихъ добрыхъ людей на свѣтѣ?

А что думало о немъ начальство?

Кажется, неодинаково. О. Евфимъ служилъ при трехъ митрополитахъ. Митрополитъ Исидоръ Никольскій былъ мало въ Кіевѣ и едва ли успѣлъ кого узнать. Преемникъ его Арсеній Москвинъ не благоволилъ къ Ботвиновскому, но покойный добрѣйшій старикъ Филаретъ Амфитеатровъ его очень любилъ и жалѣлъ и на всѣ навѣты о Ботвиновскомъ говорилъ:

— Все, чай, пустяки... Онъ добрый.

Разъ, однако, и онъ призывалъ Евфима по какой-то жалобѣ или какому-то слуху, о существѣ коего, впрочемъ, на митрополищемъ разбирательствѣ ничего обстоятельно не выяснилось.

О разбирательствѣ этомъ рассказывали слѣдующее: когда Филарету наговорили что-то особенное объ излишней «свѣтскости» Ботвиновскаго, митрополитъ произвелъ такой судъ:

— Ты Батвиневской?—спросилъ онъ обвиняемаго.

— Ботвиновскій,—отвѣчалъ о. Евфимъ.

— Что-о-о?

— Я Ботвиновскій.

Владыка сердито стукнулъ по столу ладонью и крикнулъ:

— Врешь!.. Батвиневской!

Евфимъ молчалъ.

— Что-о-о? — спросилъ владыка. — Чего молчишь? повинись!

Тотъ подумалъ, въ чемъ ему повиниться? и благопокорно произнесъ:

— Я Батвиневской.

Митрополитъ успокоился, съ добраго лица его радостно исчезла непривычная тѣнь напускной строгости, и онъ протянулъ своимъ беззвучнымъ баскомъ:

— То-то и есть... Батвиневской!.. И хорошо, что повинился!.. Теперь иди къ своему мѣсту.

А «прогнавъ» такимъ образомъ Батвиневского», онъ говорилъ намѣстнику лавры (тогда еще благочинному) о. Варлааму:

— Добрый мужиченко этотъ Батвиневской,—очень добрый... И повинился... Скверно только, зачѣмъ онъ трубку изъ длиннаго чубука палить?

Инокъ отвѣчалъ, что онъ этого не знаетъ, а добрый владыка разворковался:

— Это, смотри, его протопопъ Крамаревъ обучилъ... Университетскій! Скажи ему, чтобы онъ университетскаго наученья не смущалъ, чтобы изъ длиннаго чубука не курить.

Очевидно, что въ доносѣ было что-то о куреніи. Отецъ Евфимъ и въ этомъ *исправился*,—онъ сталъ курить папиросы.

Къ сему развѣ остается добавить, что Ботвиновскій былъ очень видный собою мужчина и, по мнѣнію знатоковъ, въ молодости превосходно танцевалъ мазурку, и... искусства этого никогда не оставлялъ, но послѣ нѣкоторыхъ случайностей танцевалъ «только на именинахъ» у прихожанъ, особенно его уважавшихъ.

Мнѣ думается, что такой непосредственный человѣкъ непременно долженъ имѣть мѣсто среди кievскихъ *антиковъ*, и даже, можетъ-быть, воспоминаніе о немъ окажется самымъ симпатичнымъ для кievлянъ, между коими, вѣроятно, еще не мало тѣхъ, что «шли плача за его гробомъ».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

О *кievскихъ богатыряхъ* я знаю мало. Видоизмѣняясь отъ облика Ильи и Чурилы до фигуры Остана Бульбы, къ

моему времени въ Кіевѣ они являлись въ лицахъ того же приснопамятнаго Аскоченскаго, студента Кол — ова и торговаго человѣка (приказчика купца Козловскаго) Ивана Филипповича Касселя (чистаго, безпримѣснаго хохла, наказаннаго за какой-то родительскій грѣхъ иноземною кличкою).

О силѣ Аскоченскаго говорили много, приводя примѣры, что будто ее иногда поневолѣ принимали въ соображеніе бывший въ его время ректоромъ «русскій Златоустъ» Иннокентій Борисовъ и инспекторъ Іеремія. Достовернаго въ этомъ кажется то, что когда инспекторъ отобралъ разъ у студентовъ чубуки и снесъ ихъ къ Иннокентію, то Аскоченскій, съ его «непобѣдимую дерзостію», явился къ Иннокентію «требовать *свою собственность*». А когда Иннокентій назвалъ это нахальствомъ и приказалъ наглецу «выйти вонъ», то Аскоченскій взялъ «весь пукъ чубуковъ» и сразу всѣ ихъ переломилъ на колѣнѣхъ.

Все остальное, что касается его легендарной силы, выражалось въ такомъ родѣ: онъ все «ломалъ». Больше всего онъ ломалъ, или, лучше сказать, гнулъ за столами металлическіе ножи, ложки, вилки, а иногда подсвѣчники. Дѣлалъ онъ это всегда сюрпризомъ для хозяевъ, но не всегда къ ихъ большому удовольствію.

О «непобѣдимыхъ его дерзостяхъ» рассказывалось тоже много, но надъ всѣмъ преобладало сообщеніе о «стычкѣ его съ профессоромъ Серафимомъ» на лекціи церковной исторіи.

Дѣло было такъ, что профессоръ послѣ безпристрастнаго изложенія фактовъ, пришелъ научнымъ путемъ къ достоверному выводу, который изложилъ въ слѣдующихъ словахъ:

— Итакъ, мы ясно видѣли, что мать наша, святая православная церковь въ Россіи, принявъ богоучрежденныя постановленія отъ апостоловъ, нынѣ управляется *самимъ Духомъ святымъ*.

— Въ генеральскомъ мундирѣ! — отозвался съ своей парты Аскоченскій.

Профессоръ смутился и, какъ бы желая затушевать неуваженіе внимательство студента, повторилъ:

— Самимъ Духомъ святымъ.

Но Аскоченскій снова не выдержалъ и еще громче произнесъ:

— Да, въ генеральскомъ мундирѣ!

— Чтò ты подь симь разумѣешь?—спросилъ его Серафимъ.

— Не *что*, а *нѣчто*,—отвѣчалъ Аскоченскій, и пояснилъ, что онъ разумѣетъ военнаго оберъ-прокурора синода Н. Ал. Протасова.

Серафимъ пошелъ жаловаться къ Иннокентію, но тотъ какъ-то спустилъ это мягко.

Послѣдній фактъ «непобѣдимой дерзости» Аскоченскаго былъ не въ его пользу. Это случилось тогда, когда въ одно время сошлись на службѣ въ Каменцѣ Аскоченскій, занимавшій тамъ мѣсто совѣстнаго судьи, и бывший его начальникъ по воронежской семинаріи Елиидифоръ, на эту пору архіепископъ подольскій.

Ап. Елиидифоръ былъ изрядно нетерпѣливъ и вспыльчивъ, но въ свою очередь онъ зналъ продерзостную натуру Аскоченскаго, когда тотъ учился въ воронежской семинаріи. Однажды Елиидифоръ служилъ обѣдню въ соборѣ, а Аскоченскій стоялъ въ алтарѣ (любимое дѣло ханжей, позволяющихъ себѣ нарушать церковное правило и стѣснять собою служащее духовенство).

Во время литургіи какой-то діакопъ или иподіакопъ что-то напугалъ, и вспыльчивый владыка сказалъ ему за это «дурака».

Тѣмъ дѣло и кончилось бы, но послѣ обѣдни у епископа былъ пирогъ и къ пирогу явился Аскоченскій, а во время одной паузы онъ ядовито предложилъ такой вопросъ:

— Владыка святыи! чтò долженъ пѣть клиръ, когда архіереѣ възглашаетъ «дуракъ»?

— «Совѣстный судья»,—отвѣчалъ спокойно епископъ.

— А я думалъ: «и духови твоему»,—отвѣчалъ «непобѣдимый въ дерзости» Аскоченскій, но вскорѣ потерялъ мѣсто совѣстнаго судьи и навсегда лишился службы.

Другой *богатырь* Кол—свъ дѣйствительно обладалъ силою феноменальною и ночами ходилъ «переворачивать камни у Владиміра». Идеаль его былъ «снять крѣпостныя ворота и отнести ихъ на Лысую гору», которой тогда еще не угрожалъ переходъ въ собственность извѣстнаго въ Россіи рода бояръ Анненковыхъ. Тогда тамъ слетались простыя кіевскія вѣдьмы. Но воротъ Кол—овъ не снялъ, а погибъ инымъ образомъ.

Третій, самый веселый богатырь моего времени былъ Иванъ Филищовичъ Кассель, имѣющій даже двойную извѣст-

пость въ русской арміи. Во-первыхъ, торгуя военными вещами, онъ обмундировалъ чуть ли не всѣхъ офицеровъ, переходившихъ въ Крымъ черезъ Кіевъ, а, во-вторыхъ, онъ положилъ конецъ большой войнѣ, не значащейся ни въ какихъ хроникахъ, но, тѣмъ не менѣе, продолжительной и упорной.

Не знаю, съ какого именно повода въ Кіевѣ установилась вражда не вражда, а традиціонное преданіе о необходимости боевыхъ отношеній между студентами и вообще статскою молодежью съ одной стороны и юнкерами съ другой. Особенно считалось необходимымъ «бить саперовъ», т. е. юнкеровъ сапернаго училища. Шло это съ замѣчательнымъ постоянствомъ и заманчивостью, которая увлекала даже такихъ умныхъ и прекрасныхъ людей, какъ Андрей Ивановичъ Друкартъ, бывшій въ то время уже чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ Фундуклеѣ.

Съ утра, бывало, сговариваются придти въ трактиръ къ Кругу или къ Бурхарду, гдѣ поджидались саперные юнкера, и тамъ «ихъ бить».

Ни за что, ни про что, а такъ просто «бить».

Но иногда для этого выѣзжали на дубу, или пѣшкомъ отправлялись «за мостъ» къ Рязанову, или на Подоль, къ Каткову, и тамъ «билсь».

Порою съ обѣихъ сторонъ были жертвы, то-есть не убитые, но довольно сильно побитые, а война все упорствовала, не уставала и грозила быть такою же хроническою, какъ война кавказская. Но случилось, что въ одной стычкѣ юнкеровъ (сдѣлавшихъ вылазку изъ урочища Кожемяки) съ статскою партіею (спускавшеюся отъ церкви св. Андрея) находился Кассель. Будучи призванъ къ участию въ битвѣ, Иванъ Филиппычъ одинъ положилъ на землю всѣхъ непріятелей, а потомъ заодно и всѣхъ своихъ союзниковъ. Въ пылу битвы онъ не могъ успокоиться, пока не увидалъ вокругъ себя *всѣхъ* «полегшими». Это было такъ не по-сердцу для обѣихъ воюющихъ сторонъ, что съ этимъ разомъ битвы прекратились.

Богатырей, прославленныхъ силою, болѣе уже не было. Эти, кажется, были послѣдніе.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ.

О *кладахъ* мнѣ только извѣстно въ смыслѣ литературномъ. Гдѣ-то и у кого-то въ Кіевѣ долженъ храниться одинъ

очень драгоценный и интересный литературный клад, — это одно действительно мягкое и устроумное сочинение В. И. Аскоченскаго, написанное в формѣ рѣчи, произносимой кандидатомъ епископства при нареченіи его въ архіереи. Рѣчь новонарекаемаго епископа, сочиненная Аскоченскимъ, не только нисколько не похожа на тѣ рѣчи, какія обыкновенно при этихъ важныхъ случаяхъ произносятся, но она имъ диаметрально противоположна по направленію и духу, хотя сводится къ тѣмъ же результатамъ. Въ заправдашнихъ рѣчахъ кандидаты обыкновенно говорятъ о своихъ слабостяхъ и недостойнствахъ, — вообще сильно отпрашиваются отъ епископства, боясь, что не пронесутъ обязанностей этого сана, какъ слѣдуетъ. Потомъ едва только къ концу, и то лишь полагаясь на всемогущую благодать Божію и на воспособляющую силу молитвъ предсѣдającychъ святителей, они «пріемлютъ и ни что же вопреки глаголютъ». Но рѣчь Аскоченскаго идетъ изъ иного настроенія: его кандидатъ епископства, человѣкъ смѣлаго ума и откровенной прямой природы, напоминаетъ «Племянника г-на Рамо». Онъ смотритъ на жизнь весело и не видитъ никакой необходимости возводить на себя самообвиненія въ тяжкихъ недостойнствахъ. Напротивъ, нарекаемый епископъ Аскоченскаго признается, что санъ епископскій ему издавна весьма нравится и очень ему пріятенъ. Онъ рассказываетъ даже, какія мѣры и усилія онъ употребилъ для достиженія своей цѣли — быть епископомъ. Потомъ говорить и о своихъ «недостойнствахъ», но опять по-своему: онъ не ограничивается общимъ поверхностнымъ упоминаніемъ, что у него есть «недостойнства», а откровенно припоминаетъ ихъ, какъ добрый христіанинъ добраго времени, стоящій на открытой, всенародной исповѣди. Кандидатъ доводитъ свою откровенность до того, что «недостойнства» его въ самомъ дѣлѣ какъ-будто заставляютъ опасаться за его годность къ епископскому служенію и за него становится и странно, и больно... Но вдругъ живая душа исповѣдника дѣлаетъ быстрый взмахъ надъ міромъ и зритъ оттуда съ высотъ, что и другіе, пріавшіе уже яремъ епископства, были не только не достойнѣе его, но даже и послѣ таковыми же остались. А онъ клянется, что когда ему на епископствѣ станетъ жить хорошо, то онъ, какъ умный человѣкъ, ни за что не станетъ искать никакихъ пустяковъ, не имѣющихъ прямой

цѣны для счастья, и «потому пріемлетъ и ни что же вопреки глаголетъ».

Аскоченскій мнѣ самъ читалъ эту рѣчь, замѣчательную какъ въ литературномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи, и читалъ онъ ее многимъ другимъ, пока объ этомъ не узналъ покойный митрополитъ московскій Иннокентій Веніаміновъ. Онъ *запретилъ* Аскоченскому читать эту рѣчь и давать ее списывать, а Викторъ Ипатьичъ, часто приѣзжая къ Иннокентію по дѣламъ своего изнемогавшаго изданія и другимъ личнымъ нуждамъ, далъ слово митрополиту запретъ этотъ исполнить. Въ «Дневникѣ» Аскоченскаго, который я, по редакціонной обязанности, *весь прочелъ* прежде пріобрѣтенія его редакціею «Историческаго Вѣстника», *нѣтъ этой рѣчи*. Это тѣмъ болѣе удивительно, что въ «Дневникѣ» записано множество выходокъ, гораздо менѣе удачныхъ, и литературныхъ шалостей, несравненно болѣе непристойныхъ и дерзкихъ по отношенію къ предстоятелямъ церкви. Можетъ-быть, Аскоченскій вырвалъ эти листы, въ угоду митрополиту, который, по словамъ Виктора Ипатьича, «просто позволилъ ему *обыскивать свой бумажникъ*». Во всякомъ случаѣ этотъ литературный кievскій кладъ *) очень

---

*) Указываютъ еще другой кладъ, оставленный В. П. Аскоченскимъ въ Кіевѣ и находящійся, вѣроятно, и теперь у кого-либо изъ его кievскихъ знакомыхъ. Это обширное его изслѣдованіе о тогдашнемъ состояніи русскихъ университетовъ, озаглавленное такъ: «Наши университеты». О. Г. Лебединцевъ читалъ эту толстую, листовъ въ 70, рукопись, написанную въ 1854 или 1855 г. Въ ней Аскоченскій съ безпощадною рѣзкостью осуждаетъ весь строй университетскій и раскрываетъ недуги профессоровъ банковскаго направленія. Рукопись наполнена массою самыхъ неприглядныхъ фактовъ, обличавшихъ пустоту университетскихъ чтеній, грошовае либеральничество профессоровъ и поврежденность правовъ студентовъ и пр., и пр. Рукопись шибко ходила по рукамъ и произвела въ ученомъ и административномъ мѣрѣ бурю, кончившуюся тѣмъ, что безшабашнаго автора, какъ не служащаго дворянина, посадили на двѣ недѣли на гауптвахту при кievскомъ ордонансѣ-гаузѣ.

Разсказывали въ ту пору, что когда Аскоченскій былъ «приличнымъ образомъ» доставленъ къ тогдашнему кievскому генералъ-губернатору кн. Васильчикову, послѣдній далъ Аскоченскому прочесть ту статью изъ Свода Законовъ, которая грозила ему чѣмъ-то въ родѣ высылки «въ мѣста отдаленныя». Аскоченскій нимало не сробѣлъ: онъ прочелъ статью, положилъ книгу и улыбнулся.

— Васъ, стало, это забавляетъ?—спросилъ его добродушный князь Васильчиковъ

интересенъ, какъ для характеристики самого Аскоченскаго, такъ и въ смыслъ опредѣленія прозорливости тѣхъ, которые чаяли видѣть въ Викторѣ Ипатьевичѣ защитника на-дающаго авторитета своего сана, съ дозволеніемъ иногда «*обыскивать ихъ бумажники*».

ГЛАВА СОРОКЪ ПЕРВАЯ.

Затѣмъ еще «*последнее сказаніе*», — тоже касающагося кievскихъ преданій и литературы.

Когда въ «*Русскомъ Вѣстникѣ*» М. Н. Каткова былъ напечатанъ мой рассказъ «*Запечатлѣнный Ангелъ*», то въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, при снисходительныхъ похвалахъ моему маленькому литературному произведенію, было сказано, что «въ немъ передано событіе, случившееся при постройкѣ кievскаго моста» (разумѣется, *старого*). Въ рассказѣ идетъ дѣло объ иконѣ, которую чиновники «запечатлѣли» и отобрали въ монастырь, а старовѣры, которымъ та икона принадлежала, подмѣнили ее копіею во время служенія пасхальной заутрени. Для этого одинъ изъ старовѣровъ *прошелъ съ одного берега рѣки на другой при бурномъ ледоходѣ по цѣпямъ*.

Всѣмъ показалось, что мною въ этомъ рассказѣ описана кievская мѣстность и «событіе, случившееся тоже въ Кіевѣ». Такъ это и остается до сей поры.

Позволю себѣ нынѣ замѣтить, что первое совершенно справедливо, а второе — итъ. Мѣстность въ «Запечатлѣнномъ Ангелѣ», какъ и во многихъ иныхъ моихъ рассказахъ, дѣйствительно, похожа на Кіевъ, — что объясняется моими привычками къ кievскимъ картинамъ, но *такого происшествія*, какое передано въ рассказѣ, въ Кіевѣ никогда не происходило, т. е. никакой иконы старовѣры не крали и по цѣпямъ черезъ Днѣпръ не переносили. А было, дѣйствительно, только

Аскоченскій покажъ плечами и отвѣтилъ:

— Не думаю, чтобы кого-нибудь забавляла возможность прогуляться въ Сибирь. Миѣ смѣшно другое.

Васильчиковъ не продолжалъ разговора и послалъ его подъ арестъ.

Въ этой запискѣ, по словамъ Лебедницева, было много очень умнаго, дѣльнаго и справедливаго, такъ что автору было за что посидѣть подъ арестомъ.

Но гдѣ эти два едва ли не самыя лучшія произведенія ума и пера Аскоченскаго? Неужто они пропали!

слѣдующее: однажды, когда цѣны были уже натянугы, одинъ калужскій каменщикъ, по уполномочію отъ товарищей, сходилъ во время пасхальной заутрени съ кievскаго берега па черниговскій *по цѣнямъ*, но не за игоною, а за *водкою*, которая на той сторонѣ Днѣпра продавалась тогда много дешевле. Наливъ боченокъ водки, отважный ходокъ повѣсилъ его себѣ на шею и, имѣя въ рукахъ шесть, ксторый служилъ ему балансомъ, благополучно возвратился на кievскій берегъ съ своею корчемною ношею, которая и была здѣсь распита во славу св. Пасхи.

Отважный переходъ по цѣнямъ, дѣйствительно, послужилъ мнѣ *темою* для изображенія отчаянной русской удали, но цѣль дѣйствія и вообще вся исторія «Залечатлѣннаго Ангела», конечно, иная, и она мною просто вымышлена.

20 декабря 1882 г.

С.-Петербургъ.

ЧОРТОВЫ КУКЛЫ.

ГЛАВЫ ИЗЪ НЕОКОНЧЕННАГО РОМАНА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ началѣ истекающаго девятнадцатаго столѣтія въ одной семьѣ германскаго происхожденія родился мальчикъ необыкновенной красоты. Онъ былъ такъ хорошъ, что въ семьѣ его не звали его крестнымъ именемъ, а называли его Фебуфисъ или Фебуфисъ, т. е. сынъ Феба. Это имя такъ ему пристало, что онъ удержалъ его за собою въ школѣ, а потому оно осталось при немъ во всю его жизнь. Съ возрастомъ оказалось, что при тѣлесной красотѣ ребенокъ былъ осчастливленъ замѣчательными способностями: онъ прекрасно учился наукамъ и рано обнаружилъ даръ и страсть къ живописи.

Отецъ Фебуфиса занимался крупными торговыми операціями и имѣлъ обеспеченное состояніе. Онъ хотѣлъ, чтобы сынъ шелъ по его же дорогѣ, и потому не былъ обрадованъ его художественными наклонностями, но мать ребенка, женщина очень чувствительная и поэтическая, не любила прозаическихъ, торговыхъ занятій мужа и настояла, чтобы Фебуфисъ получилъ возможность слѣдовать своимъ художественнымъ влеченіямъ.

Мать питала несомнѣнную увѣренность, что сына ея ожидаетъ слава, и она отчасти не ошиблась.

Отецъ уступилъ желаніямъ сына, поддерживаемымъ настойчивостью матери, и Фебуфисъ поступилъ въ высшую художественную школу, сначала въ томъ городѣ, гдѣ жили

его родители, а потомъ перешель для усовершенствованія въ Римъ, гдѣ на него вскорѣ же стали указывать, какъ на самаго замѣчательнаго изъ современныхъ живописцевъ.

Съ теченіемъ времени на него обращали вниманія больше и больше, и онъ вскорѣ сталъ пользоваться такою извѣстностью, которая уже довольно близко граничила со славою. Были основанія вѣрить, что недалеко его ожидаетъ и настоящая слава. Характеръ у него былъ веселый, немножко заносчивый и дерзкій со старшими, но безпечный и общительный въ сношеніяхъ съ сверстниками, между которыми молодой человекъ имѣлъ друзей. Особенно дружны были съ нимъ два молодыхъ живописца, прозванные въ своемъ кружкѣ Пикомъ и Макомъ. Оба эти молодые люди были разныхъ національностей и несходнаго нрава, но находились въ тѣснѣйшей пріязни и никогда почти не разлучались. За то ихъ и прозвали Пикъ и Макъ,—по дѣтской игрѣ: «гдѣ Пикъ, тамъ Макъ,—Пикъ здѣсь—Макъ здѣсь,—Пика нѣтъ и Мака нѣтъ». Макъ былъ крупный брюнетъ съ серьезнымъ, даже нѣсколько суровымъ и задумчивымъ лицомъ, а Пикъ—розовая, бѣлокурая крошка, съ личикомъ изъ тѣхъ, которыхъ зовутъ «овечью мордочкой». Макъ былъ мыслитель,—его занимали общественные вопросы: онъ скорбѣлъ о человѣческихъ бѣдствіяхъ и задумывался надъ служебными цѣлями искусства, а Пикъ смотрѣлъ на жизнь въ розовыя стекла и отрицалъ въ искусствѣ все постороннія цѣли, кромѣ самой красоты; притомъ Пикъ любилъ и покутить, но только, несмотря на его неразборчивость, онъ почти никогда не имѣлъ удачи, а Макъ былъ само цѣломудріе и обладалъ всеми шансами на успѣхи, но онъ ихъ не добивался; Пикъ находилъ почти всѣхъ женщинъ очень милыми, а Макъ смотрѣлъ на всѣхъ равнодушно и все надѣялся когда-нибудь увидѣть одну заповѣдную женщину по своимъ мыслямъ. Она должна была обладать красотой духовной болѣе, чѣмъ тѣлесною,—во всякомъ случаѣ, она непременно должна была имѣть надъ нимъ многія нравственныя превосходства, особенно въ деликатности чувствъ, въ тонкомъ ощущеніи благородства, чести и добра. Она должна была не отдѣлять его отъ міра, какъ любятъ дѣлать многія женщины, а роднить его съ высшимъ міромъ. Если случалось, что Пикъ и Макъ нравились одно и то же, то оно непременно нравилось имъ съ разныхъ сторонъ.

Имъ, напримѣръ, обоимъ нравился Донъ-Жуанъ, и они оба оправдывали байроновскаго героя, но совершенно съ различныхъ сторонъ: Пикъ находилъ, что переимѣнять привязанности очень весело, а Макъ любилъ Жуана за то, что онъ открывалъ во всѣхъ любившихъ его женщинахъ обманъ, и не хотѣлъ довольствоваться фальсификаціею чувства. Несмотря на такое несходство во взглядахъ, Гитъ и Макъ были, однако, очень дружны: Пикъ уважалъ въ Макѣ его думы и даже заботы о служебныхъ задачахъ искусства, а Макъ любилъ въ Пикѣ искренность, съ какою онъ восхищался каждымъ дарованіемъ, кромѣ своего собственнаго. Оба они жили вмѣстѣ, не богато и не бѣдно, какъ жило въ то время множество людей ихъ среды.

Фебуфиса отыскалъ Пикъ и сказалъ нелюдному Маку:

— Пойдемъ, посмотримъ человѣка съ большимъ дарованіемъ.

— Въ чемъ же онъ проявилъ свои дарованія?

— Прекрасно пишетъ.

— Что же онъ пишетъ? — спросилъ Макъ.

— Все.

— Все?.. Это много. Пойдемъ и посмотримъ *ее*.

— Да, а вотъ ты можешь научить его выбирать лучшее.

Они пошли и подружился сразу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

У Фебуфиса не было недостатка въ фантазіи, онъ прекрасно сочинялъ большія и очень сложныя картины, рисунокъ его отличался правильностью и смѣлостью, а кисть его блистала яркою колоритностью. Ему почти въ одинаковой степени давались сюжеты религіозные и историческіе, пейзажъ и жанръ, но особенно нравились вкусъ и чувство фигуры въ его любовныхъ сценахъ, которыхъ онъ писалъ много и которыя часто заходили у него за предѣлы скромности.

Въ послѣднемъ родѣ онъ позволялъ себѣ большія вольности, но грація его рисунка и живая прелесть колоритнаго письма отнимали у этихъ произведеній впечатлѣніе скабрзности и на выставкахъ появлялись такіе сюжеты Фебуфиса, какіе отъ художника меньшихъ дарованій ни за что не были бы приняты. Съ другой же стороны, соблазнительная прелесть картинъ этого рода привлекала къ нимъ

вниманіе самой разнообразной публики и находила ему щедрыхъ покупателей, которые не скупились на деньги.

Такимъ образомъ росло его имя, и онъ получалъ такой значительный заработокъ, что уже не только не требовалъ никакой поддержки отъ родителей, но когда отецъ его умеръ, и дѣла ихъ пошатнулись, то Фебуфисъ уступилъ свою долю отцовскаго наслѣдства брату и сестрѣ и сталъ присылать значительныя суммы нѣжно любимой матери.

Пикъ всему этому шумно радовался, а Макъ серьезно молчалъ или, когда Пикъ очень надоѣдалъ ему своими восторгами и восклицалъ:

— О, до чего онъ можетъ достигъ!

Макъ отвѣчалъ:

— До всего; я боюсь, что онъ до чего хочешь достигнетъ.

— Нѣтъ, съ кѣмъ его можно сравнить?

— Съ Ванъ-деръ-Пуфомъ.—отвѣчалъ Макъ.

Ванъ-деръ-Пуфъ было шуточное прозваніе для тѣхъ, кто подавалъ большія надежды съ сомнительными послѣдствіями.

Пикъ за это сердился и находилъ, что Фебуфисъ похожъ на Луку Кранаха, котораго онъ очень любитъ и имѣетъ нѣкоторыя его свойства.

— Въ чемъ же это проявляется?—спрашивалъ Макъ.

— Въ дарованіи, въ смѣломъ характерѣ и въ умѣнѣ гордо держать себя съ великими міра.

Макъ отвѣчалъ, что лучшее умѣнье держать себя съ тѣми, кто почитаеъ себя великими міра, это — стараться не входить съ ними ни въ какія сношенія.

— А если это нельзя?

— Ну, тогда быть отъ нихъ какъ можно дальше.

— Э, братъ, это сочтутъ за робость и униженіе.

— Повѣрь, что въ этомъ только и есть настоящее величіе, которое и они сами чувствуютъ и которое одно можетъ уязвлять ихъ пустую надменность.

— Ну, ты, Макъ, вѣдь аскетъ. Этакъ жить, такъ нельзя будетъ сдѣлать ничего достойнаго въ мірѣ.

А Макъ, наоборотъ, думалъ, что такъ только и можно что-нибудь сдѣлать самое достойное.

— А именно что?

— Прежде всего сберечь *свое достоинство*.

— Ты все о *своемъ* достоинствѣ,—все только о томъ, что для себя.

— Нѣтъ, сохраненіе «достоинства» это не «только для себя», а это потомъ пригодится и для другихъ.

Студію Фебуфиса искали посѣщать самые разнообразныя путешественники, но достигали этого не всѣ, кто хотѣлъ. Онъ допускалъ къ себѣ только или извѣстныхъ знатоковъ и цѣнителей искусства, или людей высокаго положенія, вниманіе которыхъ ему льстило и которымъ онъ по преимуществу продавалъ свои картины для ихъ музеевъ и палаццо, и всегда за дорогую цѣну. Но и при этомъ онъ давалъ еще много произвола своимъ художественнымъ прихотямъ и капризамъ, очень часто доводимымъ имъ до непопозволительной дерзости и пренебреженія къ сану и свѣтскому положенію своихъ важныхъ посѣтителей. Онъ продавалъ имъ часто не то, что они желали бы у него приобрести, а то, что онъ самъ соглашался уступить имъ, всегда съ затаеннымъ и мало-скрываемымъ намѣреніемъ заставить ихъ имѣть передъ собою сюжетъ, который могъ служить имъ намекомъ, попрекомъ или непріятнымъ воспоминаніемъ.

Цикъ находилъ это прекраснымъ и художественнымъ, а Макъ называлъ фиглярствомъ.

Произведенія Фебуфиса были въ модѣ, а притомъ же тогда было въ модѣ и потворство капризамъ художниковъ, и потому сколько-нибудь замѣчательнымъ изъ нихъ много позволяли. Люди, самые деспотичные и грозные, требовавшіе, чтобы самые ученые и заслуженные люди въ ихъ присутствіи трепетали, сносили отъ художниковъ весьма часто непопозволительныя вольности. Художниковъ это баловало и не всѣ изъ нихъ умѣли держать себя въ предѣлахъ умѣренности и забывались, но, къ удивленію, все это имъ сходило съ рукъ въ размѣрахъ, непонятныхъ для нынѣшняго реального времени.

Особенно они были избалованы жещинами, но еще больше, пожалуй, деспотами, которые отличались своею грозностью и недоступностью для людей всѣхъ ранговъ и положеній, а, между тѣмъ, даже какъ-будто находили удовольствіе въ томъ, что художники обращались съ ними безцеремонно.

Такое было время и направленіе.

Фебуфисъ какъ первенствовалъ между собратіями въ искусствѣ, такъ же отличался смѣлостью и въ художественныхъ фарсахъ и шалопайствахъ. У него было много любов-

пыхъ приключеній съ женщинами, принадлежавшими къ самымъ разнообразнымъ слоямъ въ Римѣ, но была и одна привязанность, болѣе прочная и глубокая, чѣмъ другія. Эта любовь была замѣчательно красивая, блѣдная дѣвушка-римлянка, по имени Марчелла. Она любила красавца-иностранца безъ памяти и безъ всякаго расчета, а онъ и ее цѣнилъ мало. Онъ былъ больше всего занятъ тѣмъ, что съ успѣхомъ соперничалъ съ моднымъ кардиналомъ въ благорасположеніи великосвѣтскихъ римлянокъ и высокорожденныхъ путешественницъ, или, наскучивъ этимъ, охотно пилъ и дрался кулаками въ тавернахъ за мимолетное обладаніе тою или другою изъ тамошнихъ поѣстительницъ. По первой категоріи подвиги его восходили до дуэлей, угрожавшихъ ему высылкою изъ тогдашней папской столицы, а по второй дѣла кончались потасовками или полицейскимъ призывомъ къ порядку, что тоже тогда въ художественномъ мѣрѣ не почиталось за дурное и служило не въ укоръ, а, наоборотъ, слыло за молодечество.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сказано, что между любовными исторіями Фебуфиса была одна, которая могла его кое-къ-чему обязывать. Это то самое, что касалось красивой и простосердечной римской дѣвушки, по имени Марчеллы. Она была безвѣстнаго происхожденія и имѣла престарѣлую мать, которую съ большимъ трудомъ содержала своею работою, но замѣчательная красота Марчеллы сдѣлала ей большую извѣстность. Не одинъ Фебуфисъ былъ плѣненъ этою красотою, — молодой, тогда еще малоизвѣстный, патриотъ Гарибальди, на одномъ изъ римскихъ празднествъ, тоже подаль Марчеллѣ цвѣтокъ, снявъ его со своей шляпы, но Марчелла взяла цвѣтокъ Гарибальди и весело перебросила его Фебуфису, который поймалъ его и, поцѣловавъ, приколотъ къ своей шляпѣ. Гарибальди видѣлъ это, послалъ имъ обоимъ поцѣлуй и крикнулъ: «счастливаго успѣха влюбленнымъ!» Сближеніе ихъ было очень близко и оригинально. Расположенія Марчеллы искали многіе и въ числѣ претендентовъ на ея руку были и богатые люди: въ числѣ такихъ былъ одинъ пармезанецъ. Марчелла его не любила, но мать ея, указывая на свое нездоровье и преклонные годы, требовала отъ дочерп «маленькой жертвы». Марчелла согласилась на жертву и сдѣлалась невѣстой, но

подъ самый день свадьбы пошла помолиться Мадоннѣ и безотчетно постучалась въ дверь Фебуфиса. Сюда привела ее нестерпимая любовь, съ которою она напрасно боролась, и она вышла отсюда только черезъ нѣсколько дней и пошла къ пармезанцу сказать, что уже не можетъ быть его женою. Но Фебуфисъ, какъ многіе баловни женщинъ, не хотѣлъ оцѣнить лучше другихъ поступокъ Марчеллы и скоро охладѣлъ къ ней, какъ къ прочимъ. Эта побѣда только видала новый листокъ въ его любовные лавры, а Марчеллу познакомила съ чувствами матери. Пикъ былъ этимъ смущенъ, а Макъ оскорбленъ и разгнѣванъ: онъ пересталъ говорить съ Фебуфисомъ и не сталъ давать ему руку.

— Это слишкомъ ужъ строго,—говорилъ Пикъ.

Макъ на это не отвѣчалъ, но, встрѣтивъ однажды Марчеллу, сказалъ ей:

— Какъ ты живешь нынче, добрая и честная Марчелла?

— Ты меня называешь *доброю!*

— И честною.

— Спасибо; я живу не худо,—отвѣчала Марчелла.—Съ тѣхъ поръ, какъ у меня есть дитя, я работаю вдвое и, представь себѣ, на все чувствую новыя силы.

— Но ты нехудала.

— Это скоро пройдетъ.

— А ты мнѣ скажи... только скажи откровенно.

— О, все, что ты хочешь... Я знаю тебя—въ тебѣ благородное сердце.

— Согласись быть моею женою.

— Женою?.. Спасибо. Я знаю, что ты благороденъ и добръ... Женою!.. Нѣтъ, милый Макъ, я уже никогда не буду ничьею женою.

— Почему?

— Почему?—Марчелла покачала своею красивою головою и отвѣчала:—Я вѣдь люблю! Развѣ ты хочешь, чтобы между нами всегда былъ третій въ поминѣ? Нѣтъ, милый Макъ, я любила и это останется вѣчно. Полюби лучше другую.

Но благородство и гордость Марчеллы были подвергнуты слишкомъ тяжелому испытанію: мать ее безпрестанно укоряла ихъ тяжелою бѣдностью,—ея престарѣлые годы требовали удобствъ и покоя,—дитя отрывало руки отъ занятій,—бѣдность всѣхъ ихъ душила. О Марчеллѣ пошли недобрые слухи, въ которыхъ имя доброй дѣвушки связывалось съ

именем богатаго иностранца. Къ сожалѣнiю, это не было пустою басней. Марчелла скрывалась отъ всѣхъ и никому не показывалась. Пикъ и Макъ о ней говорили только одинъ разъ и очень немного. Пикъ сказалъ:

— Слышалъ ты, Макъ, что говорятъ о Марчеллѣ?

— Слышалъ,—отвѣчала Макъ, сидя за мольбертомъ.

— И что же, ты этому вѣришь или не вѣришь?

— Вѣрю, конечно.

— Почему же конечно? Ты вѣдь былъ о ней всегда хорошаго мнѣнiя.

Макъ отошелъ отъ мольберта, посмотрѣлъ на свою картину и, помедливъ, сказалъ:

— Я о ней и теперь остаюсь хорошаго мнѣнiя.

Теперь Пикъ помолчалъ и потомъ спросилъ:

— Развѣ она не могла поступить лучше?

— Не знаю, можетъ-быть, и не могла.

— Значитъ, у нея нѣтъ воли, нѣтъ характера?

— Ты спроси объ этомъ того, кто устроилъ испытанiе для ея воли и характера.

— Но она могла выйти замужъ?

— Не любя?

— Хотя бы и такъ.

— Или... быть-можетъ, даже любивши другого?

— Ну, и все было-бъ лучше.

— Можетъ-быть, только она тогда не была бы тою Марчеллой, которая стояла бы моего лучшаго мнѣнiя.

— А теперь?

— Изъ двухъ золъ она выбрала то, которое меньше.

— Меньше!.. Продать себя... это ты считаешь за меньшее зло?

— Не себя.

— Какъ не себя? Неужто этотъ богачъ ѣздитъ къ ней читать съ нею Петrarку или Данте?

— Нѣтъ; она продала ему свое прекрасное тѣло и, навѣрное, не обѣщала отдать свою душу. Ты различай между *я* и *мое*: я—это я въ своей сущности, а тѣло мое—только моя принадлежность. Продать его—странная жертва, но продать свою душу, свою правду, обѣцаться любить другого—это гораздо подлѣе, и потому Марчелла дѣлаетъ меньшее зло.

— Есть еще средство!—замѣтилъ Пикъ.

— Какое?

— Прекратить свою жизнь. Смерть лучше позора.

Макъ сложилъ руки и сказалъ:

— Какъ, убить себя?! Женщинѣ убить себя за то, что се бросили, и бросить на всѣ мученія нищеты свою мать и своего ребенка?.. И ты это называешь лучшимъ? Нѣтъ, это не лучше. Лучше перенести все на себѣ и... Впрочемъ, иди лучше, Пикъ, читай уроки о чести другому,—мы о ней больше съ тобою никогда не должны говорить.

— Хорошо,—отвѣчалъ Пикъ:—но ты мнѣ никогда не докажешь...

— Ахъ, оставь про доказательства! Я никогда тебѣ и не буду доказывать того, что для меня ясно, какъ солнце, а ты знай, что доказать можно все на свѣтѣ, а въ жизни вѣрныя доказательства часто стоятъ менше, чѣмъ вѣрныя чувства.

Въ отношеніи Марчеллы Макъ имѣлъ «вѣрныя чувства» и вѣрно отгадывалъ, что двигало ея поступками. Другіе о ней позабыли,—Фебуфисъ ею не интересовался. Онъ съ той поры имѣлъ много другихъ успѣховъ у женщинъ, которыя, помимо своей красоты, льстили его самолюбію, и вообще шель на быстрыхъ парусахъ при слабомъ рулѣ, который не правилъ судномъ, а предавалъ его во власть случайнымъ теченіямъ. Въ характерѣ его все болѣе обозначались признаки необузданности и своеволія. Успѣхи его туманили. Онъ становился капризенъ.

— Я хотѣлъ бы знать, чего онъ хочетъ?—говорилъ Пикъ.

— А я не хотѣлъ бы объ этомъ знать, но знаю,—отвѣчалъ Макъ.

— Чего же онъ хочетъ?

— Своей погибели,—и она будетъ его удѣломъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Фебуфису было около тридцати лѣтъ, когда онъ собылъ съ рукъ исторію Марчеллы и потомъ въ теченіе одного года сдѣлалъ два безумные поступка: во-первыхъ, онъ послалъ дерзкій отказъ своему правительству, которое, по его мнѣнію, недостаточно почтительно приглашало его возвратиться на родину, чтобы принять руководство художественными работами во дворцѣ его государя; а, во-вторыхъ, произвелъ выходку, скандализовавшую цѣлую столицу. Жена одного изъ иностранныхъ дипломатовъ при напѣ удѣлила Фебуфису какую-то долю какого-то своего вниманія и по-

томъ,—какъ ему показалось,—занялась кардиналомъ. Фебуфисъ вскигивалъ гнѣвомъ и выставилъ у себя въ мастерской самую неприличную картину въ родѣ извѣстной классической *Pandora*. На этомъ полотнѣ онъ изобразилъ упомянутую красивую даму въ объятіяхъ знаменитаго въ свое время кардинала, а себя поставилъ близъ нихъ вмѣсто сатира, котораго отводитъ старуха со свѣчкой.

Картина эта представлялась забавною и ѣдкою всѣмъ, кромѣ малоразговорчиваго Мака.

— Твое цѣломудріе оскорблено моею *Пандорой*?—спросилъ его однажды вечеромъ, сидя за виномъ, Фебуфисъ.

Макъ прервалъ свое долгое молчаніе и отвѣтилъ ему:

— Да, съ этой поры я не перестану жалѣть, чѣмъ ты способенъ заниматься.

— Способенъ!.. Какъ это глупо! Я способенъ заниматься всѣмъ... и я, наконецъ, не понимаю, почему иногда не позволить себѣ шалость.

— Ты называешь это шалостью?

— Конечно. А ты?

— По-моему, это низость, это растлѣніе другихъ и самого себя.

— Такъ ты видишь здѣсь одинъ цинизмъ?

— Нѣтъ, я вижу все, что здѣсь есть.

— Что же, на примѣръ?

— Задоръ и вызовъ на борьбу людей, которыхъ не стѣить трогать.

— Отчего? Они стоятъ довольно высоко и трогать ихъ не безопасно.

— А-га! такъ тебѣ это доставляетъ удовольствіе?

— И очень большое.

Макъ тихо двинулъ плечами и, улыбувшись, сказалъ:

— Я предпочелъ бы беречь свои силы, чѣмъ ихъ такъ раскидывать.

— Въ такомъ случаѣ, всѣ тѣ, кто желаетъ заслужить себѣ одобреніе властей, имѣютъ теперь отличный случай достигъ этого,—стѣить только обнаруживать пренебреженіе *Пандоръ*. Ты это дѣлаешь?

Макъ посмотрѣлъ на него пристальнымъ взглядомъ и сказалъ:

— Ты не задерешь меня! Я не есорюсь изъ-за пустяковъ и не люблю, когда ссорятся. Миѣ нѣтъ дѣла до тѣхъ,

которые ищутъ для себя расположенія у властей, но мнѣ нравятся тѣ, которые не задираются съ ними.

— Ну, не хитри, Макъ, ты—скрытый аристократъ.

— Пожалуй, я—аристократъ въ томъ смыслѣ, что я не хочу подражать слугамъ, передразнивающимъ у себя на застольной своихъ господъ. Я совсѣмъ не интересуюсь этими... господами.

— Другими словами, ты бережешь себя для чего-то лучшаго.

— Очень быть можетъ.

Фебуфисъ ему насмѣшливо поклонился.

— Можешь мнѣ и не кланяться,—спокойно сказалъ ему Макъ.

И Макъ, заплативъ свои деньги, ушелъ ранѣе другихъ изъ таверны.

Объ выходки Фебуфиса, какъ и слѣдовало ожидать, не прошли даромъ: первая оскорбила правительство его страны и Фебуфису нельзя было возвратиться на родину, а вторая подняла противъ него страшную бурю въ самомъ Римѣ и угрожала художнику наемнымъ убійствомъ.

Фебуфисъ отнесся къ тому и къ другому съ полнымъ легкомысліемъ и даже бравировалъ своимъ положеніемъ: онъ ни съ того, ни съ сего написалъ своему государю, что очень радъ не возвращаться, ибо изъ всѣхъ формъ правленія предпочитаетъ республику, а насчетъ картины, компрометировавшей даму и кардинала, объявилъ, что это «мечта живописца», и дозволилъ ее видѣть посетителямъ.

Въ это самое время по Европѣ путешествовалъ одинъ молодой герцогъ, о которомъ тогда говорили, будто онъ располагалъ несмѣтными богатствами. О немъ тогда было очень много толковъ; увѣряли, будто онъ отличался необыкновенною смѣлостью, щедростью и непреклонностью какихъ-то своихъ совершенно особенныхъ и твердыхъ убѣжденій, съ которыми, долго ли, коротко ли, придется посчитаться очень многимъ. Это дѣлало его интереснымъ со стороны политической, а въ то же время герцогъ слылъ за большого знатока и цѣнителя разнообразныхъ произведеній искусства и особенно живописи.

Высокій путешественникъ прибылъ въ Римъ полуинкогнито изъ Неаполя, гдѣ всѣ имъ остались очень довольны. Палекій Римъ ему не понравился. Разказывали, будто онъ

сказалъ какому-то дипломату, что «дѣло поповъ—молиться, но не ихъ дѣло править», и не только не хотѣлъ принимать здѣсь никакихъ официальныхъ визитовъ, но даже не хотѣлъ осматривать и многихъ замѣчательностей вѣчнаго города.

Властямъ, которыя надѣялись вступить съ герцогомъ въ нѣкоторыя сношенія, было крайне неприятно, что онъ собирался уѣхать отсюда ранѣе, чѣмъ предполагалось по маршруту.

Говорили, будто одному изъ наиболѣе любимыхъ путешественникомъ лицъ въ его свитѣ былъ предложенъ богатый подарокъ за то, если оно сумѣетъ удержать герцога на опредѣленное по маршруту время. Это лицо, — кажется, адъютантъ, — любя деньги и будучи смѣло и находчиво, позаботилось о своихъ выгодахъ и сумѣло заинтересовать своего повелителя разсказомъ о скандальномъ происшествіи съ картиною Фебуфиса, которая какъ разъ о ту пору оскорбила римскихъ монаховъ и о ней шелъ говоръ въ художественныхъ кружкахъ и въ свѣтскихъ гостиныхъ.

Хитрость молодого царедворца удалась вдвойнѣ: герцогъ заинтересовался разсказомъ и пожелалъ посѣтить мастерскую Фебуфиса. Этимъ предпочтеніемъ онъ могъ нанести уколъ властнымъ монахамъ, и отъ этого одного у него прошла хандра, но зато она слишкомъ рѣзко уступила мѣсто нетерпѣнью, составлявшему самую сильную черту характера герцога.

Фебуфисъ входилъ въ кругъ идей, для него постороннихъ, и неожиданно получилъ новое значеніе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Тотъ же самый адъютантъ, которому удалось произвести перемѣну въ расположеніи высокаго путешественника, былъ посланъ къ Фебуфису извѣстить его, что такая-то особа, путешествующая подъ такимъ-то никогнитомъ, желаетъ завтра быть въ его мастерской. Фебуфису показалось, что это сдѣлано какъ будто надменно, и его характеръ нашелъ себѣ здѣсь пищу.

— Развѣ вамъ герцогъ такъ любитъ искусство? — спросилъ онъ небрежно у адъютанта.

— Да, герцогъ любитъ искусство.

— И что-нибудь въ немъ понимаетъ?

— Какъ вы странно спрашиваете! Герцогъ прекрасный цѣнитель въ живописи.

— Я слыхалъ только, что онъ хороній покупатель.

— Ибтъ, я говорю вамъ именно то, что и хочу сказать: герцогъ—хороній *цѣнитель*.

— Быть цѣнителемъ, это значить не только знать технику, но имѣть понятія о благородныхъ задачахъ искусства.

— Мм... да!.. Онъ ихъ имѣеть.

— Въ такомъ разѣ вы повезите его къ Маку.

— Кто это Макъ?

— Макъ? Это мой славный товарищъ и славный художникъ. У него превосходныя идеи, и я когда-то пользовался его совѣтомъ и даже началъ было картину «*Бросься внизъ*», но не могъ справиться съ этою идеей.

— *Бросься внизъ?*

— Да... «*Бросься внизъ*».

Гостю показалось, что хозяинъ надъ нимъ обидно шутить, и онъ сухо отвѣтилъ:

— Я не понимаю такого сюжета.

— Позвольте усомниться.

— Я не имѣю привычки шутить съ незнакомыми.

— «*Бросься внизъ*»—это изъ *Евангелія*.

— Я не знаю такого текста.

— Сатана говоритъ Христу: «бросься внизъ».

Адъютантъ сконфузился и сказалъ:

— Вы правы, я вспоминаю,—это сцена на кровлѣ храма?

— Вы называете это «сценою»? Ну, прекрасно, будь по-вашему: станемъ называть евангельскія событія «сценами», но, впрочемъ, все дѣло въ благородствѣ задачи. Обыкновенно вѣдь пишутъ сатану съ рожками, и онъ приглашаетъ Христа броситься за какія-то царства... По идеѣ Мака выходило совсѣмъ не то: его сатана очень внушительный и практическій господинъ, который убѣждаетъ вдохновеннаго правдолюбца только спуститься съ высотъ его духовнаго настроенія и немножко «броситься внизъ», придти отъ правды Бога къ правдѣ герцоговъ и королей, войти съ нимъ въ союзъ... а Христосъ, вы знаете, этого не сдѣлалъ. Макъ думаетъ, что у нихъ илю дѣло объ этомъ, и что Христосъ *на это* не согласился.

— Да, конечно. Это тоже интересно... Но герцогъ вообще хочетъ видѣть всѣ ваши работы.

— Двери моей студии открыты и вангъ повелитель можетъ въ нихъ войти, какъ и всякій другой.

— Онъ непремѣнно желаетъ быть у васъ завтра.

— Непремѣнно завтра?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ, лучше пусть онъ придетъ послѣ-завтра.

— Позвольте!.. По почему же послѣзавтра, а не завтра?

— А почему именно непремѣнно завтра, а не послѣзавтра?

— Нѣтъ, ужъ позвольте завтра!

— Нѣтъ, послѣзавтра!

Адъютантъ молча хлопнулъ нѣсколько разъ глазами, что составляло его привычку въ минуты усиленныхъ соображеній, и проговорилъ:

— Что же это значить?

— Ничего, кромѣ того, что я вамъ сказала, — отвѣчала Фебуфисъ и, вспрыгнувъ на высокій табуретъ передъ большимъ холстомъ, который расписывала, взяла въ руки кисти и палитру.

Все существо его ликовало и озарялось торжествомъ въ самомъ его любимомъ родѣ: онъ могъ глядѣть свысока на стоявшаго около него свѣтскаго человѣка, присланнаго могущественнымъ лицомъ, и, такимъ образомъ, унижалъ и посла, и самого послававшаго.

Адъютантъ не скрывалъ своего непріятнаго положенія и сказалъ:

— Я не могу передать герцогу такого отвѣта.

— Отчего?

— Онъ не терпитъ отказовъ.

— Ну, нечего дѣлать, потерпѣть.

— Онъ не согласится остаться здѣсь до послѣзавтра.

— Чловѣкъ, который такъ любитъ искусство, согласится.

— Онъ назначилъ завтра вечеромъ уѣхать.

— Онъ самъ себѣ господинъ и всегда можетъ отсрочить.

Адъютантъ разсмѣялся и отвѣчалъ:

— Вы оригинальный человѣкъ.

— Да, я не рабская копія.

— Безъ сомнѣнія, герцогъ можетъ остаться вездѣ, сколько ему угодно; но поймите же, что съ нимъ не принято такъ обходиться. Ему нельзя диктовать.

— Значитъ, у него есть характеръ?

— И очень большой.

— Да, говорить, и я слышалъ — это интересно! Такъ вотъ мы его испробуемъ: вы скажите ему, что такъ и быть, нищу его къ себѣ, но только послѣзавтра.

— Прошу васъ, оставьте это, маэстро!

— Не могу, господинъ адъютантъ, не могу, — я тоже, — рекомендуюсь вамъ, — человекъ упямый.

— На что вамъ его **сердить**?

— По совѣсти сказать, ни на что, но мнѣ теперь взопла въ голову такая фантазія, и вы со мною, съ позволенія вашего, ни чорта не подѣласте ради всѣхъ герцоговъ вмѣстѣ и порознь.

— Вы дерзки.

— Хотите дуэль?

— Очень хотѣлъ бы, но, къ сожалѣнію, я теперь не могу принять дуэли.

— Почему?

— Конечно, не потому, что я не желаю васъ убить или страшусь быть убитымъ, но потому, что я состою въ свѣтѣ такого лица, путешествіе котораго не должно сопровождаться никакими скандалами.

— Хорошо, не нужно дуэли, но я вамъ предлагаю пари.

— Какое? въ чемъ оно состоитъ?

— Оно состоитъ вотъ въ чемъ: мнѣ кажется, будто я знаю вашего герцога больше, чѣмъ вы.

— Это интересно.

— Да, и я это утверждаю и держу пари, что если вы передадите ему то, что я вамъ сказалъ, то онъ останется здѣсь еще на день.

— Ни за что на свѣтѣ!

— Вы ошибаетесь.

— Оставимъ этотъ разговоръ.

— А я вамъ ручаюсь, что я не ошибаюсь; онъ чудесно пруждетъ до послѣзавтра, и я вамъ совѣтую принять пари, которое я предлагаю.

— Я желалъ бы знать, въ чемъ же будетъ заключаться самое пари?

— Въ томъ, что если вашъ повелитель останется здѣсь *на три дня*, то вы безъ всякихъ отговорокъ должны исполнить то, что я закажу вамъ; а если онъ не останется, то я исполню любое приказаніе, какое вы мнѣ дадите. Наши

шансы равны, и даже, если хотите знать, я рискую больше, чѣмъ вы.

— Чѣмъ?

— Я не буду знать, точно ли вы передадите мои слова.

— Я передамъ ихъ въ точности; но, въ свою очередь, я могу принять ваше условіе только въ томъ случаѣ, если въ заказѣ, который вы мнѣ намѣрены сдѣлать въ случаѣ моего проигрыша, не будетъ ничего унижительнаго для моей чести.

— Безъ сомнѣнія.

— Въ такомъ случаѣ...

— Вы принимаете мое пари?

— Да.

— Это прелестно: мы заключаемъ пари на герцога.

— Мнѣ неприятно, что вы надѣ этимъ смѣетесь.

— Я не буду смѣяться. Пари идетъ?

— Извольте.

— Я подаю вамъ мою руку съ самыми серьезными намѣреніями.

— Я съ такими же ее принимаю.

Молодые люди ударили по рукамъ, и офицеръ откланялся и ушелъ, а Фебуфисъ, проводивъ его, отправился въ кафе, гдѣ провелъ нѣсколько часовъ съ своими знакомыми и весело шутилъ съ красивыми служанками, а когда возвратился вечеромъ домой, то нашелъ у себя записку, въ которой было написано:

«Онъ остается здѣсь съ тѣмъ, чтобы быть у васъ въ студіи послѣзавтра».

Фебуфисъ небрежно смялъ записку и, улыбувшись, написалъ и послалъ такой же короткій отвѣтъ. Въ отвѣтъ этомъ значилось слѣдующее:

«Онъ пробудетъ здѣсь три дня».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Слѣдующій день Фебуфисъ провелъ, по обыкновенію, за работой и принималъ нѣсколькихъ иностранцевъ, которые внимательно осматривали его талаптливыя работы, а втайнѣ всего болѣе заглядывались на *Messaline dans la loge de Lisisca*, которая занимала большое и видное мѣсто. Картина во весь день не была задернута гобеленомъ, и ее видѣли всѣ, кто посѣтилъ студію.

Потомъ Фебуфисъ былъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя

имѣлъ въ обычаѣ посѣщать ежедневно, по вернулся домой и ѣсколько ранѣе и, запершись дома съ слугою, занялся приведениемъ своей мастерской въ большой порядокъ.

Семейство желчнаго, больного скульптора, обитавшее въ нижнемъ жильѣ, которое находилось подъ ателье Фебуфиса, очень долго слышало шумъ и возню отъ передвиганія тяжелыхъ мольбертовъ. Можно было думать, что художникъ наскучилъ старымъ расположеніемъ своей мастерской, или ему, можетъ-быть, пришла фантазія исполнить какую-нибудь новую затѣю съ *Messaline dans la loge de Isisca*.

Это такъ и было.

На слѣдующій день догадки нижняго семейства подтвердились и разъяснились: тотчасъ послѣ ранней сіесты мастерскую Фебуфиса посѣтилъ именитый путешественникъ въ сопровожденіи двухъ лицъ изъ своей свиты.

Одинъ изъ нихъ былъ престарѣлый, но молодящійся саповникъ, во фракѣ и съ значительнымъ количествомъ звѣздъ. Онъ былъ первый совѣтникъ герцога по всѣмъ дѣламъ, касающимся иностранныхъ сношеній, и занималъ должность начальника этого вѣдомства. Въ числѣ звѣздъ, украшавшихъ его лацкана, были и такія, которыхъ никто другой, кромѣ его, не имѣлъ. Старецъ носилъ превосходно взбитый на головѣ парикъ, блисталъ бѣлѣйшими зубами и былъ подрисованъ и зашнурованъ въ корсетъ. Лѣтъ его были неизвѣстны, но онъ держался бодро, хотя и вздрагивалъ точно подъ ударами вольтова столба. Чтобы маскировать это непроизвольное движеніе, онъ отъ времени до времени дѣлалъ то же самое нарочно. Въ существѣ это была дипломатическая хартія, вся уже выцвѣтшая, но еще кое-какъ разбираемая при случаѣ. Въ немъ была смѣсь джентльмена, маркиза и дворецкаго, но утверждали, будто въ дѣлахъ онъ ловокъ и очень находчивъ. Другой при герцогѣ былъ тотъ самый молодой адъютантъ, съ которымъ Фебуфисъ держалъ свое пари о «завтра и послѣ-завтра».

Самъ герцогъ и оба его провожатые были въ обыкновенномъ партикулярномъ платьѣ, въ которомъ, впрочемъ, герцогъ держался совсѣмъ по-военному. Онъ былъ представительный и даже красивый мужчина, имѣлъ очень широкія манеры и гмѣлъ какъ человекъ, который не боится, что его кто-нибудь остановитъ; онъ поводилъ плечами, какъ-

будто на немъ были эполеты, и шель легко, словно только лишь изъ милости касался ногами земли.

Взойдя въ atelier, герцогъ окинулъ все помѣщеніе глазами и удивился. Опъ какъ-будто увидалъ совсѣмъ не то, что думалъ найти, и остановился посреди комнаты, насушивъ брови, и, оборотись къ адъютанту, сказалъ:

— Это не то.

Адъютантъ покраснѣлъ.

— Это не то, — повторилъ громко герцогъ и, сдѣлавъ шагъ впередъ, подалъ художнику руку.

Фебуфисъ ему поклонился.

— А гдѣ же это?

Фебуфисъ смотрѣлъ съ недоумѣніемъ то на герцога, то на его провожатыхъ.

— Я спрашиваю это... то, что у васъ есть...

— Здѣсь рѣшительно все, что можетъ быть достойно вашего вниманія.

— Но было еще что-то?

— Кое-какой хламъ... пустяки, недостойные вашего вниманія.

— Прекрасно... благодарю, но я не хочу, чтобы вы со мною чинились: не обращайтесь вниманія, что я здѣсь, и продолжайте работать. — я хочу не слыша осмотрѣть все, что есть у васъ въ atelier.

И опъ началъ скоро ходить взадъ и впередъ и вдругъ опять сказалъ:

— Да гдѣ же, наконецъ, *то*?

— Что вы желаете видѣть?—спросилъ Фебуфисъ.

— Что?

Герцогъ гнѣвно метнулъ глазами и не отвѣчалъ, а его адъютантъ стоялъ перекопфуженный, но статскій сановникъ шенуль:

— Герцогъ хочетъ видѣть *ту* картину... *ту* вашу картину... о которой всѣ говорятъ.

— Ахъ, я догадываюсь,—отвѣчалъ Фебуфисъ и откатилъ подставку, на которой стояло обернутое лицомъ къ стѣнѣ полотно съ новымъ многоличнымъ историческимъ сюжетомъ.

— Не то! — вскричалъ герцогъ. — Что изображаетъ эта картина?

— Она изображаетъ знаменитаго въ XVI вѣкѣ живописца Луку Кранаха.

— Ну?

— Онь, какъ извѣстно, былъ почтенъ большою дружбой
Іоанна Великодушнаго.

— А что далѣе?

— Художникъ умѣлъ быть благороднѣе всѣхъ высоко-
рожденныхъ льстецовъ и царедворцевъ, окружавшихъ Іоанна,
и когда печальная судьба обрекла его покровителя на за-
точеніе, его всѣ бросили, кромѣ Луки Крапахъ.

— Очень благородно, но... что еще?

— Лука Крапахъ одинъ добровольно раздѣлялъ неволю
съ Іоанномъ въ теченіе пяти лѣтъ и поддерживалъ въ немъ
душевную бодрость.

— Хорошо!

— Да, они не только не унывали въ заточеніи, но даже
успѣли многому научиться и еще болѣе возбудить свои ду-
шевные силы. Я на своей картинѣ представилъ, какъ они
проводили свое время: вы видите здѣсь...

— Да, я вижу, прекрасно вижу.

— Іоаннъ Великодушный читаетъ вслухъ книгу, а Лука
Крапахъ слушаетъ чтеніе и самъ пишетъ этюдъ нынѣшней
знаменитой вѣнской картины «*Ночь луй Іуды*»...

— Ага! намекъ предателямъ!

— Да, вокругъ узниковъ миръ и творческая тишина;
можно думать, что книга — историческая и, можетъ-быть,
говорить о нравахъ царедворцевъ.

— Дрянъ! — оторвалъ герцогъ. — Вы прекрасно будете по-
ступать, если будете всегда карать эти нравы.

Фебуфисъ продолжалъ указывать муптабелемъ на изо-
браженіе Крапахъ и говорилъ съ оживленіемъ:

— Я хотѣлъ выразить въ лицѣ Крапахъ, что онъ ста-
рается проникнуть характеръ предателя и проникаетъ его...
Онъ изображаетъ Іуду не злымъ, не скупцомъ, продаю-
щимъ друга за ничтожную цѣну, а только узкимъ, раздра-
женнымъ человѣкомъ.

— Вотъ, вотъ, вотъ! Это прекрасно!

— Это человѣкъ, который не можетъ снести широты и
смѣлости Христа, вдохновеннаго мыслью о любви ко всѣмъ
людямъ безъ различія ихъ породы и вѣры. Съ этой картины
Крапахъ началъ ставить внизу монограмму сухого, тощаго
дракона въ пятой манерѣ.

— Помню: сухой и тощій драконъ.

— Есть преданіе, будто онъ растиралъ для этого краску съ настоящею драконовою кровью...

— Да... Но все это не то!—перебилъ его герцогъ.—Гдѣ же то?! Я хочу видѣть вану голую женщину!

— Голую женщину?

— Ну, да, голую женщину!—подсказалъ ему старый са-новникъ.

— Ту голую женщину, которая вчера была на этомъ мольбертѣ,—подсказалъ съ другой стороны адъютантъ.

— Ахъ, вы это называете *то?*..

— Ну, да!

— Да, да.

— Но вы ошибаетесь, полковникъ, это вѣдь было не вчера, а позавчера.

— Оставьте споръ и покажите мнѣ, гдѣ голая женщина?—молвилъ герцогъ.

— Я думалъ, что она не стоитъ вашего вниманія, ваша свѣтлость, и убралъ ее.

— Достаньте.

— Она вынесена далеко и завалена хламомъ.

— Для чего же вы это сдѣлали?

Фебуфисъ улыбнулся и сказалъ:

— Я могу быть откровененъ?

— Конечно!

— Я такъ много слышалъ о вашей строгости, что проработалъ всю ночь за перестановкою моей мастерской, чтобы только убрать нескромную картину въ недоступное мѣсто.

— Не находчиво. Впрочемъ, меня любить представлять звѣремъ, но... я не таковъ.

Фебуфисъ поклонился.

— Я хочу видѣть вану картину.

— Чтобы доставить вамъ удовольствіе, я готовъ проработать другую ночь, но едва могу ее достать развѣ только къ завтрашнему дню.

Посѣтителю понравилась веселая откровенность Фебуфиса, а также и то, что онъ его будто боялся. Лицо герцога приняло смягченное выраженіе.

— Хорошо,—сказалъ онъ:—достаньте. Я остаюсь здѣсь еще до завтра.

Онъ не сталъ ничего больше разсматривать и уѣхалъ съ своими провожатыми, а Фебуфисъ обернулъ опять лицомъ

къ стѣнѣ полотна съ *Сатаной и Кранахомъ*, а *Пандору* поставилъ на мольбертъ и закрылъ гобеленомъ, подвижно ходившимъ на вздержковыхъ кольцахъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Устроивъ у себя въ мастерской все опять какъ было, по-старому, Фебуфисъ пошелъ, по обыкновенію, вечеромъ въ кафе, гдѣ сходились художники, и засталъ тамъ, въ числѣ прочихъ, скульптора, занимавшаго помѣщеніе подъ его мастерскою. Они повидались дружески, какъ всегда было прежде; но скульпторъ скоро началъ поддучивать надъ демократическими убѣжденіями Фебуфиса и рассказалъ о вознѣ, которую онъ слышалъ у него въ мастерской.

— Я не могъ этого понять до тѣхъ поръ, — говоритъ скульпторъ: — пока не увидалъ сегодня входившаго къ тебѣ герцога.

— Да, и когда ты его увидалъ, ты тоже ничего не понялъ.

— Я понялъ, что ты тоже не прочь поддѣлываться.

— Къ кому?

— Къ великимъ міра.

— Ну!

— Въ самомъ дѣлѣ! Да еще къ такимъ, какъ этотъ герцогъ, который, говоритъ, рычитъ, а не разговариваетъ съ людьми по-человѣчески.

— Это неправда.

— Ты за него заступаешься?

— А отчего бы итѣ?

— Онъ тебя причаровалъ?

— Онъ держалъ себя со мною какъ бравый малый... немножко по-сѣдатски, но... онъ мнѣ понравился, и я даже не хотѣлъ бы, чтобы о немъ говорили неосновательно.

— Онъ купилъ чѣмъ-то твоё расположеніе.

Фебуфисъ вспыхнулъ. Его горячій и вспылчавшій нравъ не позволилъ ему ни отпутьиться, ни разъяснить своего поведенія, — онъ увидѣлъ въ намекѣ скульптора нестерпимое оскорбленіе и въ безумной запальчивости отвѣтилъ ему еще болѣе оскорбленіемъ. Завязался споръ и дошелъ до того, что Фебуфисъ схватился за стилетъ. Скульпторъ сдѣлалъ то же, и они мгновенно нанали одинъ на другого. Ихъ розняли, но Фебуфисъ, однако, успѣлъ нанести скульптору

легкую царяину, и самъ получилъ довольно серьезный уколъ въ правую руку.

Въ дѣло сейчасъ же вмѣшалась полиція, — римскія власти обрадовались случаю наказать художника, оскорбившаго своею нескромною картиной кардинала. Фебуфисъ, какъ зачинщикъ схватки, ночью же получилъ извѣщеніе, что онъ долженъ оставить Римъ до истеченія трехъ сутокъ.

Гнѣвъ овладѣлъ Фебуфисомъ въ такой степени, что онъ не заботился о послѣдствіяхъ и сидѣлъ въ своей мастерской, когда къ нему опять вошли герцогъ-*incognito* съ его молодымъ провожатымъ и старцемъ со звѣздою.

Фебуфисъ привсталъ при ихъ входѣ и, держа правую руку на перевязи, лѣвою открылъ картину.

Высокій гость сразу обнявъ взглядомъ «*Пандору*», прищурилъ лѣвый глазъ и расхохотался, — столько было въ ней нескромнаго и въ нескромномъ смѣшного. Картина, видимо, доставляла зрителямъ величайшее наслажденіе и привела герцога въ самое доброе расположеніе. Онъ протянулъ художнику руку. Тотъ извинился, что подаетъ лѣвую руку.

— Принимаю ее, — отвѣчала гость: — она ближе къ сердцу. А, кстати, я слышала, съ вами случилась непріятность?

— Я не обращаю на это вниманія, ваша свѣтлость.

— Однако, васъ высылаютъ изъ палатскихъ владѣній?

— Да.

— Въ этой исторіи я оказываюсь немножко причиненъ... Я былъ бы очень радъ быть вамъ полезенъ.

— Я на это не рассчитываю; но вы были мой гость, и я не хотѣлъ, чтобы о васъ говорили неуважительно.

— Вы поступили очень благородно. Сколько стѣнитъ «*Кранахъ*»?

Фебуфисъ сказалъ цѣну.

— Это дешево. Я ее покупаю и плачу вдвое.

— Это сверхъ мѣры и я...

— Ничего не сверхъ мѣры: благородная идея дорого стѣнитъ. И, кромѣ того, во всякомъ случаѣ, я еще вамъ должникъ. Скажите мнѣ, куда вы теперь намѣрены уѣхать и чтѣ намѣрены дѣлать?

— Я застигнутъ врасплохъ и ничего не знаю.

— Обдумайтесь скорѣе. Вы вѣдь не въ ладахъ съ нашимъ государемъ?

— Да, ваша свѣтлость.

— Это не хорошо. Я могу просить за васъ.

— Покорно васъ благодарю. Я не желаю прощенія.

— Дурно. Впрочемъ, всё вы, художники, всегда съ фантазіями; но я, хотя и не художникъ, а мнѣ тоже иногда приходятъ фантазіи: не хотите ли вы ѣхать со мною?

— Какъ съ вами? Куда?

— Куда Богъ понесетъ. Со мною вы можете уѣхать рапѣе, чѣмъ вамъ назначено, и мы посѣтимъ много любопытныхъ мѣстъ... Кстати, вы мнѣ можете пригодиться при посѣщеніи галлерей; а я вамъ покажу дикія мѣстности и дикій вопиственный народъ, быть котораго можетъ представить много интереснаго для вашего искусства... Другими никакими соображеніями не стѣсняйтесь—это все дѣло товарища, который васъ съ собой приглашаетъ.

Фебуфись стоялъ молча.

— Значитъ, ѣдемъ?—продолжалъ гость.—Сдѣлаемъ вмѣстѣ путешествіе, а потомъ вы свободны. Рука ваша пройдетъ и вы опять будете въ состояніи взяться за кисти и за палитру. Мы разстанемся тамъ, гдѣ вы захотите меня оставить.

— Вы такъ ко мнѣ милостивы,—перебилъ Фебуфись:—я опасуюсь, какъ бы мысль о разлукѣ не пришла очень поздно.

Гость улыбнулся.

— Вы «опасаетесь», вы думаете, что можете пожелать разстаться со мною, когда будетъ «поздно»?

Фебуфись сконфузился своей неясно выраженной мысли.

— Ничего, ничего! Я люблю чистосердечіе... Все, что чистосердечно, то все мнѣ нравится. Я приглашаю васъ быть мнѣ товарищемъ въ путешествіи, и если вы соглашаетесь разстаться со мною на дорогѣ, то я приглашаю васъ къ себѣ, и ручаюсь, что вамъ у меня будетъ не худо. Вы найдете у меня много дѣла, которое можетъ дать просторъ вашей кисти, а я подыщу вамъ невѣсту, которая будетъ достойна васъ умомъ и красотою и дастъ вамъ невозмутимое домашнее счастье. Наши женщины прекрасны.

— Я это знаю,—отвѣчалъ Фебуфись.

— Только онѣ прекрасныя жены, но позировать въ натурѣ не пойдутъ. Такъ это рѣшено: вы мой товарищъ?

— Я вашъ покорнѣйшій слуга.

— Прекрасно! И вы съ этой же секунды увидите, что это довольно удобно: берите шляпу и садитесь со мною.

Распоряженія и сборы объ устройствѣ вашей студии не должны васъ волновать. При ранѣ, хотя бы и не опасной, это вредно... Довѣрьте это ему.

Гость показалъ глазами на своего адъютанта и, оборотивъ слегка въ его сторону, добавилъ:

— Сказать въ посольствѣ, что они отвѣчаютъ за всякую мелочь, которая здѣсь есть. Все уложить и переслать на мой счетъ куда потребуется. Положитесь на него и берите вашу шляпу.

Фебуфисъ протянулъ руку провожатому и сказалъ:

— Мы квиты.

Тотъ всникнулъ.

Герцогъ посмотрѣлъ на молодыхъ людей и произнесъ:

— Что между вами было?

— Пари,— отвѣтилъ Фебуфисъ, и коротко добавилъ, что графъ ему проигралъ маленькую услугу, и теперешнія его заботы онъ принимаетъ за сквитку.

— И прекрасно! Честный человѣкъ всегда платитъ свои долги! А въ чемъ было пари?

Фебуфисъ опять взглянулъ въ лицо адъютанта и ему показалось, что этотъ человѣкъ умретъ сію минуту.

— Извините ваша свѣтлость, — сказалъ Фебуфисъ: — въ это замѣшано имя третьяго лица.

— Ахъ, тайна! Что есть тайна, то и должно оставаться тайною. Я не хочу знать о вашемъ пари. ъдемъ.

Фебуфисъ вышелъ вмѣстѣ съ герцогомъ и съ нимъ же вмѣстѣ уѣхалъ въ роскошное помѣщеніе его посла.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Извѣстіе о томъ, что Фебуфисъ такъ сиѣнно покидаетъ Римъ, и притомъ въ сообществѣ могущественнаго лица, мгновенно облетѣло всѣ художественные кружки. Фебуфисъ теперь не удалялся изъ Рима какъ изгнанникъ, а онъ выступалъ какъ человѣкъ, который одержалъ блистательную побѣду надъ своими врагами. Никто не сомнѣвался, что Фебуфисъ не испугался бы изгнанія изъ Рима, и, можетъ-быть, вышелъ бы отсюда еще съ какою-нибудь новою дерзостью; но выйти такъ величественно, какъ онъ теперь выходитъ съ могущественнымъ покровителемъ, который добровольно назвался его «товарищемъ», это было настоящее торжество. Всѣ говорили: «А герцогъ-то, значить, совсѣмъ

не такой грубый человекъ, какъ о немъ рассказываютъ. Вопль оный какъ прость и какъ привѣтливъ! Что ни говори, а оный достоинъ симпатій!»

И вотъ молодые художники, — всѣ, кто зналъ Фебуфиса, побросали работы и веселою гурьбою отправились на первую станцію, гдѣ надлежало перемѣнять лошадей въ экипажи путешественника и его свиты. Всѣ они хотѣли проводить товарища и даже привѣтствовать его великодушнаго покровителя. Въ числѣ провожатыхъ находились и Пикъ, и Макъ.

Здѣсь были цвѣты, вино, пѣсни и даже было сочинено наскоро величанье «покровителю художниковъ».

Герцогъ былъ очень доволенъ сюрпризомъ: оный не спѣшилъ прерывать прощаніе товарищей, и даже самъ поднялъ бокалъ за «товарищей» и за процвѣтаніе «всего изящнаго и благороднаго въ мірѣ».

Это возбудило такой всеобщій восторгъ, что герцогу уѣхаль, сопровождаемый долго неумолкавшими кликами самаго непритворнаго и горячаго восторга.

Экипажъ, въ которомъ ѣхали Фебуфисъ и адъютантъ, съ разрѣшенія герцога, остался здѣсь до утра, когда оба путешественника были уложены въ коляску и, удаляясь, должны были долго слышать вслѣдъ за собою нетрезвые крики друзей, смѣшавшихъ имя Луки Крапахъ съ именемъ Фебуфиса и имя герцога съ именемъ Іоакна Великодушнаго. Болѣе всѣхъ шумѣлъ Пикъ.

— Пѣть, каковъ герцогъ! Каковъ этотъ суровый, страшный герцогъ! — кричалъ оный весь въ поту, съ раскраснѣвшимся лицомъ.

— Смотри, будь счастливъ, Фебуфисъ! — вторили Пикъ другіе.

— О, оный будетъ счастливъ! Оный долженъ быть счастливъ съ такимъ покровителемъ!

— Еще бы! такое покровительство хоть кого выведетъ къ всемірной славѣ, тѣмъ болѣе Фебуфиса. Но какъ оный это обдѣлалъ?

— А это штука; но что бы кто ни говорилъ, я ручаюсь за одно, что Фебуфисъ не дозволилъ себѣ ничего такого, что бы могло бросить тѣнь униженнаго некательства на его поведеніе!

— Конечно, конечно!

— Я тамъ не былъ, но я это чувствую... и я за это ручаюсь,—настаивалъ Пикъ.

— Конечно, конечно!.. Изъ насъ никто тамъ не былъ, но мы всё ручаемся, что Фебуфисъ не сказалъ ни одного унижительнаго слова, что онъ не сдѣлалъ передъ герцогомъ ни одного поклона ниже, чѣмъ слѣдуетъ, и вообще... онъ... вообще...

— Да, вообще... вообще Фебуфисъ—благородный мальшй, и если скульпторъ имѣетъ объ этомъ иное мнѣнiе, то онъ можетъ потребовать отъ каждаго изъ насъ отдѣльныхъ доказательствъ въ залѣ фехтовальныхъ уроковъ, а Фебуфису мы пошлемъ общее письмо, въ которомъ напишемъ, какъ мы ему вѣримъ, какъ возлагаемъ на него самыя лучшiя наши надежды и клянемся ему въ товарищеской любви и преданности до гроба.

— До гроба! до гроба!

Но въ это время кто-то крикнулъ:

— Вы поклянитесь на своихъ мечахъ!

Всѣ обернулись туда, откуда шелъ этотъ голосъ, и увидели Мака.

Одинъ Макъ до сихъ поръ упорно молчалъ, и это обижало Пика; теперь же, когда онъ прервалъ свое молчанiе фразой изъ Гамлета, Пикъ обидѣлся еще болѣе.

— Я не ожидалъ этого отъ тебя, Макъ,—сказалъ онъ и затѣмъ вспрыгнувъ на столъ и, снявъ съ себя шляпу, вскричалъ:

— Друзья, здѣсь шутки Мака неумѣстны! Восторгъ не должно оношлять! Восходить солнцу, я гляжу въ его огненное лицо: я вижу восходящее свѣтило, я кладу мою руку на мое сердце, въ которое я умѣстилъ мою горячую любовь къ Фебуфису. Я призываю тебя, великiй въ дружбѣ Крапахъ!.. Кладите, друзья, свои руки не на мечи, а на ваши сердца, и поклянемся доказать нашу дружбу Фебуфису всѣмъ и всегда... и всегда... и всегда... да... да... да!

И пришедшаго въ восторгъ Пика стало истерически дергать горло, и всѣ его поняли, схватили его со стола, подняли его и всѣ поклонились въ чемъ-то на своихъ сердцахъ.

И затѣмъ опять шли и шѣли всѣ, кромѣ Мака, который тихо всталъ и, выйдя въ садъ, нашелъ скрывавшуюся въ густой куртнѣ молодую женщину. Это было Марчелла. Она стояла одиноко у дерева, какъ бы въ окаменѣнiи. Макъ тронулъ ее за плечо и сказалъ ей:

— Тебѣ пора домой, Марчелла. Пойдемъ, я провожу тебя.
— Благодарю, — отвѣчала Марчелла и пошла съ нимъ
ридомъ, но, пройдя недалеко по каменистой дорогѣ, остано-
вилась и сказала:

— Меня покидаютъ силы.

— Отдохнемъ.

Они сѣли. До нихъ долетали звуки пьяныхъ пѣсень.

— Какъ они противно поютъ! — уронила Марчелла.

— Да, — отвѣчалъ Макъ.

— Онъ пропадетъ?

— Не знаю, да и ты не можешь этого знать.

— Мое сердце это знаетъ.

— Твое сердце и здѣсь его не спасало.

— Ахъ, да, добрый Макъ, не спасало.

— Что же будемъ дѣлать?

— Жалѣй его вмѣстѣ со мною!

И она братски поцѣловала Мака.

А тамъ все еще пѣли.

Такого взрыва восторженныхъ чувствъ друзья не видали
давно, и, что всего лучше, ихъ широкое, начатое съ аффек-
таціей и поддержанное виномъ, не минуло безслѣдно. Ху-
дожники на другой день не только послали Фебуфису обще
и всѣми ими подписанное письмо, но продолжали интересо-
ваться его судьбою, а его много обѣщавшая судьба и сама
скоро начала усугублять ихъ вниманіе и сразу же обѣщала
сдѣлаться интересною, да и въ самомъ дѣлѣ скоро таковою
сдѣлалась въ дѣйствительности.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Фебуфисъ вскорѣ же прислалъ первыя письма на имя
Пика. Какъ въ жизни и въ искусствѣ, такъ и въ письмахъ
своихъ онъ стремился быть болѣе красивымъ, чѣмъ нату-
ральнымъ и искреннимъ; но, тѣмъ не менѣе, письма его
чрезвычайно нравились Пикю и тѣмъ изъ ихъ говарницъ, кото-
рые имѣли средняго свойства самоувѣющихъ художествен-
ныхъ натуръ воспоминаемаго времени. Стоило молодой бу-
фетчицѣ кафе, куда адресовалась корреспонденція малень-
каго Пика, показать конвертъ, надписанный на его имя,
какъ всѣ вскричали:

— Не отъ Фебуфиса ли? Письмо отъ Фебуфиса!

И если письмо было действительно отъ Фебуфиса, то Пикъ кивалъ утвердительно головою и всѣ вдругъ кричали:

— Друзья, письмо отъ Фебуфиса! Радость и вниманіе! Пишетъ товарищъ и другъ вѣнценосца! Читай, Пикъ!

Пикъ подчинился общему желанію, раскрывалъ письмо, запечатанное всѣмъ знакомою камеей Фебуфиса, и читалъ. Тотъ описывалъ видѣнія имъ мѣстности, музеи, дворцы и палаты, а также свои личные впечатлѣнія и особенно характеръ своего великодушнаго покровителя и свои взаимныя съ нимъ отношенія. По правдѣ сказать, это особенно всѣхъ интересовало. Ихъ отношенія часто приводили художниковъ въ такой восторгъ, что они всѣ чувствовали себя какъ бы объединенными съ высокимъ лицомъ чрезъ Фебуфиса. Въ ихъ дружескомъ кругѣ не упоминалось болѣе официальное величаніе этой особы, а вмѣсто всего громкаго титула ему дали отъ сердца испешнее имя: «великодушный товарищъ».

Иначе его не называлъ никто, кромѣ Мака, который, впрочемъ, имѣлъ отъ природы недовѣрчивый характеръ и былъ склоненъ къ насмѣлкѣ надъ всякими шумными и падутыми чувствами и восторгами; но на него не обращали много вниманія: онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ ворчунъ и, можетъ-быть, портилъ прямую линію самодовлѣющему искусству, наклоняя его къ «еретическому культу служенія идеямъ».

По поводу путевыхъ впечатлѣній Фебуфиса Макъ не ликовалъ: онъ не только не интересовался ими, но даже былъ рѣзокъ и удивлялся: чтѣ въ нихъ можетъ интересовать другихъ? Когда всѣ слушали, чтѣ описываетъ Фебуфистъ, Макъ или лѣниво зѣвалъ, или слѣдилъ глазами по печатнымъ строчкамъ газеты, ища встрѣтить имя Джузепе Гарибальди, тогда еще известное очень немногимъ, въ числѣ которыхъ, впрочемъ, были Марчелла и Макъ (Пикъ звалъ ихъ: «организмы изъ укуснаго гнѣзда». *Укусное гнѣздо* тогда было въ заводѣ). Понятно, что человѣку такого духа было мало нужды до «путешествія съ герцогомъ».

По взглядамъ Мака, Фебуфистъ былъ талантливый человекъ, который пошелъ по дурной дорогѣ, и въ виду чего-нибудь болѣе достойнаго имъ не стоить заниматься.

— Ты—«черный воронъ», Макъ,—говорилъ ему съ обидою въ голосѣ Пикъ.—Завѣщай намъ, чтобы мы изъ тебя сдѣлали пугало.

— А ты, мой милый Пикъ, настоящій теленокъ, и изъ тебя безъ всякаго твоего завѣщанія когда-нибудь пригото- вить такой же шнель-клѣнсъ, какъ изъ твоего Фебуфиса.

— А изъ Фебуфиса уже готовятъ шнель-клѣпсъ?

— Ну, конечно.

Послѣ такихъ перемоловъ Пикъ давалъ себѣ слово ни- чего не говорить о Фебуфисѣ въ присутствіи Мака, но, однако, не выдерживалъ и при всякомъ новомъ извѣстіи спѣ- шиль возвѣститъ его при Макѣ. Да и трудно было удер- жаться, потому что извѣстія приходили одно другого эффек- тнѣе. На шнель-клѣнсъ не было ничего похожего, — напро- тивъ, между Фебуфисомъ и его покровителемъ образовалась такая настоящая, товарищеская дружба, что можно было опасаться: нѣтъ ли тутъ преувеличеній?

— Шнель-клѣпса не будетъ!—говорилъ Пикъ, похлопы- вая Мака.

Но Макъ отвѣчалъ:

— Будетъ!

И вдругъ, въ самомъ дѣлѣ, зашло шнель-клѣпсомъ: при- шло письмо, въ которомъ Фебуфисъ описывалъ, какъ они сдѣлали большой переѣздъ верхами по горамъ, обитаемымъ дикимъ воинственнымъ племенемъ. Прекрасно были опи- саны виды неприступныхъ скалъ, паденіе гремящихъ по- токовъ и удивительное освѣщеніе высей и дымящихся въ туманѣ ущелій и долинъ; потомъ описывались живописныя одежды горцевъ, ихъ воинственный видъ, мужество, отвага и простота ихъ патріархальныхъ обычаевъ, при которой сохранилось полное равенство, и, въ то же время, друже- ственность и гостепрѣимство съ ласковостью, доходящею до готовности сдѣлать пріятное гостю даже съ рискомъ соб- ственной жизни.

«Въ одномъ мѣстѣ,—описывалъ Фебуфисъ:—я былъ чрез- вычайно тронутъ этою благородною чертой и у насъ даже дошло дѣло до маленькой неприятности съ моимъ натро- номъ. Впрочемъ, все это сейчасъ же было заглажено и отъ неприятнаго не осталось ни малѣйшаго слѣда,—напротивъ, мы еще болѣе сблизились, и я послѣ этого полюбилъ его еще болѣе».

— Начинается что-то любопытное,—вставилъ слово Макъ.

— Да, конечно, — отвѣчалъ Пикъ:— вѣдь ты слышишь: они «еще болѣе сблизились»; но слушайте, я продолжаю:

«Мы еще болѣе сблизились»... Да, вотъ гдѣ я остановился: «мы сблизились,—мы ѣхали вдоль узкой, покрытой кремнистою осыпью, тропинки, которая висѣла надъ обрывомъ горной рѣчки. По обѣимъ сторонамъ тропы возвышались совершенно отвѣсныя, точно какъ бы обрубленныя скалы гранита. Обогнувъ одинъ загибъ, мы стали лицомъ къ отвѣсной стѣнѣ, такъ сильно освѣщенной солнечнымъ блескомъ, что она вся казалась намъ огненною, а на ней, въ страшной высотѣ, надъ свѣсившимися нитями зеленого діорита, мы увидали какой-то разсыпчатый огненный комъ, который то разлетался искрами, то вновь собирался въ кучу и ставился густымъ. Мы всѣ недоумѣвали, что это за метеоръ; но наши проводники сказали намъ, что это просто рой дикихъ пчелъ. Горцы отлично знаютъ природу своего дикаго края и имѣютъ преострое зрѣніе: они опредѣлили намъ, что этотъ рой только-что отроился отъ стараго гнѣзда, которое живетъ здѣсь же гдѣ-нибудь въ горной трещинѣ, и что тамъ у нихъ долженъ быть медъ. Герцогъ пошутилъ, что здѣшнія пчелы очень предусмотрительны, что, живучи между смѣлыхъ людей, онѣ нашли себѣ такой пріютъ, гдѣ ихъ не можетъ потревожить человѣкъ самый безстрашный. Но старшій въ нашемъ эскортѣ, сѣдоволосый горецъ, со множествомъ ремешковъ у пояса, на которыхъ были нанизаны засохшіе носы, отрубленные у убитыхъ имъ неприятелей, покачалъ своей красивою, бѣлою головой и сказалъ:

«— Ты не правъ, господинъ,—въ нашихъ горахъ нѣтъ для насъ мѣстъ недоступныхъ».

«— Ну, этому я повѣрю только тогда, — отвѣчалъ герцогъ:—если мнѣ подадутъ отвѣдать ихъ меда».

«Услыхавъ это, старый горецъ взглянулъ въ глаза герцогу и спокойно отвѣтилъ:

«— Ты попробуешь этого меда».

«Съ этимъ онъ сейчасъ же произнесъ на своемъ языкѣ какое-то, намъ непонятное, слово, и одинъ молодой красавецъ - паѣздникъ изъ отряда въ ту же минуту повернулъ своего коня, гиннулъ и исчезъ въ ущельѣ. А старикъ молчаливымъ жестомъ руки далъ намъ знакъ остановиться».

«Мы остановились, и должны были это сдѣлать, потому что всѣ наши провожатые стали какъ вкопанные и не двигались съ мѣста... старецъ сидѣлъ на своемъ конѣ неподвижно, глядя вверхъ, гдѣ свивался и развивался золотн-

стый рой. Герцогъ его спросилъ: «Что это будетъ?» — по онъ отвѣтилъ: «увидишь», и сталъ крутить въ грязныхъ пальцахъ свои сѣдые усы.

«Такъ прошло не болѣе времени, чѣмъ вы, можетъ-быть, употребите на то, чтобы прочесть мои строки, и вдругъ наверху скалы, надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ вился рой, промелькнулъ отдѣлившійся отъ насъ всадникъ, а еще черезъ мгновеніе мы увидали его, какъ онъ слѣзился около гребня скалы и сталъ спускаться на тонкомъ, совсѣмъ незамѣтномъ издали, ремнѣ, и повисъ въ воздухѣ надъ страшной пропастью.

«Герцогъ вздрогнулъ, сказалъ: «Это чортъ знаетъ, что за люди!» и на минуту закрылъ рукой глаза.

«Мы всѣ замерли и затаили дыханіе, но горцы стояли спокойно и старикъ спокойно продолжалъ крутить свои сѣдые усы, а тотъ, межъ тѣмъ, снова поднялся наверхъ и черезъ пять минутъ былъ опять среди насъ и подалъ герцогу кусокъ сотоваго меда, воткнутый на остриѣ блестящаго книжала.

«Герцогъ, къ удивленію моему, похвалилъ его холодно; онъ приказалъ адъютанту взять медъ и дать горцу червонецъ, а самъ тронулъ поводъ и поѣхалъ далѣе. Во всемъ этомъ выразалась какъ будто вдругъ откуда-то вырвавшаяся противная, властительная надменность.

«Это было сдѣлано такъ грубо, что меня взбѣсило. Я не выдержалъ себя, торопливо снялъ съ руки тотъ мой дорогой брилліантовый перстень, который подарила мнѣ извѣстная вамъ богатая англичанка, и, сжавъ руку молодого смѣльчака, надѣлъ ему этотъ перстень на палецъ, а горецъ отстранилъ отъ себя протянутую къ нему адъютантомъ руку съ червонцемъ и подалъ мнѣ медъ на книжалѣ. И я его взялъ. Я не могъ его не взять отъ горца, который, отстранивъ герцогскій подарокъ, охотно принялъ мой перстень, и, взявъ мою руку, приложилъ ее къ своему сердцу; но далѣе я соблюлъ вѣжливость: я тотчасъ же подалъ медъ герцогу, только онъ не взялъ... онъ фхалъ, отворотясь въ сторону. Я подумалъ, что онъ обидѣлся; но это у меня промелькнуло въ головѣ и сейчасъ же исчезло, вытѣсненное живымъ ощущеніемъ, которое сообщало мнѣ вдохновляющее спокойствіе горца.

«Его сердце билось такъ же ровно, какъ бьется сердце

человѣка, сиравляющаго пріятную сіесту. Ни страхъ ми-
нувшей опасности, ни оскорбленіе, которое онъ долженъ
былъ почувствовать, когда ему хотѣли заплатить черво-
нецъ, какъ за акробатское представленіе, ни мой дорогой
подарокъ, стоимость котораго далеко превосходила цѣн-
ность трехсотъ червонцевъ,—ничто не заставило его чув-
ствовать себя инымъ, чѣмъ создала его благородная при-
рода. Я былъ въ такомъ восторгѣ, что совсѣмъ позабылъ
о неудовольствіи герцога и, вынувъ изъ кармана мой до-
рожный альбомъ, сталъ наскоро срисовывать туда лицо
горца и всю эту сцену. Художественное было мнѣ дорого
до той степени, что я совсѣмъ имъ увлекся, и когда кон-
чилъ мои кроки, молча подѣхалъ къ герцогу и подаль
ему мою книжку; но, вообразите себѣ, онъ былъ такъ
невѣжливъ, что отстранилъ ее рукой и рѣзко сказалъ: «Я
не требовалъ, чтобы мнѣ это было подано. Чортъ возьми,
вы знаете, я къ этому не привыкъ!» Я спокойно поло-
жилъ мою книжку въ карманъ и отвѣчалъ: «Я извинюсь!»
Но и это простое слово его такъ страшно уязвило, что онъ
сжалъ въ рукѣ судорожно поводья и взглядъ его засверкалъ
бѣшенствомъ, а между губъ выступила свинцовая полоска.

«Я помнилъ спокойствіе горца и на все это сверканіе
обратилъ нуль вниманія и... я побѣдилъ грубость герцога.
Мы поѣхали дальше; я все прекрасно владѣлъ собою, но
въ немъ кивѣла досада и онъ не могъ успокоиться: онъ
оглянулся разъ, оглянулся два и потомъ сказалъ мнѣ:

«— Знаете ли вы, что я никогда не позволю, чтобы
кто-нибудь поправлялъ то, что я сдѣлалъ?»

«— Нѣтъ, не знаю,—отвѣчалъ я и добавилъ, что я вовсе
не для того и показывалъ ему мой рисунокъ, чтобы тре-
бовать отъ него замѣчаній, потому что я тоже не люблю
постороннихъ поправокъ, и притомъ я увѣренъ, что съ
этого наброска современемъ выйдетъ прекрасная картина.

«Тогда онъ сказалъ мнѣ уже повелительно: «Покажите
мнѣ сейчасъ вашъ рисунокъ».

«Я хотѣлъ отказать, но улыбнулся и молча подаль ему
альбомъ.

«Герцогъ долго разсматривалъ послѣдній листокъ: онъ
былъ въ худо-скрываемомъ бореньи надъ самимъ собою и,
повидимому, переламывалъ себѣ и потомъ взглянулъ мнѣ
въ глаза съ холодною и злою улыбкой и произнесъ:

«— Вы хорошо рисуете, но не хорошо обдумываете ваши поступки.

«— Что такое?—спросилъ я спокойно.

«— Я чуть-чуть не уронилъ вашъ альбомъ въ пропасть.

«— Что за бѣда?—отвѣчалъ я.—Этотъ смѣльчакъ, который сейчасъ досталъ медь, вѣроятно, досталъ бы и мой альбомъ.

«— А если бы я вырвалъ отсюда листокъ, на которомъ вы зачертили меня съ такимъ особеннымъ выраженіемъ?

«— Я передалъ то выраженіе, которое у васъ было.

«— Все равно, кто-нибудь на моемъ мѣстѣ очень могъ пожелать уничтожить такое свое изображеніе.

«Я былъ въ расположеніи отвѣчать дерзко на его дерзости и сказалъ, что я нарисовалъ бы то же самое во второй разъ и только прибавилъ бы еще одну новую сцену, какъ рвутъ довѣренный альбомъ,—но, добавилъ я,—я вѣдь зналъ, что вы не «кто-нибудь» и что вы этого не сдѣлаете.

«— Почему?

«— Потому, что вы въ вашемъ положеніи должны умѣть владѣть собою и не позволить намъ, простымъ людямъ, превосходить васъ въ благородствѣ и великодушіи.

«Лицо герцога мгновенно измѣнилось: онъ позеленѣлъ и точно съ спазмами въ горлѣ прошипѣлъ:

«— Вы забылись!.. мнѣ тоже нельзя дѣлать и наставленій,—и на губахъ его опять протянулась свинцовая доска.

«Это все произошло изъ-за куска меда и изъ-за того, что онъ не сумѣлъ какъ должно поблагодарить полудикаго горца за его отвагу, а я это поправилъ... Это было для него несносное оскорбленіе; но я хотѣлъ, чтобы мнѣ не было до его фантазій никакого дѣла. Въмѣсто того, чтобы прекратить разговоръ сразу, я сказалъ ему, что никакихъ наставленій не думалъ дѣлать и о положеніи его имѣю такое уважительное мнѣніе, что не желаю допускать въ немъ никакихъ понижающихъ сближеній.

«Онъ не отвѣчалъ мнѣ ни слова, и, вообразите, мнѣ показалось, что онъ утомился; но—позоръ человѣчества!—въ это же время я вдругъ замѣтилъ, что изъ всѣхъ его окружающихъ на меня не смотритъ ни одинъ человѣкъ и всѣ они держатъ своихъ коней какъ можно плотнѣе къ нему, чтобы оттереть меня отъ него или оборонить отъ меня. Во-

обще, не знаю, что такое они хотѣли, но, во всякомъ случаѣ, что-то противное и глупое.

«Я осадилъ своего коня и, поровнявшись съ тѣмъ горцемъ, который доставалъ медь, похвалъ съ нимъ рядомъ.

«Только здѣсь, теперь, въ безмолвномъ сосѣдствѣ этого отважнаго дикаря, я почувствовала, какъ я самъ былъ потрясенъ и взволнованъ. Съ нимъ миѣ было несравненно пріятнѣе, чѣмъ въ важной свитѣ, составленной изъ людей, которые сдѣлались миѣ до того непріятны, что я не хотѣлъ дышать съ ними однимъ воздухомъ и рѣшился на первой же остановкѣ распростереться съ герцогомъ и уѣхать въ Испанію или хоть въ Америку»...

— Прекрасно!—перебилъ Макъ.

— Нѣтъ, ты подожди, что будетъ еще далѣе!—вставилъ Пикъ.

— Я всему предпочелъ бы, чтобы онъ сдержалъ это намѣреніе и этимъ кончилъ.

— Нѣтъ, ты услышишь!

Другіе вскричали:

— Да ну васъ къ чорту съ вашими переговорами! Письмо гораздо интереснѣе, чѣмъ ваши рѣшители!.. Читай, Пикъ. читай!

Пикъ продолжалъ чтеніе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

«Я былъ очень золъ на себя, что предпринялъ это путешествіе съ герцогомъ, на котораго, признаться сказать вамъ, я однако, не питалъ ни гнѣва, ни злобы. Все это у меня ушло почему-то на долю его окружающихъ. Настроеніе было препротивное: всѣ молчали. Такъ мы доѣхали до почлега, гдѣ намъ было приготовлено сносное для здѣшней дикой страны помѣщеніе. Всѣ имѣли лица съ самымъ патинутымъ, а нѣкоторые съ смѣннымъ и даже съ жалкимъ выраженіемъ. Если бы я не былъ очень недоволенъ собою, то я всего охотнѣе занялся бы занесеніемъ въ мой альбомъ этихъ лицъ, разсматривая которыхъ, всякій порядочный человѣкъ, навѣрное, сказалъ бы: «вотъ та компанія, въ которой не пожелаешь себя увидѣть въ серьезную минуту жизни!» Но миѣ было не до того, чтобы ихъ срисовывать. Притомъ же, это было бы уже крайне грубо. Я теперь

имѣлъ твердое намѣреніе немедленно же отстать отъ нихъ и ѣхать въ Америку.

«Не понижая своего тона и способа держаться, я не старался и скрывать своего раздраженія,—я отдалился отъ компаніи и не хотѣлъ ни ѣсть, ни спать подъ одною съ ними кровлей. Я отошелъ въ сторону и легъ на травѣ надъ откосомъ и вдругъ захотѣлъ спать. Этимъ въ моей счастливой организаціи обыкновенно выражается кризисъ моихъ волненій: я хочу спать и сплю, и во снѣ мои досажденія проходятъ или, по крайней мѣрѣ, смягчаются и представляются мнѣ послѣ въ болѣе сносномъ видѣ. Но я не успѣлъ разоснаться, какъ кто-то тронулъ меня за плечо; я открылъ глаза и увидаль герцога, который сидѣлъ тутъ же, возлѣ меня, на травѣ, и, не дозволивъ мнѣ встать, сказалъ:

«— Простите меня, что я васъ разбудилъ. Я не ожидалъ, чтобы вы такъ скоро уснули, а я отыскалъ васъ и хочу съ вами говорить.

«И сейчасъ же вслѣдъ за этимъ онъ сталъ горячо извиняться въ своей запальчивости. На меня это страшно подействовало, и я старался его успокоить; но онъ съ негодованіемъ говорилъ со своей «проклятой привычкѣ» не удерживаться и о ничтожествѣ характеровъ окружающихъ его людей. Онъ былъ такъ искрененъ и такъ уменъ и милъ, что я забылъ ему все неспріятное и зашелъ въ своемъ порывѣ дальше, чѣмъ думалъ. Можетъ-быть, я сдѣлалъ большую глупость, но это уже непоправимо. Я, навѣрное, удивлю васъ. Да! узнайте же, мои друзья, что я себя намѣтилъ мѣсто, и теперь приспѣло время выслать мнѣ мои вещи, но не на мое имя, а на имя герцога, такъ какъ я, *какъ другъ его*, отправляюсь съ нимъ въ его страну... Да, мои друзья, да, я называю его «другомъ» и ѣду къ нему. Это рѣшено и не можетъ быть переменено, а рѣшено это тутъ же, на этомъ ночлегѣ, среди дикихъ скалъ, каплющихъ дикимъ медомъ. Не я просился къ нему и набивался съ моею дружбой, а онъ просилъ меня «не оставлять его» и ѣхать съ нимъ въ его страну, гдѣ я встрѣчу для себя большое поприще и, конечно, окажу услуги искусству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ему. Герцогъ—испорченная, но крупная натура, и я хочу быть полезенъ *ему*; его стала любить моя душа за его искренніе порывы, свидѣтельствующіе о несомнѣнномъ благородствѣ его природы, испорченной болѣе всего

раболѣшною и льстивою средой. Я могу внести и, конечно, внесу въ эту среду иное. А кстати еще объ этой природѣ и объ этой средѣ. Среда эта удивительна и вамъ трудно составить себѣ о ней живое понятіе. Я уже писалъ вамъ, какъ послѣ исторіи съ медомъ на кишжалѣ эти люди смѣшно отъ меня удалялись; но они еще смѣшнѣе опять со мною сблизились: это случилось за ужиномъ, къ которому онъ подвелъ меня подъ руку, а потомъ вскорѣ сказалъ:

«— Удивительно, какъ сильно вліяетъ на человѣка такой грубый приборъ, какъ его желудокъ: усталость и голодъ въ теченіе знойнаго дня довели меня до несправедливости передъ нашими художественнымъ другомъ, а теперь, когда я сытъ и отдохнулъ, я ощущаю полное счастье оттого, что умѣлъ заставить себя просить у него извиненія.

«Это произвело на всѣхъ дѣйствіе магическое, а когда герцогъ добавилъ, что онъ увѣреетъ, что кто любитъ его, тотъ будетъ любить и меня, то усиліямъ показать мнѣ любовь не стало предѣла: всѣ лица на меня просіяли и всѣ сердца, казалось, хотѣли выпрыгнуть ко мнѣ на тарелку и смѣшаться съ маленькими кусками особливимъ способомъ приготовленной молодой баранины. Мнѣ говорили:

«— Не тужите о родинѣ, которая васъ отвергла! У насъ будетъ одинъ отецъ и одна родина, и мы всѣ будемъ любить васъ, какъ брата!

«Все это у нихъ дѣлается такъ примитивно и такъ просто, что не можетъ быть названо хитростью и неспособно обмануть никого насчетъ ихъ характеровъ, и мнѣ кажется, что я буду жить, по крайней мѣрѣ, съ самыми безхитростными людьми въ цѣломъ свѣтѣ».

Письмо кончалось лаконическою припиской, что слѣдующія извѣстія будутъ присланы уже изъ владѣній герцога. И Пикъ, дочитавъ листъ, сталъ его многозначительно складывать и спросилъ Мака:

— Ну, какъ тебѣ это нравится?

— Не дурно для начала,—процѣдилъ неохотно Макъ и сейчасъ же добавилъ, что это напоминаетъ ему рассказъ объ одномъ безпечномъ туркѣ.

— Какомъ туркѣ?—переспросилъ Пикъ.

— Котораго однажды его падишахъ велѣлъ посадить на колъ.

— Я ничего не понимаю.

— Все дѣло въ томъ, что когда этого турка посадили на колы, онъ сказалъ: «это не дурно для начала» и сталъ опускаться.

— Что же тутъ сходнаго съ положеніемъ нашего товарища?

— Фебуфисъ сѣлъ на колы и опускается.

— Ты отвратительно золь, Макъ!

— Нѣтъ, я не золь.

— Ну, завистливъ.

— Еще выдумай глупости!

— Тебѣ это письмо не нравится?

— Не нравится.

— Что же именнѣ тебѣ въ немъ не нравится: медь, кинжалъ, сцена у скалы, сцена съ альбомомъ?

— Мнѣ не нравится сцена съ желудкомъ!

— То-есть?

— Я не люблю положеній, въ которыхъ человѣкъ можетъ чувствовать себя въ зависимости отъ расположенія желудка другого человѣка.

— Ну, вѣтъ!

— Да, и въ особенности гадко зависѣть отъ расположенія желудка такого человѣка, по гримасамъ котораго къ тебѣ считаютъ долгомъ оборачиваться лицомъ или спиною другіе. Согласясь жить съ ними, Фебуфисъ сѣлъ на колы, и тотъ, кто сталъ бы ему завидовать, былъ бы слѣпой и глухой человѣкъ.

— Ты, кажется, назвалъ меня глупцомъ?

Макъ посмотрѣлъ на него и замѣтилъ:

— Кажется, ты ко мнѣ хочешь придираешься?

— А если бы и такъ.

Макъ промолчалъ.

— Ты, навѣрное, желаешь этимъ пренебречь.

Макъ молча повелъ плечами и хотѣлъ встать.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?—приставалъ къ нему Пикъ, слегка заграждая ему путь рукой.

Макъ тихо отвелъ его руку; но Пикъ сталъ ему на дороге и, покраснѣвъ въ лицѣ, настоятельно сказалъ:

— Нѣтъ, ты не долженъ отсюда уходить!

— Отчего я не могу уходить?

— Я вызываю тебя на дуэль!

Макъ улыбнулся.

— За что на дуэль?—сказалъ онъ, тихо поднимая себѣ на плечо свою альмавиву.

— За все!.. за то, что ты мнѣ надоѣдалъ своими на-смѣшками; за то, что ты издѣваешься надъ отсутствующимъ товарищемъ, который... котораго... которому...

— Распутайся и скажи яснѣе...

— Мнѣ все ясно... который поднимаетъ нмя и положеніе художника, котораго я люблю и хочу защищать, потому что онъ самъ здѣсь отсутствуетъ, и которому ты... которому ты, Макъ, положительно завидуешь.

— Теперь ты, въ самомъ дѣлѣ, глупъ.

— Что же съ этимъ дѣлать?

— Не знаю, но я ухожу.

— Уходишь?

— Да.

— Такъ ты трусъ, и вотъ тебѣ оскорбленіе! — и съ этимъ Пикъ бросилъ Маку въ лицо бутылочную пробку.

Макъ побѣднѣлъ и, схвативъ Пика за ниворотъ, под-нялъ его къ открытому окну на улицу и сказалъ:

— Ты можешь видѣть что мнѣ ничего не стѣнитъ вы-швырнуть тебя на мостовую, но...

— Нѣтъ, идемъ сейчасъ въ фехтовальный залъ.

— Но вѣдь это глупо!

— Нѣтъ, идемъ! Я тебя зову... я требую тебя въ фех-товальный залъ! — кричалъ Пикъ.

— Хорошо, дѣлать нечего, идемъ. Но ты знаешь что?

— Что?

— Я тамъ непременно обрублю тебѣ носъ.

Пикъ отъ бѣшенства не могъ даже отвѣтить, а черезъ часъ друзья, бывшіе въ залѣ свидѣтелями неосторожнаго фехтовальнаго урока, уводили его подъ руки, и Пикъ, въ самомъ дѣлѣ, держалъ носовой платокъ у своего носа. Макъ въ точности сдержалъ свое обѣщаніе и отрѣзалъ рапирой у Пика самый кончикъ носа, но не такой, какъ рѣжутъ дикари, надѣвающіе носы на вздержку, а только самый маленькій кончикъ, какъ самая маленькая золотая монета индскаго чекана.

Честь обоихъ художниковъ была удовлетворена, какъ требовали ихъ понятія, и все это повело къ неожиданнымъ и прекраснымъ послѣдствіямъ. О событіи съ носомъ Пика никто не сообщалъ Фебуфису; но отъ него въ непродолжи-

тельномъ же времени было получено письмо, въ которомъ, къ общему удивленію, встрѣтилось и упоминаніе о носѣ. Въ этомъ письмѣ Фебуфисъ уже описывалъ столицу своего покровителя. Онъ очень сдержанно говорилъ о ея климатѣ и населеніи, не распространялся и объ условіяхъ жизни, но зато очень много и напыщенно сообщалъ объ открытой ему дѣятельности и о своихъ широкихъ планахъ.

Это должно было выражать и обхватывать что-то необъятное и свѣтлое какъ въ прямомъ, такъ и въ иносказательномъ смыслѣ: чувствовалось, что въ головѣ у Фебуфиса какъ будто распустилъ хвостъ очень большой павлинъ, и художникъ уже положительно мечталъ направлять герцога и при его посредствѣ развить вкусъ въ его подданныхъ и быть для нихъ благодѣтелемъ: «расписать ихъ небо».

Ему были нужны помощники, и онъ звалъ къ себѣ товарищей. Онъ звалъ всѣхъ, кто не совсемъ доволенъ своимъ положеніемъ и хочетъ болѣе широкой дѣятельности (деньги на дорогу можно безъ всякихъ хлопотъ получать отъ герцога представителя въ Римѣ).

Особенно онъ рекомендовалъ это для Пика, про котораго онъ какимъ-то удивительнымъ образомъ узналъ его исторію съ носомъ и имѣлъ слабость рассказать о ней герцогу (герцога все интересуется въ художественномъ мірѣ). Правда, что носъ заставилъ его немного посмѣяться, но зато самый характеръ добраго Пика очень расположилъ герцога въ его пользу. При этомъ Фебуфисъ присовокуплялъ, что для него самого пріѣздъ Пика былъ бы очень большимъ счастіемъ, «потому что, какъ ему ни хорошо на чужбинѣ, но есть минуты...»

Пикъ скомкалъ письмо и вскрѣкнулъ:

— Вотъ это и есть самое главное! Я его узнаю и понимаю: какъ ему тамъ ни хорошо, но, тѣмъ не менѣе, онъ чувствуетъ, что «есть минуты», — я понимаю эти минуты... Это,—когда человѣку нужна родная, вполнѣ его понимающая душа... Я ему благодаренъ, что онъ въ этихъ размышленіяхъ вспомнилъ обо мнѣ, и я къ нему ѣду.

Пикъ совѣтовали хорошенько подумать; но онъ отвѣчалъ, что ему не о чемъ думать.

— По крайней мѣрѣ, дай хорошенько зажечь твоему носу. Онъ вздохнулъ и отвѣчалъ:

— Да, хотя Макъ и оскорбилъ мнѣ кончикъ носа, и мнѣ неприятно, что мы съ нимъ въ ссорѣ, но я съ нимъ помирюсь передъ отъѣздомъ, и онъ, навѣрное, скажетъ, что мнѣ тамъ приставить носъ.

Затѣмъ Пикъ безъ дальнѣйшихъ размышленій сталъ собираться, и прежде чѣмъ успѣлъ окончить свои несложные сборы, какъ предупредительно получилъ сумму денегъ на путешествіе.

Этимъ послѣднимъ вниманіемъ Пикъ былъ такъ растроганъ, что «хотѣлъ обнять міръ», и началъ это съ Мака.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Онъ побѣжалъ къ Маку, кинулся ему на шею и заговорилъ со слезами:

— Что же это, милый Макъ, неужто мы все будемъ въ ссорѣ? Я пришелъ къ тебѣ, чтобы помириться съ тобою и прижать тебя къ моему сердцу.

— Радъ и я, и отвѣчаю тебѣ тѣмъ же.

— Вѣдь я люблю тебя попрежнему.

— И я тоже тебя люблю.

— Ты такъ жестокъ, что не хотѣлъ сдѣлать ко мнѣ шага, по все равно: я самъ сдѣлалъ этотъ шагъ. Для меня это даже отрадише. Не правда ли? Я бѣгомъ бѣжалъ къ тебѣ, чтобы сказать тебѣ, что... тамъ... далеко... куда я ѣду...

— Ахъ, Пикъ, для чего ты туда ѣдешь?

— Между прочимъ, для того, чтобы ты могъ шутить, что мнѣ тамъ приставить носъ.

— Я вовсе не хочу теперь шутить и самымъ серьезнымъ образомъ тебя спрашиваю: зачѣмъ ты ѣдешь?

— Это не мудроно понять: я ѣду, чтобы жить вмѣстѣ съ нашимъ другомъ Фебуфисомъ и съ нимъ вмѣстѣ совершить службу искусству и вообще высокимъ идеямъ. Но ты опять улыбаешься. Не отрицай этого, я подстерегу твою улыбку.

— Я улыбаюсь потому, что, во-первыхъ, не вѣрю въ возможность служить высокимъ идеямъ, состоя на службѣ у герцоговъ...

— А во-вторыхъ?.. Говори, говори все откровенно!

— Во-вторыхъ, я ни тебя, ни твоего тамошняго друга не считаю способными служить такимъ идеямъ.

— Прекрасно! Благодарю за откровенность, благодарю!—

лепетать Пикъ:—и даже не спорю съ тобою: здѣсь мы не велики птицы, но тамъ...

— Тамъ вы будете еще менѣе, и я боюсь, что васъ тамъ оциплютъ и слопаютъ.

— Почему?

— О, чортъ возьми, —еще почему? Ну, потому, что у тамошнихъ птицъ и носы, и перья,—все здоровѣе вашего.

— Грубая сила не много значить.

— Ты думаешь?

— Я увѣренъ.

— Дитя! А я тебѣ говорю: оциплютъ и слопаютъ. Это не можетъ быть иначе: грачъ и ворона всегда разорвутъ мягкоклювую птичку, и вдобавокъ еще эта ваша разнузданная художественность... Вамъ ли перевернуть людей упрямыхъ и крѣпкихъ въ своемъ невѣжествѣ, когда вы сами ежеминутно готовы свернуться на всѣ стороны!

— Я прошу тебя, Макъ, не разбивай меня: я рѣшился.

— Ты просишь, чтобы я замолчалъ?

— Да.

— Хорошо, я молчу.

— А теперь еще одна просьба: ты не богатъ и я не богатъ... мы оба равны въ томъ отношеніи, что оба бѣдны...

— Это и прекрасно, зато до сихъ поръ мы оба были свободны и никому ничѣмъ не обязаны.

— Не обязаны!.. Ага! Тутъ опять есть шпилька: хорошо, я ее чувствую... Ты и остаешься свободнымъ; но я теперь уже не свободенъ, —я обязанъ, я взялъ деньги и обязанъ тому, кто мнѣ далъ эти деньги, но я ихъ заработаю и отдамъ.

— Да; по крайней мѣрѣ, но забывай объ этомъ и поспѣши отдать долгъ какъ можно скорѣе.

— Я тебѣ даю мое слово: я буду спѣшить. Фебуфисъ пишетъ, что тамъ много дѣла.

— Какого?.. «Расписывать небо», или писать баталіи, или голыхъ женщинъ на зеркалахъ въ чертогахъ герцога?

— Ну, все равно, ты всегда найдешь, чѣмъ огорчить меня и надъ чѣмъ посмѣяться; но я къ тебѣ съ такою просьбой, въ которой ты мнѣ не долженъ отказать при разлукѣ.

— Пожалуйста, говори ее скорѣе.

— Нѣтъ, ты дай прежде слово, что ты мнѣ не откажешь.

— Я не могу дать такого слова.

— Видишь, какъ ты упрямя.

— Это не упрямство: нельзя давать словъ и обѣщаній, не зная, въ чемъ дѣло.

— Ты, какъ художникъ, любишь славу?

— Любилъ.

— А теперь развѣ уже не любишь?

— Теперь не люблю.

— Что же это значитъ?

— Это значитъ, что я узналъ нѣчто лучшее, чѣмъ слава.

— И любишь теперь это «нѣчто» лучшее болѣе, чѣмъ извѣстность и славу?.. Прекрасно! Я понимаю, о чемъ ты говоришь: это все про народныя страданія и прочее, въ чемъ ты согласишься съ Джузене... А знаешь, есть мифы... Ты не обидишься?

— Бываютъ всякія мифы.

— Говорятъ, что онъ авантюристъ.

— Это кто?

— Твой эгоистъ Гарибальди; но я знаю, что ты его любишь, и не будешь его разбирать.

Макъ въ это время тщательно обминалъ рукой стеариновый оплиивъ около свѣтильни горѣвшей передъ ними свѣчи и ничего не отвѣтилъ. Шикъ продолжалъ:

— Я не понимаю только, какъ это честный человѣкъ можетъ желать и добиваться себѣ полной свободы дѣйствій и отрицать такое же право за другими? Если хочешь вредить другимъ, то не надо сердиться и на нихъ, когда они защищаются и тоже тебѣ вредятъ...

— Говори о чемъ-нибудь другомъ! — произнесъ Макъ.

— Да, да; правда: это не въ твоемъ родѣ и ты уже сердись, а я все это виляю оттого, что боюсь сказать тебѣ прямо: мнѣ прислали на дорогу денегъ.

— Поздравляю.

— И я нахожу, что мнѣ много присланныхъ денегъ... Макъ, осчастливь меня: возьми себѣ изъ нихъ половину, чтобы имѣть возможность написать свою большую картину.

— Отойди, сатана! — отвѣчалъ Макъ, шутливо отстраняя отъ себя Шика, который вдругъ выхватилъ изъ кармана бумажникъ и сталъ совать ему деньги.

— Возьми!.. Умоляю! — приставалъ Шикъ.

— Ну, пересталь, оставь это.

— Отчего же? Неужто тебѣ весь вѣкъ все откладывать произведеніе, которое сдѣлаетъ тебя славнымъ въ мірѣ, и мазикать на скорую руку для продажи твои маленькіе жанры?

— Я не вижу въ этомъ ни малѣйшаго горя: мои маленькіе жанры дѣлаютъ дѣло, которое лучше самой большой картины.

— Ну, мой другъ, что обольщаться напрасно!

— Я не обольщаюсь.

— Посмотри, сколько твоихъ жанровъ висятъ по таверна-памъ: ихъ и не видить лучшее общество.

— Лучшее общество! А чортъ его побери, это лучшее общество! Оно для меня ничего не дѣлаетъ, а мои жанры меня кормятъ и шевелятъ кое-чью совѣсть. Особенно радуюсь, что они есть по тавернамъ. Нѣтъ, мнѣ чужихъ денегъ не нужно, а если у тебя такъ много денегъ, что онѣ тебѣ въ тягость, то толкнись въ домикъ къ Марчеллѣ и спроси, нѣтъ ли ей въ нихъ надобности?

— Марчелла! Ахъ, добрый Макъ, это правда. Я ему, однако, напому о ней... я заставлю его о ней подумать...

— Нѣтъ, не напоминай! Найдется такой, который на-помнитъ! Пойдемъ въ таверну и будемъ лучше пить на прощанье. Ни о чемъ грустномъ больше не слова.

Друзья надѣли шляпы и пошли въ таверну, гдѣ собра-лись ихъ другіе товарищи и всю ночь пили пированье, а на другой день Пика усадили въ почтовую карету и про-водили опять до той же станціи, до которой провожали Фебуфиса. Карета умчалась, и Пикъ подъ звукъ почтальон-скаго рожка прокричалъ друзьямъ послѣднее обѣщаніе: «писать все и обо всемъ», но сдержалъ свое обѣщаніе только отчасти, и то въ теченіе очень непродолжительнаго времени.

Макъ видѣлъ въ этомъ дурной признакъ: наивный, но честный и прямодушный Пикъ, безъ сомнѣнія, въ чемъ-ни-будь былъ серьезно разочарованъ, и, не умѣя лгать, онъ молчалъ. Спусти нѣкоторое время, однако, Пикъ началъ писать, и письма его, въ одно и то же время, подкрѣпляли подозрѣнія Мака и приносили вѣсти, сколько интересныя, столько же и забавныя.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Для начала онъ, разумѣется, описывалъ въ нихъ только свою встрѣчу съ Фебуфисомъ и какъ они оба въ первую же ночь «напились по-старинному, вспоминая всѣхъ далекихъ, оставшихся въ Римѣ друзей», а потомъ писалъ о столицѣ герцога, о ея дорогомъ стоящихъ, но не очень важныхъ по монтировкѣ музеяхъ, о состояніи искусства, о его техникѣ и направленіи и о предъявляемыхъ къ нему здѣсь требованіяхъ. Все это, въ настоящемъ художественномъ смыслѣ, для людей понимающихъ дѣло было жалко и ничтожно; но затѣмъ содержаніе писемъ измѣнилось и Пикъ скоро забредилъ о женщинахъ. Онъ неустанно распространялся о женщинахъ, въ изученіи которыхъ вдругъ обнаружилъ поразившіе Мака разносторонніе успѣхи. По его описаніямъ выходило, что въ этой странѣ всего лучше женщины. Особенно онъ превозносилъ ихъ милую женственность и ихъ удивительную скромность. «Самый амуръ здѣсь совершаетъ свой полетъ не иначе, какъ благословясь и въ тихомъ безмолвіи, на безшумныхъ крылышкахъ, — писалъ Пикъ. — Кто чувствуетъ склонность къ семейной жизни и желаетъ выбрать себѣ вѣрную и достойную подругу, тотъ долженъ ѣхать сюда и здѣсь онъ, навѣрное, найдетъ ее. Самъ герцогъ — образцовый супругъ и, любя семейную жизнь, онъ покровительствуетъ бракамъ. Это даетъ патриархальный тонъ и направленіе жизни. Случается, что герцогъ самъ даже бываетъ сватомъ и послѣ заботится о новобрачныхъ, которыхъ устроилъ. Дѣвушки въ хорошихъ семействахъ здѣсь такъ тщательно оберегаются отъ всего, что можетъ вредить ихъ цѣломудрію, что иногда не знаютъ самыхъ обыкновенныхъ вещей, — словомъ, онѣ наивны и милы, какъ дѣти. Очень скромны и взрослые. Такова жизнь. Что вездѣ считается вполне позволительнымъ, какъ, напримеръ, обѣдать въ ресторанахъ или ходить и ѣздить одной женщиной по городу, — здѣсь все это почитаютъ за неприличіе. Ни одной сколько-нибудь порядочной женщины не встрѣтишь въ наемномъ экипажѣ и не увидишь въ самомъ лучшемъ ресторанѣ. Если бы женщина пренебрегла этимъ, то ее сочли бы падшею и передъ нею не только закрылись бы навсегда всѣ двери знаковыхъ домовъ, но и мужчины изъ прежнихъ знако-

мыхъ позволили бы себѣ съ нею раскланяться развѣ только въ густыя сумерки. О дѣвушкахъ нечего и говорить: онѣ подѣ постоянною опекой. Я часто сравниваю все это съ тѣмъ, что видѣлъ раньше среди римлянокъ и наѣзжихъ въ вашъ «вѣчный городъ» иностранокъ, и мнѣ здѣсь и странно, и нравится, я чувствую себя тутъ точно въ дѣвственномъ лѣсу, гдѣ все свѣжо, полно силъ и... странная вещь! — но я вспоминаю тебя, Макъ, и начинаю размышлять социальна и политически. А почему? А вотъ почему: ты все любишь размышлять объ упадкѣ нравовъ и объ общихъ бѣдствіяхъ и ищешь отъ нихъ спасенія... Ахъ, другъ, можетъ-быть, спасеніе-то именно здѣсь, гдѣ стѣнитъ волѣ захотѣть, чтобы что-нибудь сдѣлалось, и оно сейчасъ же становится возможнымъ, а не захотѣть — все станетъ невозможно? И все это оттого, что жизнь удержана въ удобной формѣ».

Дочитавъ письмо до этого мѣста, Макъ положилъ листокъ и сталъ собирать на него мастихиномъ загустѣвшія на палитрѣ краски. Соображенія Пика его болѣе не интересовали, а на вопросы товарищей о томъ, что пишетъ Пикъ, онъ отвѣчалъ:

— Пикъ пишетъ, что онъ живетъ въ такомъ любопытномъ городѣ, гдѣ женщины цѣломудренны до того, что не знаютъ, отчего у нихъ рождаются дѣти.

— Вотъ такъ разъ!

— Что же? Этимъ вѣдь, пожалуй, можно быть довольнымъ,—замѣтили другіе и стали дѣлать по этому случаю различныя предположенія.

— Да,—отвѣчалъ Макъ:—и онъ этимъ очень доволенъ.

— По-моему, онъ тамъ можетъ неожиданно и скоро жениться.

— А отчего и нѣтъ, если тамъ это выгодно?

— Въ такихъ мѣстахъ что больше и дѣлать!—заклучилъ Макъ:—или учиться, или жениться. Учиться трудно—жениться занятіе.

На письмо же то, о которое Макъ вытеръ свой мастихинъ, онъ вовсе не отвѣчалъ Пикку, но, вспоминая иногда о пріятелѣ, въ самомъ дѣлѣ, думалъ, что онъ можетъ жениться.

— Отчего, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ? Вѣдь несомнѣнно, что есть такой соргъ дѣятелей, которые прежде начала испол-

нея всякихъ своихъ плановъ надѣваютъ себѣ на шею эту расписанную колодку. Почему же не сдѣлать этого и Пикку? или даже они оба тамъ съ этого начнутъ и, пожалуй, на этомъ и кончатъ.

И подозрѣніе еще усиливалось тѣмъ, что въ новомъ письмѣ Пикъ писалъ уже не о женищинахъ вообще, а особенно объ одной избранницѣ, которую онъ въ шаловливомъ восторгѣ называлъ именемъ старинной повѣсти: «Прелестная Пеллегрина или несравненная жемчужина». Онъ о ней много рассказывалъ. Макъ долженъ былъ узнать изъ этого письма, что «прелестная Пеллегрина» была дочь за-служеннаго воина, покрытаго самыми почтенными сѣдинами, ранами и орденами. Пеллегрина получила отъ природы милое, исполненное невинности лицо, осѣненное золотыми кудрями, а герцогъ далъ ей за заслуги отца на свой счетъ самое лучшее образованіе въ монастырѣ, укрывавшемъ ее отъ всякихъ соблазновъ во всѣ годы отрочества. Пикъ увидалъ ее первый разъ на выпускномъ экзаменѣ, гдѣ она пѣла, какъ Пери, одѣтая въ бѣлое платье, и, рыдая, прощалась съ подругами дѣтства, а потомъ произошла вторая, повидимому, очень значительная встрѣча на лѣтнемъ праздникѣ въ загородномъ герцогскомъ замкѣ, гдѣ Пеллегрина въ скромномъ уборѣ страдала отъ надменности богато-убранныхъ подругъ, которыя какъ только переодѣлись дома, такъ и перемѣнились другъ къ другу. Тутъ зато Пеллегрина показала умъ и характеръ: она все видѣла и поняла, но совсѣмъ не дала замѣтить, что страдаетъ отъ окружающей кичливости, и тѣмъ до того заинтересовала маленькаго Пика, что онъ познакомился съ ихъ домомъ и сталъ здѣсь какъ родственникъ. Онъ то играетъ въ шахматы съ воиномъ, покрытымъ сѣдинами, то ходитъ по лѣсамъ и полямъ съ Пеллегриною. Отецъ Пеллегринны, добродушный простякъ, безконечно ему вѣритъ и только посылаетъ съ ними заслуженную и вѣрную служанку (онъ самъ давно вдовъ и на войнѣ храбръ, но дома, въ нѣдрахъ своего семейства, кротче агнца). Впрочемъ, Пикъ и Пеллегрина пока только собираютъ бабочекъ и букашекъ, при чемъ наивность Пеллегринны доходитъ до того, что она иногда говоритъ Пикку: «Послушайте, вы художникъ, посмотрите, пожалуйста, — вы должны знать—это букачъ или буканика?»

Макъ не сталъ отвѣчать и на это письмо, а затѣмъ отъ

Пика пришелъ только листочекъ съ описаніемъ маскарадовъ, которые ему казались верхомъ жизненнаго великолѣнія, и съ возвышеніемъ о большомъ путешествіи, которое онъ и Фебуфисъ намѣревались сдѣлать лѣтомъ съ художественною цѣлью внутрь страны. На томъ переписка друзей оборвалась.

Въ Римѣ если не совсѣмъ позабыли о Фебуфисѣ и о Пикѣ, то, во всякомъ случаѣ, къ нимъ охладѣли и весь случай съ Фебуфисомъ всиномали какъ странность, какъ капризъ или аристократическую прихоть герцога.

— Въ самомъ дѣлѣ, для чего этому отдаленному властителю Фебуфисъ? Чего онъ съ нимъ возится? Неужто онъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ страстно любитъ искусство, или онъ не видалъ лучшаго художника? Не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ сначала капризъ и желаніе сдѣлать колкость чернымъ королямъ Рима? Неужто, въ самомъ дѣлѣ, въ XIX вѣкѣ станутъ повториться Іоаннъ съ Лукой Крапахомъ? Вздоръ! Совсѣмъ не тѣ времена, ничто не можетъ ихъ долго связывать и, безъ сомнѣнія, фаворъ скоро отойдетъ и герцогъ его бросить.

— А, можетъ-быть, его немножко удержать трусость.

— Передъ кѣмъ и передъ чѣмъ?

— Передъ талантливымъ художникомъ, который всегда можетъ найти средство отплатить за дурное съ собою обращеніе.

— Какія глупости! какія наивныя, дѣтскія глупости! Что вы о себѣ и о нихъ думаете? Какое это средство?—спросилъ Макъ.

— Полотно, на которомъ можно все увѣковѣчить. А Фебуфисъ всегда останется талантомъ.

Макъ махнулъ рукою и сказалъ:

— Вы дѣти! Повѣрьте, что тому, кому ввѣрилъ себя упоминаемый вами «талантъ», никакой стыдъ не страшень. Онъ, я думаю, почелъ бы за стыдъ знать, что такое есть боязнь стыда; а что касается «таланта», то съ нимъ расправа коротка: ничто не помѣшаетъ оставить этотъ талантъ и безъ полотна, и безъ красокъ, и даже безъ Божьяго свѣта. Да и безъ того... этотъ талантъ выцвѣтетъ... Не забывайте, что птицы съ ярко-цвѣтнымъ опереніемъ, перелинявъ разъ въ клѣткѣ, утрачиваютъ свою красивую окраску.

— Но зато онѣ выигрываютъ въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ.

— Да, онѣ обыкновенно жирѣютъ, перестаютъ дичиться, утрачиваютъ легкость и подвижность, — вообще становятся, что называется, *ручными*.

Но намъ время оставить теперь этихъ пессимистовъ и оптимистовъ и послѣдовать за Фебуфисомъ и Пикомъ, съ которыми, въ ихъ новой обстановкѣ, произошли событія, имѣвшія для нихъ роковое значеніе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

По прибытіи въ столицу своего покровителя, Фебуфисъ не былъ имъ покинутъ и позабытъ. Напротивъ, онъ тотчасъ же былъ прекрасно устроенъ во всѣхъ отношеніяхъ и не лишался даже знаковъ дружбы и вниманія, которыми пользовался во время путешествія. Конечно, теперь они видѣлись рѣже и бесѣдовали при другихъ условіяхъ, но все-таки положеніе Фебуфиса было прекрасное и возбуждало зависть въ мѣстномъ обществѣ и особенно среди приближенныхъ герцога. Повелитель, котораго боялись и трепетали всѣ его подданные, держалъ себя съ привезеннымъ художникомъ заносто, и Фебуфисъ этой лиціи не протіялъ. Къ чести его, онъ значительно измѣнился и, вкусивъ мало меду на кипжалѣ, посбавилъ съ себя заносчивости, а держался такъ скромно, какъ этого требовало положеніе. Участіе въ придворной жизни его не тяготило: сначала это ему было любопытно само по себѣ, а потомъ стало интересно и начало втягивать какъ въ пучину... Еще позже это стало ему нравиться... Какъ-никакъ, но это была жизнь: здѣсь все-таки шла безпрестанная борьба и кипѣли страсти и шевелились умы, созидавшіе планы интригъ. Все это похоже на игру живыми шанками и при пустотѣ жизни дѣлаетъ интересъ. Фебуфисъ сталъ чувствовать этотъ интересъ.

Такою вовсе не рассчитанною и не умыленною пере мѣной въ своемъ поведеніи Фебуфисъ чрезвычайно утѣшилъ своего покровителя, и герцогъ сталъ изливать на него еще большія милости. Художнику дали отличное помѣщеніе, усвоили ему почетное званіе и учредили для него особенную должность съ большимъ содержаніемъ и съ подчиненіемъ ему прямымъ или косвеннымъ образомъ всѣхъ художественныхъ учреждений. Положеніе Фебуфиса, въ са-

момъ дѣлѣ, какъ-будто готовилось напоминать нѣкоторымъ образомъ положеніе Луки Крапаха. Правда, не всѣ смотрѣли на это серьезно, но, по мнѣнію многихъ, Фебуфисъ будто могъ уже оказывать вліяніе на отношенія своего могущественнаго протектора къ людямъ разнообразныхъ положеній, и у него явились ласкатели и искатели. Когда герцогъ посѣщалъ его мастерскую, онъ, въ самомъ дѣлѣ, говорилъ не объ одномъ искусствѣ, а и о многомъ другомъ, о чемъ не всѣ смѣли надѣяться имѣть съ нимъ бесѣды. Человѣка съ такимъ положеніемъ привѣчали лица, занимающія самыя высокія и почетныя должности. Фебуфисъ быстро очутился въ такъ-называемомъ лучшемъ обществѣ и здѣсь тоже держалъ себя съ большимъ достоинствомъ. Для пріобрѣтенія вѣса и значенія въ этомъ обществѣ ему не нужно было употреблять никакихъ усилій, все давалось ему даромъ, но все это ему скоро прискучило. Герцогъ тотчасъ замѣтилъ это и сказалъ ему: «ты не въ своей компаніи» — и предложилъ ему выписать къ себѣ кого-нибудь изъ его римскихъ друзей, при чемъ самъ же и назвалъ Пика.

Пикъ, сколь извѣстно, былъ выписанъ и представленъ герцогу, но онъ ему не понравился,—герцогъ нашелъ, что «онъ очень смѣшонъ», и велѣлъ назначить его преподавателемъ искусствъ въ избранномъ воспитательномъ женскомъ заведеніи, что и погубило Пика, сблизивъ его съ златокудрою дочерью покрытаго сѣдинами война.

Съ прибытіемъ Пика Фебуфису стало веселѣе; они работали и понемножку предавались кутежамъ, въ которыхъ, впрочемъ, находили здѣсь только хмельной чадъ, но не веселье. Оба они чувствовали себя здѣсь не по себѣ и оба другъ отъ друга это скрывали. Иногда они собирались оказывать какое-то большое вліяніе на что-то въ искусствѣ, но всякій разъ это кончалось ничѣмъ. Обо всемъ надо спрашивать у герцога, а онъ не любилъ не имъ задуманныхъ переменъ. Фебуфисъ скоро понялъ, что шпурокъ, на которомъ онъ ходитъ, довольно коротокъ, а Пикъ въ предѣлахъ своей дѣятельности не пробовалъ быть смѣлѣе: онъ далъ дѣвицамъ рисовать торсы, вмѣстѣ рыцарей въ шлемахъ, и за это, совершенно для него неожиданно, былъ посаженъ на военную гауптвахту «безъ объясненій». Это его такъ обидѣло, что онъ тотчасъ же хотѣлъ бросить все и уѣхать въ Римъ; но, вмѣсто того, отечески прощенный гер-

погомъ, тоже «безъ объясненій», ночель эту неприятность за неважное и остался.

— Что дѣлать, если это здѣсь бываетъ со всѣми.

Работать друзья могли только по заказамъ герцога, и онъ же былъ и цѣнителемъ ихъ произведеній. Въ искусствѣ все зависѣло отъ него, какъ и во всемъ прочемъ: онъ осматривалъ всѣ произведенія учениковъ съ мѣломъ въ рукѣ и писалъ своею рукой на картинѣ свое безапелляціонное рѣшеніе. Фебуфисъ — ихъ главный руководитель — при этомъ только стоялъ и молчалъ. Пикъ говорилъ ему: «Для чего ты не возразишь?» — но тотъ не возражалъ. Безъ сомнѣнія, онъ понималъ, что находится здѣсь только для вида и для парада. Программы допускались только старыя, совсѣмъ не отвѣчавшія новымъ живымъ стремленіямъ, обозначавшимся уже въ другихъ европейскихъ школахъ. Въ Римѣ слышали объ этомъ «академизмѣ» и смѣялись надъ нимъ. Фебуфису, по-настоящему, надо было сознаться, что его положеніе неспасно, и уйти отъ него; но въ немъ жила фальшивая гордость: онъ не хотѣлъ быть синицею, которая летала нагрѣвать шиломъ море. Онъ рѣшался лучше кое-что перенести и пошелъ по этой дорогѣ уступокъ, чувствуя, что она вьется куда-то, все понижаясь, подъ гору, но раздражительно отрицалъ это, коль скоро то же самое замѣчали другіе. Въ такихъ бореніяхъ ему былъ тяжекъ и Пикъ и еще болѣе нѣкоторые умные люди изъ мѣстныхъ, и особенно главный начальникъ внутренняго управленія, по фамиліи Шеръ, который самъ слылъ за художника и, въ самомъ дѣлѣ, разумѣлъ въ искусствѣ больше, чѣмъ герцогъ. Этотъ, какъ его называли, «внутренній Шеръ» былъ уменъ, пьянъ и безстыденъ, и допускалъ со всѣми очень странное, фамиллярное обращеніе, близко граничившее съ наглостью. Фебуфиса онъ, повидимому, считалъ ниже, чѣмъ бы тому хотѣлось, и называлъ его «величайшимъ мастеромъ по утвержденному герцогомъ образцу».

Это приводило Фебуфиса въ досаду, но, тѣмъ не менѣе, кличка плотно къ нему пристала.

И директоръ былъ не одинъ, который смотрѣлъ на привезеннаго герцогомъ фаворитнаго артиста, какъ на что-то полусмѣшное, полужалкое, изъ чего, можетъ-быть, гдѣ-то, пожалуй, и сдѣлали бы что-нибудь цѣнное, но изъ чего здѣсь ничего выйти не должно и не выйдетъ. Все это,

однако, нимало не погѣнило Фебуфису прогрессъ въ странѣ, сдѣлавшейся его новымъ отечествомъ, за величайшаго мастера, который понялъ, что чистое искусство гибнетъ отъ тлетворнаго давленія соціальныхъ тенденцій, и чтобы сохранить святую чашу неприкосновенною, онъ принесъ ее и поставилъ къ ногамъ герцога. Герцогъ ее не оттолкнулъ, какъ онъ не отталкиваетъ ничего, что можно спасти. Приѣзжіе мастера заставляли будто завидовать столицѣ герцога всѣ тѣ страны, гдѣ искусство падало, нисходя до служебной роли гражданскимъ и соціальнымъ идеямъ. И за то они отблагодарятъ герцога,—они въ угоду ему расписиуть небо. Пика это не испортило, потому что, при ограниченности его дарованія, онъ оставался только тѣмъ, чѣмъ былъ; но Фебуфисъ скоро сталъ замѣчать свою отсталость въ виду произведеній художниковъ, трудившихся безъ покровителей, но на свободѣ, и онъ сталъ ревновать ихъ къ славѣ, а самъ поощрялъ въ своей школѣ «непосредственное творчество», изъ котораго, впрочемъ, выходило подъ-ридъ все только одно очень посредственное. Общій европейскій восторгъ при появленіи картины Каульбаха «*Сраженіе гунновъ съ римлянами*», наконецъ, былъ нестерпимымъ ударомъ для его самолюбія. Фебуфисъ почувствовалъ, что вотъ пришелъ въ міръ новый великій мастеръ, который повлечетъ за собою послѣдователей въ идейномъ служеніи искусству. Тогда Фебуфисъ рѣшительно сталъ на сторону противоположнаго направленія, а герцогъ это одобрилъ и поручилъ ему «произвести что-нибудь болѣе значительное, чѣмъ картина Каульбаха».

Внутренній Шеръ его расцѣловалъ и сказалъ ему за объѣдомъ въ клубѣ на «ты»:

— Пришло твое время прославиться!

По герцогскому приказу Фебуфисъ началъ записывать огромное полотно, на которомъ хотѣлъ воспроизвести сюжетъ еще болѣе величественный и смѣлый, чѣмъ сюжетъ Каульбаха,—сюжетъ «гдѣ человѣческіе характеры были бы выражены въ борьбѣ съ силой стихій»,—помѣстивъ тамъ и себя, и другихъ и, вмѣсто пораженія Каульбаху, воспроизвелъ какое-то смѣшеніе псевдо-классицизма съ псевдо-натурализмомъ. Въ Европѣ онъ этимъ не удивилъ никого, но герцогу угодилъ какъ нельзя болѣе.

— Тебѣ это удалось,—сказалъ герцогъ:—но всего бо-

лѣе похвально твое усердіе, и оно должно быть награждено.

Ему отпустили большія деньги и велѣли газетамъ напечатать ему похвалы. Тѣ сдѣлали свое дѣло. Была попытка поддержать его и въ Римѣ, но она оказалась неудачною, и сужденія Рима пришлось презирать.

— Они не хотятъ видѣть ничего, что явилось не у нихъ; чужое ихъ не трогаетъ,—объяснялъ герцогу Фебуфисъ.

— Ты это прекрасно говоришь: да, ты имъ чужой.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ сюда...

— Ну, да!.. ты мой!

— Имъ кажется, что я здѣсь переродился.

— Это и прекрасно. Ты мой!

— Нѣтъ, они думаютъ, что я все позабылъ...

— Забылъ глупости!

— Нѣтъ,—разучился.

— А вотъ пусть они пріѣдутъ и посмотрятъ. Это все зависть!

— Не одна зависть,—я знаю, что они мнѣ не прощаютъ...

— Что же это такое?

— Измѣну.

— Чему?

— Задачамъ искусства.

Герцогъ сѣлъ на высокій табуретъ противъ мольберта и произнесъ дидактически:

— Задача искусства — это героизмъ и пастораль, вѣра, семья и мирная буколика, безъ всякаго сованія носа въ общественные вопросы—вотъ ваша область, гдѣ вы цари и можете дѣлать, что хотите. Возможно и историческое, я не отрицаю историческаго; но только съ нашей, вѣрной точки зрѣнія, а не съ ихней. Общественные вопросы искусства не касаются. Художникъ долженъ стоять выше этого. Такіе намъ нужны! Ищи такихъ людей, которые въ этомъ родѣ могутъ быть полезны для искусства, и зови ихъ. Обезпечить ихъ—мое дѣло. Можно будетъ даже дать имъ чины и форму. У меня они могутъ *творить*, ничѣмъ не стѣсняясь, потому что у меня вѣдь нѣтъ никакихъ тревогъ, ни тревоженій. Только трудись. Я хочу, чтобы наша школа сохранила настоящія, чистыя художественныя преданія и дала тонъ всеѣмъ прочимъ. Обновить искусство — это наше призваніе.

Фебуфисъ понималъ, что все это несбыточный вздоръ, и ничего не хотѣлъ дѣлать, а, между тѣмъ, изъ-за границы его уязвляла критика. Одинъ изъ лучшихъ тогдашнихъ судей искусства написалъ о немъ, что «во всей его картинѣ достоинъ похвалы только правильный и твердый рисунокъ, но что ея мертвый сюжетъ представляетъ что-то окаменѣвшее, что идея если и есть, то она рутинна и бесплодна, ибо она не поднимаетъ выше умъ и не облагораживаетъ чувства зрителя,—она не трогаетъ его души и не стыдитъ его за эгоизмъ и за холодность къ общему страданію. Художникъ будто спалъ гдѣ-то въ какомъ-то заколдованномъ царствѣ и не замѣтилъ, что въ искусствѣ уже началось живое вѣяніе, и здравый умъ просвѣщеннаго человѣка отказывается высоко цѣнить художественныя произведенія, ласкающія одно зрѣніе, не имѣющія возвышающей или порицающей идеи. Теперь, чѣмъ такія бѣдныя смысломъ произведенія совершаются въ своемъ техническомъ исполненіи, тѣмъ они укоризненнѣе и тѣмъ большее негодованіе должны поднимать противъ художника». А потому критикъ рѣшительно не хотѣлъ признавать никакихъ замѣчательныхъ достоинствъ въ произведеніи, которымъ Фебуфисъ долженъ былъ прославить свою школу, и, въдобавокъ, унижилъ его тѣмъ, что сталъ объяснять овладѣвшее имъ направленіе его несвободнымъ положеніемъ, всегда зависящимъ отъ страха и фавора; онъ называлъ дальнѣйшее служеніе искусству въ такомъ направленіи «вреднымъ», «ставилъ надъ художникомъ крестъ» и давалъ ему совѣтъ, какъ самое лучшее по степени безвредности, «изображать по-старому голыхъ женщинъ, которыми онъ открылъ себѣ фортуна».

Фебуфисъ былъ страшно уязвленъ этимъ «артиклемъ». Онъ никакъ не ожидалъ видѣть себя смѣщеннымъ и развѣнчаннымъ такъ скоро и такъ рѣшительно. Онъ ощутилъ въ себѣ неудержимый позывъ дать горделивый отпоръ, въ которомъ не намѣренъ былъ вступаться за свое произведеніе, но хотѣлъ сказать критику, что не онъ можетъ укорять въ несвободности художника за то, что онъ не запрягаетъ свою музу въ ярмо и не заставляетъ ее двигать топчакъ на молотилкѣ; что не имъ, слугамъ постороннихъ искусству идей, судить о свободѣ, когда они не признаютъ свободы за каждымъ дѣлать, что ему угодно; что онъ, Фебуфисъ, не только вольнѣй ихъ, но что онъ совсѣмъ воленъ, какъ

птица, и свободенъ даже отъ предразсудка, желающаго запрячь свободное искусство въ плугъ и подчинить музу служенію пользамъ того или другого порядка подъ полицейскимъ надзоромъ деспотической критики. И многое еще въ этомъ же задорно-сконфуженномъ родѣ собралъ Фебуфисъ, не замѣчая, что сквозь каждое слово его отповѣди звучало сознаніе, что онъ на чемъ-то пойманъ и въ спорѣ своемъ желаетъ только возбудить шумиху словъ, чтобы запутать понятія явныя, какъ солнце. У него кетати оказался и стиль, благодаря чему въ отповѣди очень сносно доказывалось, что «для искусства безразличны учрежденія и порядки, и что оно можетъ процвѣтать и идти въ гору при всякомъ положеніи и при всякихъ порядкахъ».

Лучше написать это, какъ написалъ Фебуфисъ, даже не требовалось, но Шикъ, которому онъ читалъ свои громы, говорилъ, что онъ все это уже какъ-будто раньше гдѣ-то читалъ или гдѣ-то слышалъ. И Фебуфисъ сердился, но сознавалъ, что это, однако, правда. Да вѣдь новаго и нѣтъ на свѣтѣ... Все уже когда-нибудь было сказано, но почему это же самое опять не повторить, когда это умѣстно? Впрочемъ, чтобы отвѣчать отъ лица школы цѣлой страны, надо, чтобы дѣло имѣло надлежащую санкцію, и потому авторъ рѣшилъ представить свой трудъ самому герцогу. Это ему внушало спокойствіе и дало всему, дѣйствительно, самое лучшее направленіе.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Выбравъ удобный случай, чтобы представить свою рукопись герцогу, Фебуфисъ волновался въ ожиданіи его отвѣта, а тотъ не отвѣчалъ очень долго, но, наконецъ, въ одинъ прекрасный день передъ наступленіемъ новаго года художникъ получилъ приглашеніе отъ директора иностранныхъ сношеній,—того самаго искуснаго и ласковаго дипломата, который нѣкогда посѣтилъ вмѣстѣ съ герцогомъ его студию въ Римѣ.

Годы не измѣнили мягкихъ манеръ этого сановника: онъ встрѣтилъ Фебуфиса чрезвычайно радушно и весело поздравилъ его съ большимъ успѣхомъ у герцога.

— Вашъ отвѣтъ вашимъ озлобленнымъ завистникамъ привелъ въ совершенный восторгъ герцога, — началъ онъ, усаживая передъ собою художника. — Его свѣтлость изво-

лилъ поручить мнѣ выразить вамъ его полное сочувствіе вашимъ прекраснымъ мыслямъ, и если при этомъ могутъ имѣть какое-нибудь значеніе мои мнѣнія, то я позволю себѣ сказать, что и я вамъ вполне сочувствую. Я прочиталъ ваше сочиненіе. Герцогъ желалъ этого, и я былъ долженъ прочесть, и исполнился радости за васъ и скорби за себя... Да, въ числѣ моихъ помощниковъ нѣтъ ни одного, который имѣлъ бы такіе ясные взгляды и умѣлъ бы такъ хорошо ихъ отстаивать.

Фебуфисъ поклонился, а сановникъ пожалъ его руку и сказалъ, что если бы онъ не былъ великимъ художникомъ, то онъ ни на кого бы смѣлѣе, чѣмъ на него, не рѣшился указать, какъ на способнѣйшаго дипломата.

— Значитъ, я теперь могу вышутить написанное въ свѣтъ?

— Нѣтъ. И это не нужно. Это само по себѣ такъ свѣтло, что не нуждается во внѣшнемъ свѣтѣ. Герцогъ на вашей сторонѣ. Вамъ сейчасъ предстоитъ удовольствіе увидать, что именно его свѣтлость начерталъ наверху вашихъ вѣрно-подданныхъ словъ своею собственною, безтрепетною рукой.

Произнеся съ горделивымъ достоинствомъ эти слова, сановникъ взялъ на колѣни малиновый бархатный портфель, съ золотымъ выпуклымъ вензелемъ и такимъ же золотымъ замкомъ, помѣщеннымъ въ полѣ орденской звѣзды. Затѣмъ онъ бережно ввелъ внутрь портфеля длинную кисть своей старческой руки и еще бережнѣе извлекъ оттуда рукопись Фебуфиса, на верхнемъ краю которой шли три строки, написанныя карандашомъ довольно красивымъ, кругловатымъ почеркомъ, съ твердыми нажимами.

Положивъ бумагу на палку посреди стола, сановникъ поднялся съ своего мѣста и попросилъ художника сѣсть въ кресло, а самъ сталъ и поднялъ вверхъ лицо, какъ-будто онъ готовился слушать лично ему отдаваемое распоряженіе герцога.

Фебуфисъ прочиталъ: «Одобряю и вполне согласенъ».

— Вотъ!—прошепталъ, придыханіемъ и наклоняя голову, бельможа.

«Но»,—продолжалъ Фебуфисъ.

Сановникъ опять поднялъ лицо и опять застылъ въ позѣ.

«Имѣя въ виду всеобщее растлѣніе, которое теперь господствуетъ въ умахъ, нахожу несообразнымъ говорить съ этими людьми словами вѣрноподданнаго убѣжденія».

Фебуфисъ вспыхнулъ и взглянулъ вопросительно на вельможу.

Тотъ тоже посмотрѣлъ на него выразительнымъ взглядомъ и произнесъ:

— Онъ неотразимъ! — и затѣмъ протянулъ руку къ бумагѣ съ тѣмъ, чтобы взять и вложить ее снова бережно въ малиновый портфель.

— Развѣ вы мнѣ не возвратите и мою бумагу?

— Конечно, нѣтъ. Съ этимъ начертаніемъ герцога она отнынѣ составляетъ достояніе исторіи... Она историческій документъ, который переживетъ насъ и будетъ храниться вѣка въ архивѣ, но вы, вмѣсто этой бумаги, получите другую, и вотъ она.

Онъ далъ художнику небольшой листокъ бристоля, на которомъ назначалось дать ему высокій чинъ и соединенныя съ нимъ потомственные права и имѣніе въ живописномъ угодкѣ герцогства.

Пока Фебуфисъ смотрѣлъ удивленными глазами на эти строки, значеніе которыхъ ему казалось и невѣроятно, и непонятно, и, наконецъ, даже щекотливо и обидно, директоръ поправилъ свой носъ и, наконецъ, спросилъ:

— Мнѣ кажется, что вы какъ будто удивляетесь.

— Да, графъ, — отвѣтилъ Фебуфисъ.

Графъ качнулъ головою, улынулся и отвѣтилъ:

— Да, это обыкновенно бываетъ съ тѣми, кто не привыкъ къ характеру герцога. Рѣдко кто знаетъ, какъ онъ щедръ и какъ онъ умѣетъ награждать.

— Да, герцогъ щедръ, но въ числѣ его наградъ есть одна, которая, мнѣ кажется, соединена съ переменною подданства... Я уважаю герцога, но я никогда не просилъ объ этомъ.

— Неужто?.. Впрочемъ, я до вещей внутренняго управленія не касаюсь... на это у насъ есть господинъ Шеръ. Правда, чтѣ у него въ вѣдомствѣ все идетъ чортъ знаетъ какъ, но зато по вдохновенію... У насъ это любятъ. Впрочемъ, если чтѣ неудобно, то вы сами можете говорить объ этомъ съ герцогомъ... Вамъ завтра надо ему представиться и благодарить его свѣтлость... Поцѣлуйте руку... Это такъ принято... Adieu!

Графъ повернулся и послалъ рукою поцѣлуй Фебуфису.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Фебуфисъ возвратился отъ обласкавинаго его дипломата въ самомъ дурномъ расположеніи духа: онъ переходилъ безпрестанно отъ угнетенности къ бѣшенству и не зналъ, чему дать болѣе хода. Дары, возвышенныя ему маленькою записочкой на брестолѣ, были очень щедры, но, при всемъ томъ, онъ чувствовалъ, что потерялъ нѣчто болѣе важное и существенное, чѣмъ то, что получаетъ. Во всякомъ случаѣ, онъ трактованъ слишкомъ ниже того, до чего положилъ себя предѣльною мѣтой, и внутренній Шеръ имѣеть основаніе шутить надъ его «головнымъ павлиномъ», а графъ высшихъ сношеній можетъ посылать ему на прощаніе дѣтскіе поцѣлуи. Всѣ они, въ самомъ дѣлѣ, значительные каналы, но крѣпче его наступаютъ людямъ на ноги, межъ тѣмъ, какъ онъ колеблется и не умѣетъ быть притворщикомъ, тогда какъ, въ сущности, это неотразимо требуется. Онъ все дышитъ и томится. А потомъ стекло, сквозь которое онъ смотритъ, какъ будто задышется и потемнѣетъ, и ничего не станетъ видно, и тогда онъ приметъ рѣшеніе, какого не думалъ. Такъ и теперь: простой и ясный смыслъ говорить ему, что онъ долженъ поблагодарить герцога сразу за все и сразу же отъ всего отказаться. Недаромъ духъ его возмущается и онъ чувствуетъ въ себѣ полный недостатокъ силъ все это сдѣлать, но какъ только онъ начинаетъ соображать, что для этого пужно разрушить и въ чемъ повиниться, такъ его практическій смыслъ угнетается цѣлою массой представленій, для успокоенія которыхъ выходитъ изъ завѣшеннаго угла на ходуляхъ софизмъ: «не все ли равно, такой или другой деспотизмъ?.. И этотъ, и тѣ—всѣ гнуть—не парять, и сломать—не тужать... Этотъ, по крайней мѣрѣ... Да нѣтъ,—все гадость, все песносно»...

Тутъ проходитъ какая-то полусонная глупость: одинъ получаетъ преимущество передъ другимъ, потому что онъ одинъ, а въ существѣ потому, что съ нимъ уже сдѣлка сдѣлана, а изъ одного закрома брать кормъ удобнѣе, чѣмъ собирать его по пустымъ токамъ. Головной павлинъ, дойдя досюда, складываетъ хвостъ и садится на насѣсть.

Такъ это было и теперь. Фебуфисъ вздыхалъ, скребъ грудь и даже, отправляясь утромъ другого дни въ герцогскій замокъ для принесенія благодарности его свѣтлости,

еще не знать, что онъ сдѣлаетъ, но съ нимъ былъ его практическій гений, и органически въ немъ уже сложилось то, что надо дѣлать.

Увидавъ его издали, герцогъ кивнулъ ему головою и, прервавъ рѣчь съ тѣмъ, съ кѣмъ разговаривалъ, громко спросилъ:

— Ты доволенъ?

Это была пренеудобная форма для начала объясненій; художникъ почти столько же волею, сколько и неволею уронилъ тихо, что онъ доволенъ, но осмѣлится ничто объяснить.

Отвѣтъ показался герцогу невнятенъ, и онъ переспросилъ:

— Что?!

— Я благодарю вашу свѣтлость за ваши милости, но...

— То-то!

Художникъ было почтительно началъ о своей отповѣди, которую онъ желалъ сдѣлать гласною, но герцогъ нахмурился и сказалъ:

— Оставь это: искусство, какъ и все, должно быть национально. А чтобы различныя толки не портили дѣла, я велѣлъ принять мѣры, чтобы сюда не доходили никакіе толки. Ты очень впечатлителенъ. Пора тебѣ перестать вести одинокую жизнь. Я тебѣ совѣтую выбрать хорошую, добрую дѣвушку по-сердцу и жениться.

Фебуфисъ благодарилъ за милостивое вниманіе и заботливость, но не выразилъ желанія жениться.

Герцогъ сдвинулъ брови и сказалъ:

— А знаешь, мнѣ это очень противно! Семейная жизнь всего лучше успокаиваетъ, и ты это, навѣрное, увидишь на своемъ товарищѣ, котораго, ксатати, поздравь отъ меня. Онъ сдѣлалъ превосходный выборъ и, вѣроятно, будетъ счастливъ.

— Мой товарищъ?.. О комъ, ваша свѣтлость, изволите говорить?

— Ну, разумѣется, о маленькомъ Пикѣ. Чтобы не забыть,—о немъ теперь надо лучше позаботиться, такъ какъ онъ женится, то я велю дать ему должность съ двойнымъ окладомъ. Его будущая жена—дочь очень достойнаго человека и моего вѣрнаго слуги. Храбрый... и глупъ, какъ сто тысячъ братьевъ. Будто ты ничего объ этомъ не знаешь?

— Ничего, ваша свѣтлость.

— Маленькій Пикъ, значить, въ любовныхъ дѣлахъ остро-роженъ. Это, впрочемъ, такъ и слѣдуетъ: дѣвушка очень молода и наивна, какъ настоящая монастырка, но онъ очень скоро побѣдилъ ея застѣнчивость. Представь, онъ нашель способъ разьяснить ей, чѣмъ отличается букань отъ букашки... За это его тюкъ на крюкъ! Это довольно смѣшной случай, но пусть онъ самъ тебѣ о немъ расскажетъ. Кстати, онъ зоветъ ее «прелестная Пеллегрина». Ей это идетъ... Ты ся не видалъ?

— Нѣтъ.

— Очень интересна: она въ миньонномъ родѣ.

Фебуфисъ выслушалъ новость о Пикѣ какъ бы въ забытьѣ: его не интересовало теперь ничто, даже и то, что и съ самимъ съ нимъ происходило: все ему представлялось тяжелымъ сновидѣнiемъ, отъ котораго онъ хотѣлъ бы отряхнуться, только это казалось невозможнымъ. Онъ чувствовалъ, что какъ будто ушелъ далеко въ какой-то дремучій лѣсъ, изъ котораго не найти выхода. Да и куда выходить? И зачѣмъ? Здѣсь онъ все-таки значительная величина, хоть по герцогскому распоряженiю, а во всякомъ другомъ мѣстѣ онъ станетъ наравнѣ со всѣми судимъ свободнымъ судомъ критики и... онъ знаетъ, какое она отведеть ему мѣсто... Тяжкое униженiе! Здѣсь онъ ничего этого не испытаетъ... Сюда ничто ему непрiятное не проникнетъ,—противъ этого велѣно принять мѣры. Онъ въ этомъ не виноватъ, а между тѣмъ ему отъ этого спокойно, и онъ легъ на диванъ, покрылъ ноги пледомъ и сладко заснулъ до сумерекъ, когда Пикъ сталъ весело будить его къ обѣду.

Фебуфисъ всталъ нѣсколько мрачный и серьезный, молчалъ въ продолженiе всего стола, но при концѣ обѣда прямо, безъ всякихъ предисловiй, спросилъ Пика:

— Я слышалъ, ты женишься?

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Герцогъ.

— На комъ же, смѣю спросить?

— Ну, что за глупость; будто ты не знаешь.

— До сихъ поръ не знаю.

— На какой-то милой дѣвушкѣ, невинной монастыркѣ, которую ты прозвалъ «прелестною Пеллегриной». Зачѣмъ ты покорилъ ея сердце и научилъ ее, какъ узнавать букапа отъ букашки?

Пикъ расхохотался.

— И герцогъ это знаетъ?

— Онъ говорилъ мнѣ объ этомъ.

— Боже мой, какая противность! Чего онъ только не знаетъ? Кажется все, кромѣ нуждъ своего народа!

— Такъ это правда или нѣтъ?

— Что я женюсь?.. Конечно, неправда!

И Пикъ опять расхохотался. Онъ, такая маленькая крошка, чья незамѣтная фигура во всѣхъ возбуждала смѣхъ и шутивость, какъ онъ могъ быть любимъ милою дѣвушкой, которая ему чрезвычайно нравилась! И онъ *женится!* Это самому ему только и могло казаться слишкомъ грубою и слишкомъ неотдѣланною насмѣшкой, но, тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько дней онъ сказалъ Фебуфису:

— Знаешь, я въ самомъ дѣлѣ, кажется, женюсь!

— Отчего же тебѣ это вдругъ стало казаться?

— Оттого, что я сдѣлалъ Пеллегриночкѣ предложеніе и объяснился съ ея отцомъ и отъ обоихъ отъ нихъ получилъ согласіе.

— Вотъ-те чортъ! Въ такомъ случаѣ, я поздравляю тебя, — ты, значить, навѣрное женишься.

— Да, вообрази, женюсь! Это случилось какъ-то внезапно... У нея есть кузень, молодой офицеръ, мерзкій шалунъ, который выдалъ мою тайну, и я былъ долженъ объяснить мои намѣренія... Конечно, не Богъ знаетъ что: мы съ нею, просто, ходили и гуляли, но этотъ достопочтенный старикъ, ея отецъ... онъ наивенъ такъ же, какъ сама Пеллегринина, и это неудивительно, потому что онъ женился на матери Пеллегринины, когда ему было всего двадцать лѣтъ, и его покойная жена держала его въ строгихъ рукахъ до самой смерти... Она умерла годъ тому назадъ.

— Онъ, вѣрно, радъ, что она умерла.

— М... ну—не знаю. Его племянникъ говорилъ, будто она ставила его на колѣни, и за то старичокъ теперь жалеетъ будто компенсаціи и, какъ только выдастъ дочь замужъ, такъ самъ опять женится. Но этому хотятъ помѣшать.

Фебуфись уловилъ исполнѣ ясно только послѣднее слово и повторилъ вяло:

— Жениться! Это значительный ресурсъ при большой скукѣ.

— Такъ ты противъ женитьбы?

— Какъ можно! Особенно при настоящемъ случаѣ, когда кое-что можетъ перенести и на мою холостецкую долю.

— Да, вѣдь, признайся, и тебѣ здѣсь скучно... Ты скучаешь?

— Очень скучаю, мой милый Пикъ, и потому я былъ бы очень счастливъ, если бы ты и твоя будущая жена не отогнали меня, старика, отъ своего обѣденнаго стола и отъ вашей вечерней лампы. А ужь потомъ я буду желать вамъ спокойной ночи.

— О, конечно, это такъ и будетъ! Это непременно такъ и будетъ! Мы съ тобой не разстанемся и будемъ жить всѣ вмѣстѣ. Мы уже объ этомъ говорили. Пеллегриночка тебя очень почитаетъ. Она пренаивное дитя: она сказала, что она меня «любитъ», а тебя «уважаетъ», и сейчасъ же вскрикнула: «Ахъ, Боже мой! я не знаю, что больше!» Я ей сказала, что уваженіе значить больше, потому что оно заслуживается, и указала на ея чувства къ отцу, но она пренаивно замахала руками и говоритъ: «Что вы, что вы, я палу и не люблю, и не уважаю!» Я удивился и говорю: «За что же?»—А она говоритъ: «Я къ нему никакъ не могу привыкнуть».—«Въ какомъ смыслѣ?»—«Я не могу переносить, для чего отъ него бобковой мазью нахлещь».—«Какіе пустяки!»—«Нѣтъ, говоритъ, это не пустяки; мать тоже никакъ не могла привыкнуть: она правду ему говорила, что онъ «не мужчина».—«Что же онъ такое?»—«Мама его называла: губка! Фу!»—«Чѣмъ же это пороки?»—«Да фуй!.. мнѣ о немъ стыдно думать!» Ты вообрази себѣ этакую своего рода быстроту и бойкость въ нераздѣльномъ слитіи съ монастырскою наивностью... Это что-то дѣтское, что-то какъ будто игрушечное и чертотхайское... и, главное, эти неожиданные сюрпризы и переходы, начиная отъ букача до мужчины и до не-мужчины... Вѣдь все это видѣть, все это самому вызвать и наблюдать всѣ эти переходы...

— Что и говорить! — перебилъ Фебуфисъ. — Во всемъ этомъ, безъ сомнѣнія, чувствуется бѣшеніе жизненнаго пульса.

— Да, вотъ, именно бѣшеніе жизненнаго пульса.

И ему было дано вволю испытать на себѣ въ разной степени бѣшеніе жизненнаго пульса. Одно изъ высшихъ удовольствій въ этомъ родѣ онъ узналъ въ самый блаженный мигъ, когда послѣ свадебныхъ церемоній остался вдвоемъ съ прелестною Пеллегриной. Случай былъ такой, что Пикъ

е совершенно потерялся, убѣжалъ въ холодный залъ и, прислонясь лбомъ къ покрытому изморосью оконному стеклу, проплакалъ всю ночь. Въ этомъ же положеніи снасла его утромъ его молоденькая жена: она подошла къ нему съ своимъ невнимымъ дѣтскимъ взглядомъ въ утреннемъ капотѣ новобрачной дамы, положила ему на плечи свои миниатюрныя ручки и, повернувъ къ себѣ этими ручками его лицо, сказала:

— Мой другъ, вѣдь я не раздѣвалась...

— Мнѣ все равно!—отвѣтилъ снѣжно Пикъ.

— Нѣтъ... не все равно.

У Пика кинѣла досада и онъ отвѣтилъ:

— Я говорю вамъ: это мнѣ все равно!

— А я... я себѣ этого даже и объяснить не могу...

— Себя!

— Да.

— Даже себя не можете объяснить?!

— Вотъ именно!

— Это становится интересно.

— Я помню одно, что я дежурила въ комнатахъ у начальницы, и онъ неслышно взмошелъ по мягкимъ коврамъ и... онъ взялъ меня очень сильно за поясъ...

— Чортъ бы васъ взялъ съ нимъ вмѣстѣ!

— Но я не раздѣвалась и только была совсѣмъ измучена... и я больше ничего не знаю... я ничего не помню...

— Не помните!

— Да, я затрепетала...

— Затрепетала!

— Да, затрепетала... мы такъ воспитаны.

— Вы очень оригинально воспитаны... Ничего не понимаете...

— Да... не понимала, а теперь мнѣ дурно.

Пикъ хотѣлъ ее оттолкнуть, но, вмѣсто того, принялъ жену подъ руки, отвелъ ее въ спальню, помогъ ей раздѣться и сказалъ:

— Разъ что все было такъ, то это предается забвенію.

Она въ полузабытѣи, съ глазами, закрытыми вѣками, слабо пожала его руку.

— Но только мы уведемъ отсюда. Здѣсь имъ вездѣ ужъ слишкомъ полно.

— Какъ ты хочешь, букань,—прошептали мнѣ, дѣтскія уста Пеллегрини.

Пикъ улыбнулся и сталъ цѣловать ихъ и повторялъ:

— Мы отъ него уѣдемъ, уѣдемъ, буканка!

— Да, уѣдемъ, букачикъ,—отвѣчала Пеллегрини:—только надо ничѣмъ тревожить панау.

Пикъ все позабылъ и растаялъ въ объятіяхъ своей наивной жены.

Букань и буканка были счастливы. Равновѣсіе въ ихъ жизни нарушалось только однимъ стороннимъ обстоятельствомъ: отецъ Пеллегрини, съ двадцати лѣтъ состоявшій при своемъ семействѣ, съ выходомъ дочери замужъ вдругъ заскучалъ и началъ страстно молиться Богу, но онъ со-всѣмъ не обнаруживалъ стремленія жениться, а показалъ другую удивительную слабость: онъ поддался вліянію своего племянника и съ особеннымъ удовольствіемъ началъ искать веселой компаніи; чего онъ не успѣлъ сдѣлать въ юности, то все хотѣлъ вспомнить теперь: онъ завилъ на головѣ остатки волосъ, купилъ трубку съ дамскимъ портретомъ, сталъ пить вино и началъ ѣздить смотрѣть, какъ танцуютъ веселыя женщины. Спустя малое время, онъ не выдержалъ и самъ принялъ участіе въ танцахъ.

По его значенію въ военномъ мѣрѣ, внутренній Шеръ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія герцога, а герцогъ, встрѣтя его въ паркѣ, спросилъ:

— Ты танцуешь?

— Виновать,—отвѣчалъ генераль.

— Отчего ты это вздумалъ?

— Рано женился и ничего не испыталъ въ молодости, ваша свѣтлость.

— То-то! Смотри, чтобъ этого не было.

Поттенный воинъ далъ слово своему повелителю, но не въ страхъ былъ этого слова выдержать: молодая компанія опять увлекла его въ опасное сообщество, гдѣ онъ нарушилъ свое обѣщаніе: онъ пилъ и танцевалъ, и, дѣлая рондъ въ фигурѣ, вдругъ увидалъ передъ собою внутренняго Шера... Генераль сейчасъ же упалъ и переломилъ себѣ хребетъ, а когда пришелъ на мгновеніе въ себя и сообразилъ, что объ этомъ узнастъ герцогъ, то тотчасъ же тутъ и умеръ на мѣстѣ преступленія. Внутренній Шеръ тихо перенесъ героя ночью въ его жилище и утромъ доложилъ герцогу. Герцогъ

слушалъ начало доклада въ гнѣвѣ, но потомъ былъ тронуть поступкомъ генерала и сказалъ:

— Онъ хорошо кончилъ!

Затѣмъ вышло распоряженіе, чтобы молодыхъ людей посадить подъ арестъ, танцорокъ высѣчь, а усоншему сдѣлать погребальный церемоніаль по его заслугамъ и произнести надъ его гробомъ глубоко-прочувствованное слово.

Все это было исполнено, и герцога самъ былъ тутъ, самъ окинулъ взоромъ церемонію, самъ выслушалъ слово и даже приткнулся рукою ко гробу нѣкогда храбраго чловѣка, а потомъ съ чувствомъ пожалъ руку его дочери. Фактъ этотъ цѣлкомъ перешелъ въ исторію народа.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Трауръ, который надѣла по отцѣ Пеллегрина, до того шелъ къ ея граціозной, легкой фигуркѣ и непыльной головкѣ, что Фебуфисъ, пребывавшій долгое время въ тяжелой и безпросвѣтной хандрѣ, увидавъ ее, просвѣтлѣлъ и сказалъ:

— Знаете ли, я очень хочу написать вашу портреть.

Пеллегрина, какъ женщина, съ удовольствіемъ чувствовала обаяніе, которое ея красота произвела на знаменитаго, по общему мнѣнію, друга ея мужа, и ничего не имѣла противъ осуществленія его артистическаго желанія. Никъ одобрялъ это еще болѣе.

— Это тебѣ пришла счастливѣйшая мысль,—восклицалъ онъ:—это обонхъ васъ займетъ, и тебя, и ее заставитъ прогнать отъ себя тяжелыя мысли.

Портреть былъ пачать во весь ростъ на большомъ холстѣ, гдѣ нашли мѣсто для своего расположенія всѣ любимыя вещи въ будуарѣ Миньоны.

Фебуфисъ послѣ продолжительной апатіи и бездѣйствія взялся за работу съ большимъ рвеніемъ и портреть Пеллегрини обѣщалъ превзойти портреть, написанный Фебуфисомъ съ герцогини для кабинета герцога. Это обстоятельство заключало въ себѣ даже нѣчто щекотливое и заставляло Фебуфиса производить работу не въ мастерской, а въ будуарѣ Пеллегрини. Онъ приходилъ къ ней въ своемъ рабочемъ легкомъ костюмѣ—въ туфляхъ, сѣренькихъ широкихъ панталонахъ и коричневой бархатной курткѣ. Она позировала передъ нимъ стоя и, утомясь, отдыхала на широкой оттоманкѣ, а онъ переносилъ ея дѣвственныя черты

на полотно и нѣчто занесъ нечаянно въ свое сердце, начавшее гнать кровь въ присутствіи жены друга съ увеличенною силой. Онъ сталъ неровень и нервень,—она это, кажется, замѣчала, но оставалась во всегдашнемъ своемъ безпечномъ, младенческомъ настроеніи, и даже когда онъ однажды сказалъ ей, что не можетъ глядѣть на нее издали, она и тогда промолчала. Но ужъ тогда онъ бросилъ кисть и палитру и, кинувшись къ ней, обнялъ ея колѣни и овладѣвъ ею такъ бурно, что она совсѣмъ потерялась, закрыла лицо руками и прошептала не разъ, а два раза:

— Бога ради, Бога ради!

Онъ, кажется, не разобралъ, какъ это слѣдовало понять, и послѣдствія этого недоразумѣнія совершенно не отвѣчали программѣ сеанса.

Дѣла могли идти такимъ порядкомъ очень долго, но разъ Пикъ вошелъ домой не въ счастливый часъ и не въ урочное время и услышалъ это же странно произнесенное «Бога ради!» Онъ понялъ это не такъ, какъ слѣдовало: ему показалось, что его жепѣ дурно, и онъ бросился къ ней на помощь, но, спѣшно войдя въ комнату, онъ засталъ Шеллегрину и Фебуфиса сидящими на диванѣ слишкомъ тихими и въ слишкомъ далекомъ другъ отъ друга разстояніи.

Онъ посмотрѣлъ на нихъ, они на него, и всѣ трое не сказали другъ другу ни слова.

И Пикъ стоялъ, а тѣ двое продолжали сидѣть другъ отъ друга слишкомъ далеко, въ противоположныхъ концахъ дивана, и вездѣ, по всей комнатѣ, слышно было, какъ у нихъ у всѣхъ у трехъ въ груди бьются сердца, а Пикъ пронинлъ: «Какъ все глупо!»—и вышелъ вонъ, ошеломленный, быть-можетъ, одною мечтой своего воображенія, но зато онъ сію минуту опомнился и, сдѣлавъ два шага по ковру, покрывавшему полъ сосѣдней гостиной, остановился. Его такъ колыхало, что онъ схватился одною рукой за мебель, а другою за сердце... Вокругъ была нѣсколько минутъ жуткая тишина и только потомъ до слуха Пика долетѣлъ тихій шопотъ:

— Для чего вамъ было садиться такъ далеко?

Это говорила букашка и говорила съ укоризною... Фебуфисъ въ роли букана былъ сильнѣе потерянъ и молчалъ.

Ее это еще больше разсердило. Пикъ слышалъ, какъ она встала съ дивана и подошла къ столику, и какъ обручалъ-

ное колечко на миниатюрномъ пальцѣ ея руки тихо звякнуло о граненый флаконъ съ одеколономъ. Пикъ узнавалъ ее по всѣмъ этимъ мелкимъ примѣтамъ.

Она, очевидно, входила въ себя и держала себя на уровнѣ своихъ привычекъ, между тѣмъ какъ ея сообщникъ былъ недвижимъ и едва могъ произнести:

— Было бы все равно.

— Совсѣмъ не равно,—отвѣчала наставительно Пеллегрина, уже повышая тонъ до полуголоса.—Люди, которые просто разговариваютъ, никогда такъ далеко не сидятъ.

Онъ тоже хотѣлъ ободриться и съ улыбкою, слышною въ шопотъ, спросилъ:

— Здѣсь это не принято?

По она совсѣмъ уже полнымъ голосомъ повторила:

— Не принято!.. Гораздо важнѣе—это не то, что *здѣсь* «не принято», а то, что это *вездѣ неестественно!*

И съ этимъ она поставила на уборный столъ флаконъ и, вѣроятно, хотѣла идти вслѣдъ за мужемъ въ тѣ самыя двери, въ которыя онъ вышелъ, но Пикъ предупредилъ ее: онъ бросился впередъ, схватилъ въ передней свой плащъ и шляпу и выбѣжалъ на улицу. На дворѣ уже темнѣло и лилъ проливной дождь. Пикъ ничего этого не замѣчалъ; онъ шелъ и свисталъ, останавливался у угловъ, не зная, за который изъ нихъ повернуть, и потомъ опять шелъ и свисталъ, и вдругъ расхохотался.

— И это я ей говорилъ. Я ей объяснялъ, что бугашка и что букашъ! И это она увѣряла меня, какъ она не понимала, что съ нею дѣлаютъ, и затренистала! И это я писалъ Маку о здѣшнихъ женщинахъ, какъ онѣ наивны!.. Что могъ я понять въ этомъ омутѣ, въ этой поголовной жи?.. Что я могу понять даже теперь? Впрочемъ, теперь я понимаю то, что я не хочу здѣсь оставаться ни дня, ни часа, ни минуты!

И съ этихъ поръ онъ исчезъ безслѣдно.

Внутренній Шеръ доложилъ герцогу объ исчезновеніи Пика въ числѣ обыкновенныхъ полицейскихъ событій. Все, что предшествовало этому загадочному исчезновенію и что было его настоящею причиною, осталось для всѣхъ постороннихъ неизвѣстнымъ. Когда же всѣ розыски Пика въ предѣлахъ герцогства оказались безуспѣшными, герцогъ призвалъ Фебуфиса и спросилъ:

— Что ты знаешь о своемъ товарицѣ?

— Ничего, ваша свѣтлость.

— А въ какомъ положеніи его жена? Она, можетъ быть, уже вдова и у нея нѣтъ права на пенсію?

— Если, ваша свѣтлость, повелите,—вкрадчиво вставилъ Шеръ.

— Да,—отвѣчалъ герцогъ:—я новелѣваю. И, кстати, пусть ее тоже опредѣлятъ воспитательницей тамъ, гдѣ она сама училась. Это будетъ приятно герцогинѣ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Исчезновеніе Пика, однако, чувствительно ударило по сердцу Фебуфиса, и Пеллегрина перестала ему больше нравиться, а притомъ совершилось еще другое. Сопровождая герцога, онъ посѣтилъ одинъ богатый торговый городъ, въ ратушѣ котораго имъ былъ данъ роскошный балъ. На этомъ балѣ, въ числѣ многихъ красивыхъ женщинъ, появилась молодая дѣвушка классически строгой и поразительной красоты. Ее звали Гелія. Она была дочь мѣстнаго богатаго негодянта, имѣвшаго дѣла со всею Европой. Красота ея бросилась всѣмъ въ глаза и сразу Фебуфиса плѣнила. Это замѣтилъ герцогъ, и тутъ же спросилъ его:

— Чтò ты о ней скажешь?

— Ваша свѣтлость,—отвѣчалъ Фебуфисъ:—о пей можно сказать только, какъ говорятъ на Востокѣ: «глазъ смертнаго не можетъ видѣть такое совершенство безъ готовности умереть за него».

Герцогу понравилась восточная фраза: онъ, почитавшій себя покровителемъ вѣры, самъ любилъ иногда пустить въ ходъ что-нибудь въ библейскомъ родѣ, и въ данномъ случаѣ онъ тоже скомпоновалъ что могъ: онъ похлопалъ Фебуфиса по плечу и сказалъ:

— Эге, смертный, я вижу, ты еси уже уязвленъ сею красою. Бойся заболѣть, но, впрочемъ, при мнѣ и сія болѣзнь можетъ оборотиться не къ смерти, а къ славѣ... только сумѣй ей понравиться.

— Ваша свѣтлость, смертный не дерзаетъ и думать о томъ, чтобы понравиться такой красавицѣ.

— Прекрасно сказано: можетъ-быть, ей даже и нельзя понравиться, потому что она, какъ единственная дочь богатаго отца, избалована и хватила хваленой цивилизаціи за границую. Говорять, она холодна, какъ Діана.

— Вотъ изволите видѣть!

— Да, да,—Діана, и даже ходитъ одна съ огромнымъ псомъ. И притомъ, она умна... и даже, кажется, что-то пишетъ... И вотъ именно объ искусствѣ... Она тоже живописецъ и училась у Каульбаха. Но, главное, отецъ въ ней не слышитъ души, и она очень своевольна. Но, надѣюсь, я здѣсь хозяйня и могу кое-что сдѣлать. Хочешь, я се за тебя посватаю?

Фебуфисъ, сложивъ руки на груди, съ улыбкою поклонился герцогу и произнесъ:

— Пощадите, ваша свѣтлость!

— А вотъ же посватаю и высватаю: это дѣло мое, а ты знай самъ средство, какъ съ нею обходиться,—и съ этимъ онъ прямо съ мѣста направился къ отцу красавицы, взялъ его подъ руку въ сторону и сталъ просить у него руки дочери для жениха, котораго онъ рекомендуетъ.

Фебуфисъ былъ какъ на иголкахъ, но около него былъ Шеръ; онъ его успокоивалъ и шепталъ ему:

— Ничего не выйдетъ; у ея отца, у этого стараго Фрица въ головѣ преогромный павлинъ: онъ собить дочкѣ мужа миллионера или маркиграфа.

Отецъ красавицы, которую звали Гелія, былъ сытый и рослый бюргеръ съ надменнымъ лицомъ, напоминающимъ лицо герцога Веллингтона, слылъ за страшнаго богача и жилъ роскошно. Однако, обращаясь въ сторонѣ отъ дворянскихъ обычаевъ и притомъ въ торговомъ кружкѣ, въ которомъ онъ имѣлъ первенствующее значеніе, онъ не отличался находчивостью и былъ взятъ врасплохъ; онъ слышалъ, что такимъ сватамъ не отказываютъ, и не успѣлъ сказать ни да, ни нѣтъ, какъ «сватъ» уже поманулъ къ себѣ жениха. Это обѣщало дрянную игру: два головные павлина сшибались: отецъ отца Фебуфиса былъ приказчикомъ у отца стараго Фрица, Фрицъ не могъ желать себѣ такого зятя, но, тѣмъ не менѣе, сухое и даже немножко надменное согласіе было дано. Герцогъ поднялъ бокаль за здоровье жениха и невесты, и они были помолвлены. Негоднаны порта были этимъ удивлены и обижены,—на всѣхъ лицахъ было замѣтно неудовольствіе, а Шеръ, принеся свое поздравленіе отцу невесты, отошелъ въ амбразуру окна и, доставъ изъ кармана агенду, написалъ *nota bene*, по которой тайной агентурѣ слѣдовало пошарить вездѣ, гдѣ воз-

можно: все ли благополучно въ дѣлахъ почитаемаго въ миллионерахъ Фрица? Его уступчивость казалась Шеру подозрительною. Дѣвушка не протестовала нимало, но съ первыхъ же минутъ показала своему жениху холодное презрѣніе, а, тѣмъ не менѣе, вскорѣ же съ царственною пышностью была отпразднована ихъ свадьба. Невѣсту, которая все продолжала держать себя въ строгомъ чинѣ, подвелъ къ алтарю самъ герцогъ и оставался первымъ гостемъ на пирѣ, гдѣ присутствовала вся знать столицы, но присутствовала также незримо и Немезида...

Негоціантъ ничего не опредѣлялъ дочери, но можно было думать, что онъ дастъ большое приданое, а герцогъ, который «любилъ награждать», конечно, доставитъ многостороннія другія выгоды,—вышло, однако, такъ, что все это было вдругъ испорчено на первыхъ порахъ. Недобрымъ предвѣстіемъ всего было письмо, которое Фебуфисъ нашелъ у себя на столѣ въ то время, когда привезъ къ себѣ молодую супругу и оставилъ ее на короткое время въ ея художественно отдѣланной половинѣ. Письмо было написано какою-то злою и мстительною женщиной: въ немъ извѣщали Фебуфиса, что онъ великолѣпно надуть, что онъ получилъ жену съ большими претензіями и безъ всякихъ средствъ; что тестъ его, слышущій за миллионера, на самомъ дѣлѣ готовый банкротъ, ищущій спасенія въ дорого цѣнимой имъ уступкѣ; что бракъ этотъ со стороны Гелія есть жертва для спасенія отца, а Фебуфисъ отъ всего этого получить право ужинать всегда безъ послѣдняго блюда.

Фебуфису показалось, что это писала Пеллегрина. Онъ зналъ, что букашка чертовски скрытна, ловка и мстительна, а притомъ она, кажется, успѣла стать слишкомъ знакома съ внутреннимъ Шеромъ и умѣла узнавать у него кое-что изъ его ежедневныхъ упражненій въ подпечатываніи и чтеніи писемъ, ввѣряемыхъ почтовой пересылкѣ.

Маленькая, изящная Пеллегрина могла знать тайности, но ей также ничто не мѣшало и лгать, и клеветать на людей. Эта женщина—живое и мерзкое воспоминаніе, при которомъ является уколъ въ сердцѣ и мелькаетъ передъ глазами тѣнь маленькаго Пика.

Теперь это случилось какъ нельзя больше не въ-время. Теперь это надо рѣшительно прочь.

Онъ наскоро сунулъ смутившее его за минуту письмо

въ карманъ изящнаго спальнаго жакета изъ мягкой восточной матеріи и въ легкихъ восточныхъ туфляхъ спустился изъ мастерской внизъ къ женѣ, спальня и уборная которой были устроены въ тѣхъ самыхъ покояхъ, которые занималъ въ этомъ казенномъ домѣ Пикъ и его Пеллегрина. Спальня Геліи приходилась именно въ той самой комнатѣ, гдѣ Фебуфисъ писалъ портретъ Пеллегрини и скомпрометировалъ ее, сѣвши слишкомъ далеко отъ нея на диванѣ.

Это все опять ему ненадежно вспомнилось, когда онъ съ изящною ночью лампочкой въ рукѣ проходилъ по мягкому ковру той комнаты, гдѣ стоялъ Пикъ, держась рукою за сердце и выслушивая изъ собственныхъ устъ жены сознание въ ея поступкѣ и въ ея чертовской опытности и органической любви къ обману.

Фебуфисъ тряхнулъ своимъ порѣдѣвшими кудрями, какъ бы отгоняя воспоминанія, и положилъ руку на массивную бронзовую фигуру дракона, служившую ручкою двери въ женину спальню.

Сю минуту онъ увидитъ свою великолѣпную Гелію...

Сердце его усиленно билось, но дверь не подавалась... она была заперта. Быть-можетъ, это ему такъ только кажется; быть-можетъ, онъ неловко берется. Онъ надавилъ ручку сильнѣе, и теперь несомнѣнно убѣдился, что дверь заперта изнутри на ключъ. Значить, полученное неизвѣстнымъ путемъ письмо предупреждало его кое о чемъ вѣрно... свадебный пиръ его конченъ, и онъ, какъ дитя, оставленъ «безъ послѣдняго блюда».

Онъ былъ въ нерѣшимости, что ему дѣлать: встряхнуть дверь и звать жену такъ, чтобы она должна была откликнуться, или выдержать себя и на первыхъ же порахъ наказать ея ни съ чѣмъ несообразный капризъ пренебрежительною холодностью?

Первое угрожало шумомъ и скандаломъ, который могъ дойти до ушей прислуги и сдѣлать его смѣшнымъ въ передней, на кухнѣ и въ мелочныхъ лавкахъ, откуда потомъ придетъ слухъ и въ гостиныя... Второе... еще можетъ къ чему-нибудь вывести.

Онъ предпочелъ второе и возвратился спать въ свою мастерскую.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Утро второго дня было для Фебуфиса тяжело неизмовѣрно. Начало семейной жизни его не радовало, и онъ всталъ, ощущая никогда ему до сихъ поръ неизвѣстный страхъ передъ женщиной... прекрасною, строгою и чертовски холодною женщиной, избалованности и капризамъ которой, очевидно, нѣтъ мѣры, точно такъ же, какъ не видно мѣры ея упорству и самообладанію, которыхъ совсѣмъ нѣтъ у Фебуфиса.

Но обстоятельства требовали, чтобы онъ показалъ нѣкоторое самообладаніе, и онъ рѣшился сдѣлать надъ собою твердыя усилія. Онъ сошелъ въ столовую, гдѣ имѣлъ привычку пить свой утренній кофе, и, къ удивленію своему, засталъ здѣсь, за столомъ, совершенно одѣтую жену, передъ которой была англійская книга, а у ногъ ея лежала ея огромная черная собака Рапд. Супруги повидались холодно, какъ знакомые. Гелія не обнаружила ни малѣйшаго замѣшательства и даже дала замѣтить мужу, что она его нѣкоторое время ожидала за кофе. Онъ хотѣлъ разразиться, но вмѣсто того извинился, сдѣлалъ нѣсколько незначительныхъ вопросовъ и нѣсколько разъ посмотрѣлъ на чернаго Рапд. Его занимало: когда и кто привелъ въ его домъ эту собаку, имѣвшую чрезвычайную привязанность къ Геліи, а къ нему—возымѣвшую съ первой встрѣчи глухое личное неудовольствіе, способное, при всякомъ удобномъ поводѣ, перейти въ открытую неприязненность? Фебуфисъ даже не вытерпѣлъ и полюбопытствовалъ:

— Когда сюда перебрался Рапд?

Гелія отвѣчала, что Рапд пришелъ вчера съ ея вѣрною служанкой.

«Рапд и вѣрная служанка!.. Недурненькія штучки для начала», подумалъ Фебуфисъ и затѣмъ спросилъ:

— А гдѣ вы нашли для него здѣсь помѣщеніе?

— Его помѣщеніе, какъ всегда, при мнѣ.

— Нѣтъ, гдѣ онъ спалъ?

— На коврѣ, въ ногахъ у моей постели.

«Какова штучка!»—подумалъ Фебуфисъ и всталъ, чтобы привѣтствовать двухъ близкихъ родныхъ жены, пріѣхавшихъ сдѣлать ей обычный визитъ на другое утро послѣ брака.

Фебуфисъ былъ радъ ихъ приходу, чтобы избавиться отъ

сообщества, въ которомъ ему становилось тяжело, и, въ то же время, показать первое проявленіе и своего равнодушія, и своего самообладанія.

Онъ мало поговорилъ и, вставъ, направился къ себѣ въ мастерскую; но, при поворотѣ на коврѣ, наткнулся на Рапѣ и чуть не упалъ.

Онъ видѣлъ, что гости и его жена сдѣлали надъ собою усиліе, чтобы не засмѣяться его полету и смѣшному взмаху, который онъ сдѣлалъ руками.

Одинъ Рапѣ поглядѣлъ на него серьезно и грустно, безъ унижительной ироніи, и, звучно вздохнувъ изъ глубины своей собачьей души, точно хотѣлъ сказать: «Ахъ, уйди, тебѣ здѣсь не мѣсто!»

Фебуфисъ, съ своей стороны, подумалъ: «Я эту собаку непременно убью», и затѣмъ онъ прошелъ къ себѣ въ мастерскую, одновременно чувствуя и бѣшенство, и неотразимую потребность удерживаться, и вдругъ онъ схватилъ кисти и началъ работать.

Съ этихъ поръ мастерская, этажемъ выше жилья, сдѣлалась его постояннымъ пріютомъ. Онъ точно вышелъ изъ дому безъ спора и безъ боя, самъ не замѣтивъ, какъ это случилось.

Онъ дѣлалъ съ женой визиты; былъ съ нею на завтракѣ, въ замкѣ, у герцога, причемъ герцогъ, поздравляя Гелію, поцѣловалъ у ней руку въ присутствіи герцогини. Потомъ у нихъ былъ родственннй обѣдъ, за которымъ Фебуфисъ убѣдился, что отецъ его жены не дастъ дочери ничего, а что всѣ прочіе ея родственники совсѣмъ даже и не намѣрены почитать его за замѣчательнаго человѣка. Они нисколько не скрываютъ, что смотрятъ на него просто какъ на герцогскаго фаворита, до котораго они снизошли случайно, по обстоятельствамъ, о которыхъ онъ пойметъ въ свое время и для которыхъ обизанъ будетъ поработать. Вообще современемъ ему скажутъ, что дѣлать. За обѣдомъ послѣдовалъ балъ, на которомъ, въ блестящей свитѣ, прошелъ герцогъ, и опять уже не разъ, а два раза поцѣловалъ руку Геліи, — здороваясь и прощаясь, — и сидѣлъ съ ней одной пять минутъ въ уединенной, маленькой гостиной, изъ которой, по принятому этикету, въ эти минуты всѣ вышли. Потомъ онъ подарилъ, по старинѣ, вниманіемъ и Фебуфиса. Онъ спросилъ его:

— Счастливъ?

Фебуфисъ поблагодарилъ за вниманіе.

— То-то!—пощупилъ герцогъ и, улыбаясь, шепнулъ ему на ухо:—Будь терпѣливъ и уповай на Бога.

«Что за дьявольщина!—подумать, провожая герцога, Фебуфисъ.—Во что, въ самомъ дѣлѣ, онъ не вмѣшивается, чего онъ только не знаетъ и о чемъ онъ не говоритъ!.. Какъ его много! Какъ его вездѣ чертовски много!»

И вдругъ онъ остановился на мѣстѣ и зашатался. Онъ вдругъ ясно увидѣлъ, что *его жена любовница герцога*.

Съ Фебуфисомъ сдѣлался обморокъ, и довольно странный обморокъ, въ которомъ продолжалось сознаніе.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Этого, можетъ-быть, только не видятъ другіе, или, наоборотъ, это видѣли и видятъ всѣ, кромѣ его. Онъ настоящій, форменный мужъ, который узнаетъ о своемъ позорѣ самый послѣдній и потомъ смиряется и сноситъ это изъ ложнаго стыда или выгоды, но вотъ тутъ ужъ ошибка,—этого одного ужъ ни за что не будетъ съ Фебуфисомъ. Этого онъ не снесетъ ни за какія выгоды въ мірѣ. Онъ это разъяснить и разрубить все сейчасъ, сію минуту. И всѣ условія ему благоприятствовали—обморокъ сокрылъ отъ него развѣздъ гостей и окончаніе бала. Придя окончательно въ чувство, Фебуфисъ увидѣлъ себя въ полумракѣ, на кушеткѣ, въ будуарѣ жены. Сюда перенесли его гости, при которыхъ онъ уналь, въ дурнотѣ, проводивши герцога. Гелія стояла передъ нимъ, возлѣ нея была ея «вѣрная служанка» и невдалекѣ отъ нея, глядя ей въ глаза, лежалъ не менѣе вѣрный Рапд. Огни во всѣхъ апартаментахъ были потушены и въ домѣ была тишина; сквозь складки оконныхъ занавѣсъ видѣлась звѣзда, меркнувшая въ предразсвѣтной синевѣ неба.

Фебуфисъ остановилъ взглядъ на служанкѣ и сказалъ:

— Зачѣмъ она здѣсь?

Гелія сдѣлала легкое движеніе головой, и женщина вышла.

— Могу ли я сдѣлать вамъ одинъ вопросъ?—сказалъ Фебуфисъ.

— Конечно,—отвѣчала Гелія.

— О чемъ съ вами говорилъ наединѣ герцогъ?

Гелія сдвинула брови и покрасѣла. Фебуфисъ мгновенно сорвался съ мѣста и вскрикнулъ:

— Я хочу это знать!

— Онъ говорилъ со мной объ одномъ дѣлѣ моего отца.

— О какомъ дѣлѣ?

— Я не должна этого никому сказать.

— Это неправда!.. это ложь!.. Вы его любовница!

Краска мгновенно сбѣжала съ лица Гелии и замѣнилась болѣзненною блѣдностью.

— Да, — продолжалъ Фебуфисъ: — я васъ поймалъ... я васъ открылъ, я теперь понимаю ваше поведеніе, и вотъ... вотъ...

— Что вы хотите?

— Ничего!.. Отъ васъ ничего... Поняли?

— Поняла.

— Прекрасно!.. Мнѣ не нужна герцогская любовница!

— Да!

— Да. Вы должны были, но крайней мѣрѣ, раньше мнѣ сознаться въ этомъ.

— Идите-жъ вонъ отсюда!.. Сейчасъ же вонъ, или... эта собака перекуситъ вамъ горло!

— Я вонъ... я?!

— Да, вы... Вонъ, сынъ приказчика моего дѣда!

— О,—протянулъ Фебуфисъ, въ головѣ котораго его собственный павлинъ вдругъ распустилъ всѣ свои перья:— такъ вы вотъ какъ на меня смотрите! Я вамъ покажу, кто я!

И онъ, задыхаясь и колеблясь отъ гнѣва на ногахъ, пошелъ въ свою мастерскую, но онъ не легъ спать, — его пожирала простая физическая жажда мщенія, — онъ сошелъ опять внизъ, взялъ изъ буфета двѣ бутылки шампанскаго и обѣ ихъ выпилъ, во все время безпрестанно волнуясь и то такъ, то иначе соображая свое положеніе. Онъ непремѣнно хотѣлъ что-то сдѣлать, и не зналъ, что ему дѣлать. Въ этомъ успѣлъ остатокъ ночи и въ окнахъ свѣрѣлъ разсвѣтъ непогожаго дня.

Фебуфисъ сталъ приходить въ другое, мирное настроеніе: онъ чувствовалъ теперь потребность сказать женѣ, — холодно и не роняя своего достоинства, — что они навсегда будутъ чужды другъ другу, и рѣшить сообща съ нею, какъ имъ держать себя, пока они найдутъ наименѣе скандальный выходъ. Это будетъ холодное, дѣловое объясненіе, но его надо сдѣлать немедленно, сейчасъ, чтобы ни опъ, ни

она не предприняли ничего несоответственного пороку и чтобы съ сердца разомъ скорѣе сбросить то, что такъ тяжело и гадко.

Но двери ея спальни, конечно, опять уже занерты, и если она ихъ опять не отпереть?.. Ему надо было, просто, уходя, вынуть ключъ, но онъ не догадался. Но онъ ее *заставитъ* отпереться. Онъ не будетъ стучать и ломиться, какъ ревнивый портной, а онъ ее убѣдитъ... онъ ее образумитъ. Такъ или иначе, она ему отпереть и его выслушать... А иначе... онъ сдѣлаетъ чортъ знаетъ что!

Онъ вышелъ еще залпомъ, одинъ за другимъ, два стакана шампанскаго, взявъ съ каминна флаконъ со скипидаромъ и сталъ спускаться съ лѣстницы. Онъ не чувствовалъ себя пьянымъ и, въ самомъ дѣлѣ, онъ не былъ пьянъ. Онъ ни скоро, ни тихо подошелъ къ жениной спальнѣ, которая, дѣйствительно, оказалась запертою, спокойно тронулъ ручку двери и произнесъ спокойнымъ голосомъ:

— Я прошу васъ меня извинить и не отказать мнѣ выйти ко мнѣ въ эту комнату: мы должны сейчасъ объясниться.

Гелія не отвѣчала.

— Я хочу знать, слыните ли вы, что я вамъ говорю?

— Слышу.

— Одѣньтесь и выйдите. Это важно для моей и вашей жизни.

Молчаніе.

— Я вамъ даю слово, что вы не услышите ни одного грубаго слова. Не бойтесь меня.

Ему слышалось, что она какъ-будто ходитъ и что-то дѣлаетъ, но на его слова не отвѣчаетъ.

— Я вамъ даю слово, что вамъ меня не должно бояться.

Она отвѣтила: «я не боюсь», и опять слышались ея шаги и движеніе.

«Она ждетъ служанку и хочетъ уйти другимъ ходомъ!» Это его взбѣсило.

— Вы не отворите?!—вскричалъ онъ, послѣ нѣсколькихъ словъ, оставленныхъ ею безъ отвѣта.

Гелія снова молчала.

— А, въ такомъ случаѣ, я сейчасъ сожгу васъ въ вазѣ затворѣ.

Съ этимъ онъ плеснулъ скипидаромъ на портьеры и зажегъ ихъ и въ полномъ безуміи бросился къ другому выходу изъ спальни, но въ это же мгновеніе осажденная повернула ключъ и, открывъ двери, предстала въ пылающей рамѣ горящихъ портьеръ. Она была въ мантильѣ и въ платьѣ, съ головой, покрытой кружевною косынкой. Этого Фебуфисъ не ожидалъ и вскрикнулъ:

— Куда вы?

Она только смѣрила его глазами и сдѣлала шагъ впередь.

Тогда онъ, забывъ все, кинулся, чтобы остановить ее, но она на все это была готова: она вынула изъ-подъ мантильи руку и подняла прямо противъ его лица маленькій, щегольскій пистолетъ.

— Я этого не боюсь! — вскричалъ Фебуфисъ.

— А я требую только, чтобы вы до меня не касались.

Изъ отуманенной бѣшенствомъ и, можетъ быть, отчасти виномъ головы Фебуфиса выскочилъ сразу весь плачь его мирныхъ и благородныхъ дѣйствій. Не успѣла его жена пройти черезъ залу, какъ онъ догналъ ее у второй двери и схватилъ ее сзади за мантилью. Гелія ударилась вискомъ о рѣзной шпингалетъ и, вскрикнувъ отъ боли, рванулась и убѣжала... Въ рукахъ Фебуфиса осталась только ея мантилья. Жена ушла... стало пусто: на полу лежала большая золотая шпилька, вершка въ четыре длиной, какія носили по тогдашней модѣ, и на узорчатомъ шпингалетѣ двери вѣлились, тихо колеблясь, нѣсколько длинныхъ и тонкихъ, шелковистыхъ черныхъ волосъ.

Гелія убѣжала изъ мужнина дома, какъ изъ разбойничьяго вертена, въ одномъ платьѣ, и безотчетно пошла, какъ нѣкогда шель куда-то обиженный Пикъ. Она не замѣчала ни окружавшей ее стужи, ни вѣтра, который трепалъ ея прекрасные волосы и билъ въ ея красивое, негодующее лицо мелкими искрами леденистаго снѣга.

Въ умѣ Геліи было идти прямо къ герцогу и сказать ему:

— Защитите меня отъ обиды и, если вы рыцарь, — какъ о васъ говорятъ, — скажите, что я не была вашею любовницей и отместите за мою честь.

Она вѣрила, что она должна и можетъ это сказать, что она это непременно скажетъ, и что о_нъ защититъ ее какъ рыцарь.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Не давая себѣ отчета, хорошо или дурно она думаетъ, Гелія очутилась у герцогскаго замка. Выросши въ торговомъ городѣ, жившемъ болѣе во внѣшнихъ политическихъ сношеніяхъ съ Европой, чѣмъ съ своимъ правительственнымъ центромъ, Гелія имѣла очень недостаточныя понятія о томъ, какъ можно и какъ нельзя говорить съ герцогомъ; но и это послужило ей въ пользу, или, быть-можетъ, во вредъ, какъ мы увидимъ потомъ, при развитіи нашего повѣствованія.

Въ замкѣ и вокругъ замка герцога жизнь начиналась по-военному, то-есть очень рано, и въ тотъ ранній часъ, когда Гелія показалась у подъѣзда герцога, тамъ уже стояла запряженная для него лошадь.

Гелія пошла прямо къ подъѣзду и стала у колонны. Дежурившій у подъѣзда офицеръ настоятельно просилъ ее удалиться и особенно указать ей на сопровождающую ее собаку.

Гелія слабо понимала рѣчь того языка, на которомъ говорили въ столицѣ герцогства, но поняла указанія на Рапи и нетерпѣливо взглянула на него глазами.

Тяжелый и сильный звѣрь поднялся и пошелъ прочь за уголъ главной площадки замка.

— И вы сами тоже должны удалиться, — сказалъ офицеръ, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ настоять на этомъ, массивная дверь быстро распахнулась и появился герцогъ. Гелія къ нему бросилась, какъ дитя и, въ то же время, какъ увѣренная въ своемъ достоинствѣ женщина.

Герцогъ остановился: вѣтеръ сильно перебивалъ ея лепетъ.

Она говорила, но онъ не понималъ ея и... не узнавалъ ея.

Она въ отчаяніи закрыла лицо руками.

Герцогъ еще отодвинулся и приложилъ ладонь надъ глазами.

Гелія упала на колѣни и на этотъ разъ твердо сказала: — Молю васъ, спасите.

— Что нужно? — спросилъ грозно герцогъ.

И въ этотъ же мигъ онъ узналъ Гелію и ужаснулся.

— Это вы, Гелія! Что съ вами случилось?

И онъ подался къ ней ближе и закрылъ ее отъ вѣтра и снѣга полою своего плаща.

— Ваша свѣтлость! — простонала она: — была ли я вашею любовницей?—и, зарыдавъ, она не могла продолжать дальѣ.

Герцогъ замѣтилъ, что она шатается, и подхватилъ ее подъ руки.

— Кто смѣлъ сказать это?

— Вы меня выдали замужъ, — произнесла Гелія.

— Ну, да!.. Что-жъ дальнѣе?

Гелія протянула къ герцогу руку, въ которой былъ шпатель, и сказала:

— Прикажите скорѣе взять меня въ тюрьму.

— За что?

— Я сейчасъ хотѣла убить моего мужа.

— За что?

Она плакала.

— Говорите скорѣе, за что?

— Онъ хотѣлъ меня сжечь; онъ обращается со мною какъ разбойникъ!

И, произнося каждое слово, она колебалась на ногахъ и вдругъ совсѣмъ пошатнулась въ сторону.

Герцогъ плотнѣе прикрылъ ее плащомъ и сказалъ:

— Смотрите... правда ли это?

Вмѣсто отвѣта, Гелія взяла холодною рукой руку герцога и приблизила ее къ своей головѣ.

На бѣлой замшевой перчаткѣ герцога остались капля крови и нѣсколько глянцовитыхъ и тонкихъ черныхъ волосъ.

Изъ груди его вырвался звукъ ужаса и негодованія.

— Злодѣй! — вскричалъ герцогъ: — онъ будетъ страшно наказанъ!

Съ этими словами, задыхаясь и сверкая глазами, разгнѣванный герцогъ всхлинулъ и потомъ отечески обнялъ молодую красавицу, и, почувствовавъ, что она падаетъ, поднялъ ее, какъ дитя, на руки, поцѣловать въ темя и съ этою пошею возвратился назадъ въ двери замка.

Оглавление

XXXI ТОМА.

	стр.
Печерскіе антики. (Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній).	3
Чортовы куклы. (Главы изъ неоконченнаго романа).	90

F

24.124/31-33